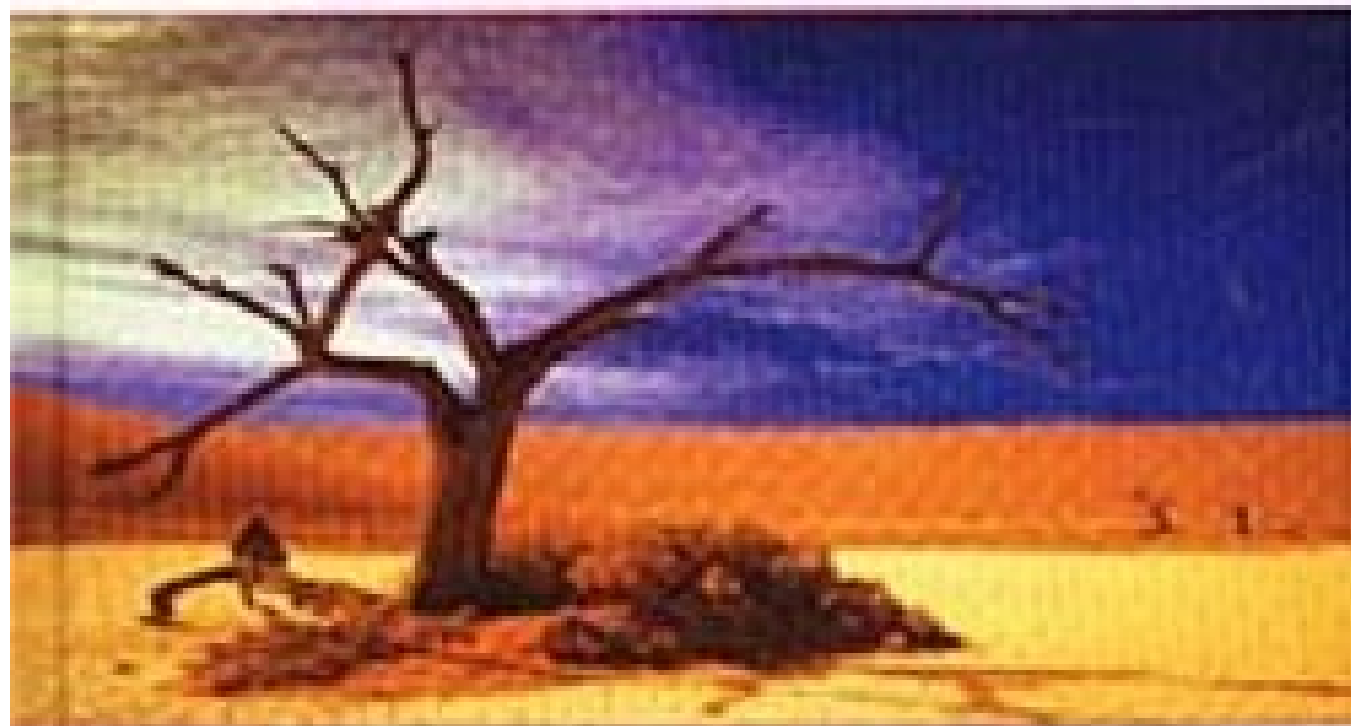

Джеймс Редфилд

СЕЛЕСТИНСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА

«СЕРИЯ ИМПЕРИЯ»

«Селестинские пророчества» в русском переводе
впервые опубликованы в 1990 г.

«Селестинские пророчества» в русском переводе
впервые опубликованы в 1990 г.

«Селестинские пророчества» в русском переводе
впервые опубликованы в 1990 г.

«Селестинские пророчества» в русском переводе
впервые опубликованы в 1990 г.

«Селестинские пророчества» в русском переводе
впервые опубликованы в 1990 г.

«Селестинские пророчества» в русском переводе
впервые опубликованы в 1990 г.

LITRU.RU

«Селестинские пророчества» – уникальная книга, изданная во всем мире многомиллионными тиражами и ставшая подлинной сенсацией. Это результат многолетних интеллектуальных исканий, давших ключ к духовному самопознанию человека. По сути, «Селестинские пророчества» – необычный учебник просветления сознания, позволяющий выйти на новый уровень освоения действительности. Джеймсу Редфилду удалось невозможное – в своих произведениях он сформулировал суть особого восприятия чувств и явлений, которые все в большей степени определяют нашу жизнь, создал новую мифологию третьего тысячелетия. Прочитав книги Редфилда, вы поймете: великая радость жизни состоит в том, чтобы самостоятельно открыть для себя истинные ценности бытия.

Джеймс Редфилд

Селестинские пророчества

Уже полвека в жизнь людей входит новое сознание, новое ведение, которое иначе как необыкновенным, духовным, не назовешь. Если вы решили прочитать сию книгу, то, возможно, уже чувствуете в себе этот процесс.

Начинается все с обостренного ощущения движения жизни вперед. Мы замечаем, что события, которые кажутся случайными, происходят в самый нужный момент, люди на нашем пути встречаются именно те, что нам нужны, и это придает жизни новизну и значимость. Возможно, мы интуитивно угадываем за этими загадочными явлениями гораздо больший смысл, чем люди, жившие в иные времена.

Мы знаем, что жизнь на самом деле – это некое удивительное духовное раскрытие, которое присуще каждому и глубоко индивидуально. Этому духовному раскрытию в полной мере еще не дано объяснения ни наукой, ни философией, ни религией. Известно и другое: когда мы действительно поймем суть происходящего, поймем, как овладеть этим пробуждающим мысль процессом и предпринять все для того, чтобы он занимал в нашей жизни как можно больше места, человеческое общество сделает значительный шаг вперед, жизнь примет абсолютно иное развитие и воплотит все лучшее, что унаследовано нами из прошлого. Таким образом, будет положено начало той культуре человечества, к которой люди стремились во все времена.

О таком новом восприятии и повествует эта книга. Если вы не останетесь равнодушными, если она даст ответы на мучающие вас вопросы, передайте другому обретенное вами понимание. Ведь именно таким образом, как мне кажется, передается новое восприятие духовного: не как прежде, когда духовные истины вдалбливались или открывались благодаря случайностям, но через личное общение, когда, словно во время эпидемии, люди заражаются положительными эмоциями.

Каждому из нас остается лишь отставить сомнения и на какое-то время сосредоточиться, чтобы произошло чудо и новая, необыкновенная реальность вошла в нашу жизнь.

Критическая масса

Подъехав к ресторану, я остановил свой грузовичок на стоянке и, откинувшись на сиденье, задумался. Чарлин, конечно, уже там и ждет нашего разговора. Интересно, что случилось? Шесть лет от нее не было вестей. Почему она объявилась именно сейчас, когда я, бросив все дела, на неделю уехал в лес?

Я вышел из машины и направился к ресторану. За спиной у меня гасли последние лучи заката, и на влажном асфальте стоянки играли золотисто-янтарные блики. Час назад пронеслась гроза, и все вокруг затопило потоками воды. Воздух был напоен свежестью, и это придавало летнему вечеру какую-то обновленность, а гаснущий свет делал его, чуть ли не волшебным. Над головой висел серп луны.

Я не переставал размышлять о Чарлин – той, прежней. Так же ли она привлекательна и энергична? Или со временем стала другой? И причем здесь этот Манускрипт, о котором она обмолвилась, – какая-то древняя рукопись, которую обнаружили в Южной Америке и о которой ей так не терпелось рассказать?;

«Я в аэропорту: мой рейс задерживается на два часа, – сказала она по телефону. – Может, поужинаем вместе? То, о чем говорится в Манускрипте, тебе страшно понравится – такие тайны как раз в твоем вкусе».

Тайны в моем вкусе?.. Что бы это могло значить? Ресторан был переполнен. Несколько пар

ожидали, когда появятся свободные места. Я стал взбираться по ступенькам к столикам, которые поднимались уступами над главным залом, – туда, где, по словам метрдотеля, уже устроилась Чарлин. Вокруг одного из этих столиков столпились люди. Среди толпы я заметил полицейских, которые, выбравшись из нее, бросились мимо меня вниз по ступенькам. Когда оставшиеся зеваки стали расходиться, я заметил того, кто, похоже, привлек всеобщее внимание: за столиком сидела женщина. Чарлин! Это была она. Я быстро подошел к ней:

– В чем дело, Чарлин? Что-нибудь случилось?

В притворном негодовании она откинула назад голову и встала, ослепив меня своей неподражаемой улыбкой. Прическа Чарлин, кажется, изменилась, но лицо ее осталось в точности таким, каким я его помнил: те же тонкие черты лица, большой рот, огромные голубые глаза.

– Ты не поверишь, – проговорила она, дружески обнимая меня. – Несколько минут тому назад я ненадолго отлучилась, и у меня украли сумку.

– А что в ней?

– Ничего особенного, всего лишь книги и журналы, которые я взяла в дорогу. С ума можно сойти. Люди за соседними столиками сказали, что кто-то просто подошел, взял сумку и спокойно ушел. Полицейским описали внешность вора, и они пообещали, что прочешут все вокруг.

– Может, пойти помочь им?

– Нет-нет. Оставим это. У меня немного времени, а так хочется поговорить с тобой.

Я кивнул, и Чарлин предложила мне сесть. Подошел официант, и мы, пробежав глазами меню, сделали заказ. Потом минут пятнадцать болтали о пустяках. Я пытался избежать разговора о своем добровольном отшельничестве, однако Чарлин почувствовала, что я что-то скрываю. Она наклонилась и снова одарила меня своей замечательной улыбкой.

– Ну и что же с тобой творится на самом деле? Подняв глаза, я встретил ее пытливый взгляд.

– Ты хочешь, чтобы я выложил тебе все сразу?

– Естественно. ю»

– Ну что ж, дело в том, что именно сейчас мне захотелось некоторое время побыть одному, и я обосновался на озере. Раньше я много работал, а теперь думаю изменить всю свою жизнь.

– Ла, припоминаю, ты рассказывал об этом озере. Я считала, что вам с сестрой пришлось продать его.

– Нет, продать еще не продали, но все дело в налогах на имущество. Город совсем рядом, и поэтому выплаты все время растут.

– Чем же ты собираешься заниматься дальше? – спросила она.

– Еще не знаю. Чем-нибудь другим. Чарлин со значением взглянула на меня:

– Такое впечатление, что тебя, как и всех, что-то одолевает.

– Похоже, что так. Ну и что?

– Об этом упоминается в Манускрипте. Посмотрев друг на друга, мы замолчали.

– Расскажи-ка об этом Манускрипте, – попросил я. Она откинулась на стуле, как будто собираясь с мыслями, а потом внимательно посмотрела мне в глаза:

– Кажется, я уже говорила, когда звонила тебе, что несколько лет назад ушла из газеты и теперь работаю на одну фирму, которая исследует для ООН культурные и демографические изменения в мире. Последний раз я ездила от этой компании в Перу.

Когда я выполняла одно из исследований в университете Лимы, до меня постоянно доходили слухи о некоем Манускрипте. Однако добиться от кого-либо подробностей было просто невозможно, даже на кафедрах археологии и антропологии. А когда я связалась по этому

поводу с властями, мне ответили, что ничего не знают.

Один человек подсказал мне, что на самом деле власти по какой-то причине стараются скрыть существование этого документа. Однако он тоже ничего толком не знал.

– Ты помнишь, – продолжала Чарлин, – я – человек любопытный. Когда моя работа была выполнена, я решила задержаться еще на пару дней и посмотреть – может, удастся что-нибудь выяснить. Поначалу мне не удалось обнаружить ни одной зацепки. Но однажды за завтраком в одном из кафе в предместье Лимы я заметила, что за мной пристально наблюдает какой-то священник. Спустя несколько минут он подошел ко мне и признался, что слышал, как утром я расспрашивала про Манускрипт. Священник не стал называть своего имени, но согласился ответить на все мои вопросы.

На какое-то мгновение моя собеседница в нерешительности умолкла и пристально посмотрела на меня:

– По его словам, Манускрипт относится к 600-му году до Рождества Христова. В нем предрекаются глобальные преобразования человеческого общества.

– Ну и когда же они начнутся? – усмехнулся я.

– В последние десятилетия двадцатого века.

– То есть сейчас?!

– Ну да, сейчас.

– Что же это за преобразования? – не унимался я. На какую-то секунду Чарлин смутилась, но потом решительно заговорила:

– Священник поведал мне, что это некое возрождение сознания и что протекает оно очень медленно. Это не религия, но духовность его несомненна. Нам предстоит узнать нечто новое о жизни людей на нашей планете, о смысле нашего существования, и это знание, как он утверждал, совершенно изменит человеческую цивилизацию.

Она снова остановилась, а потом добавила:

– По словам священника, Манускрипт состоит из нескольких частей или глав, и каждая несет отдельное жизненное откровение. В Манускрипте предсказано, что именно сейчас люди начнут постепенно, одно за другим, познавать эти откровения, и по мере этого мы будем продвигаться вперед от того, что мы есть, к высшему уровню духовной жизни на Земле.

Я недоверчиво поднял бровь и покачал головой:

– И ты на самом деле веришь во все это?

– Ну, я полагаю... – начала она, но я ее перебил и указал на сидящих в зале под нами людей:

– Оглянись вокруг. Вот он. реальный мир. Разве меняется в нем хоть что-нибудь?

Не успел я произнести эти слова, как из глубины зала донесся полный негодования голос. Слов было не разобрать, но сказано было достаточно громко, чтобы весь зал замолчал и прислушался. «Еще одно ограбление», – было первое, что пришло мне в голову. Но я тут же понял, что это всего лишь ссора. Из-за столика вскочила женщина лет тридцати, возмущенно глядя на своего собеседника.

– Нет! – пронзительно кричала она. – Я хочу других отношений! Понятно тебе? Других!

Она подхватила свои вещи, швырнула на стол салфетку и быстро вышла.

Мы с Чарлин смущенно смотрели друг на друга: ведь этот инцидент случился именно тогда, когда мы говорили о сидящих внизу. В конце концов, Чарлин кивком указала на столик, за которым сидел оставшийся в одиночестве мужчина, и проговорила:

– Вот этот реальный мир и меняется.

– Но каким образом? – Я никак не мог прийти в себя.

– Преобразование начинается с Первого откровения, и, как утверждал священник, это откровение обнаруживается на первых порах бессознательно и выражается в поднимающемся

откуда-то из глубины души нетерпении.

– Нетерпении?;

– Да.

– И что же нам не терпится сделать?

– В этом-то все и дело! Поначалу трудно даже сказать – что. В Манускрипте говорится, что нам начинает открываться какой-то другой опыт... иногда случается так, что начинаешь чувствовать себя иначе, ощущаешь в жизни большую наполненность и вдохновение. Но мы не знаем, ни что собой представляют эти ощущения, ни как сохранить их. И когда это состояние проходит, остается лишь чувство неудовлетворенности, и кажется, что нет больше сил терпеть нашу жизнь во всей ее обыденности.

– Ты считаешь, что женщина, которая сейчас устроила скандал, разошлась так из-за этого нетерпения?

– Да. Она ничем не отличается от любого из нас. Мы все стремимся к более полной жизни и не хотим мириться с тем, что, как нам кажется, приводит нас в уныние. Именно эти не дающие людям покоя искания лежат в основе характерного для последних десятилетий типа поведения – «я прежде всего», проявление которого можно усмотреть в каждом – от банкира с Уолл-Стрит до бандита из уличной шайки.

– А когда дело доходит до отношений с другими, – добавила Чарлин, буквально пронзая меня взглядом, – мы' становимся такими требовательными, что делаем эти отношения почти невозможными.

При этих словах мне пришли на ум два моих последних увлечения. Они были поначалу захватывающими, но в течение года оба сошли на нет. Чарлин терпеливо ждала, пока я снова вспомню о ней.

– Так что же в действительности происходит с нашими любовными увлечениями? – поинтересовался я.

– Мы долго говорили об этом со священником. Он утверждает, что когда партнеры излишне требовательны друг к другу, когда каждый считает, что другой должен жить в его или ее мире и непременно принимать участие в облюбованной им или ею деятельности, то противостояние становится неизбежным.

Сказано было в самую точку. Мои последние увлечения действительно обернулись, в конечном счете, борьбой за главенствующую роль. Как в первом, так и во втором случае оказалось, что нас обоих не устраивает распорядок дня другого. Наши отношения разворачивались чересчур стремительно. У нас было слишком мало времени для того, чтобы вместе решить, что делать, куда ходить, какие цели ставить перед собой. В конце концов вопрос, кто будет верховодить, кто задаст тон всему, превратился для нас в неразрешимую проблему.

– Этим стремлением, во что бы то ни стало контролировать друг друга, – продолжала Чарлин, – Манускрипт объясняет, почему нам так непросто подолгу оставаться с одним и тем же человеком.

– Ну и ничего особенно духовного я в этом не нахожу.

– Я ответила священнику точно так же. На это он мне сказал: «Запомни, пока мы можем проследить, что невзгоды общества порождаются в основном именно этими исканиями и нетерпением, – это всего лишь временные трудности, и они будут изжиты. В конце концов мы осознаем, чего страждем, в чем на самом деле заключается наполняющий жизнь новый опыт. Когда мы сможем объять его во всей полноте, мы и сподобимся Первого откровения».

В это время подоспел наш ужин, и мы на несколько минут прервали беседу. Официант разливал по бокалам вино, а мы снимали пробу с блюд, которые стояли перед каждым из нас. Перегнувшись через стол, чтобы взять у меня с тарелки кусочек семги, Чарлин наморщила нос и

коротко рассмеялась. А мне подумалось: как с ней все-таки легко!

– Хорошо, – начал я, – так что же это за опыт, которого мы так страждем? В чем состоит Первое откровение?

Словно не зная, с чего начать, Чарлин заговорила не сразу.

– Это не так просто объяснить. Но, по словам – священника, Первое откровение приходит тогда, когда мы начинаем понимать, что значат в нашей жизни случайные стечения обстоятельств.

Моя собеседница наклонилась ко мне ближе:

– У тебя никогда не возникало предчувствия или интуитивного предвидения того, что ты собирался сделать или какой путь хотел выбрать в жизни? Ты когда-нибудь задумывался, – откуда это берется? Ведь потом, когда ты, почти забыв о своих прозрениях, увлекался совсем другим, с тобою неожиданно происходила необъяснимая встреча, или ты что-то вычитывал, или отправлялся как раз туда, где происходило именно то, что тебе привиделось?

– Так вот, – продолжала она, – этот священник не сомневается, что подобные стечения обстоятельств происходят все чаще, и при этом их последствия гораздо значительнее, чем можно было бы ожидать от чистой случайности. Начинает казаться, что по жизни нас ведет не поддающаяся объяснению сила. Вместе с этим опытом приходит ощущение таинственности, и мы начинаем испытывать необыкновенный жизненный подъем.

Священник говорит, что это и есть тот опыт, который нам иногда удается уловить на мгновение и который сегодня мы пытаемся сделать нашим постоянным спутником в жизни. С каждым днем все больше людей убеждаются в том, что это загадочное явление существует на самом деле, что в нем заложен определенный смысл, и что за обыденностью жизни кроется что-то еще. Осознание этого и есть Первое откровение.

Чарлин выжидающе взглянула на меня, однако, я промолчал.

– Неужели непонятно? – не успокаивалась она. – Первое откровение – это взгляд со стороны на окружающую нас тайну, которая является неотъемлемой частью жизни каждого человека на нашей планете. Мы испытываем на себе эти загадочные стечения обстоятельств и, даже отчетливо не понимая, что это такое, уверены в их существовании. Мы вновь испытываем пережитое в детстве ощущение присутствия еще чего-то другого в жизни. Нам предстоит открыть для себя нечто, происходящее как бы за кулисами повседневности.

Говоря это, моя приятельница отчаянно жестикулировала и нагибалась ко мне все ближе.

– Неужели ты действительно так увлечена этим? – спросил я.

– Было время, – заметила она, и в ее голосе зазвучали жесткие нотки, – когда о подобном рассказывал ты.

Ее замечание потрясло меня. Чарлин была права. В моей жизни действительно было время, когда все происходило именно так, я же не пытался дать этому психологическое объяснение. В какой-то момент я изменил свою точку зрения. Не знаю, что стало тому причиной, но я начал относиться к подобным ощущениям как к чему-то незрелому и далекому от действительности и в конце концов перестал обращать на них внимание.

Я взглянул прямо в глаза Чарлин и проговорил, как бы оправдываясь:

– Наверное, я начитался тогда книг по философии Востока или христианской мистике. Вот о чем ты вспоминаешь. Во всяком случае, Чарлин, о том, что ты называешь Первым откровением, уже писали, и неоднократно. В чем здесь разница? Каким образом восприятие некой тайны, скрытой за случайными стечениями обстоятельств, может привести к преобразованиям человеческой цивилизации?

На какой-то миг Чарлин опустила глаза, потом снова посмотрела на меня:

– Не нужно толковать мои слова превратно. Несомненно, это уже было осознано и описано

прежде. Священник сам заострил на этом внимание, пояснив, что Первое откровение неново. В истории человечества были люди, которые знали об этих необъяснимых совпадениях. Постигание этой загадки подвигло их на величайшие философские и религиозные дерзания. Сегодня же разница заключается в числе таких людей. Священник убежден, что причина происходящих ныне преобразований заключается в громадном числе посвященных, которые одновременно несут в себе это понимание.

– А что именно он имел в виду?

– В Манускрипте сказано, говорил он, что на шестое десятилетие двадцатого века придется основной рост числа людей, понимающих, что стоит за этими совпадениями. По его словам, этот рост будет продолжаться до тех пор, покак началу следующего столетия количество посвященных не достигнет некоей особой отметки – уровня, подобного критической массе.

– В Манускрипте предречено, – продолжала убеждать меня Чарлин, – что когда мы достигнем этой критической массы, все человечество начнет воспринимать эти вроде бы случайные совпадения серьезно. Мы начнем размышлять над этими загадочными явлениями, которые скрыты за жизнью людей на этой планете. И именно этот вопрос, который в одно и то же время зададут себе определенное число людей, позволит прийти к постижению и других откровений. Ибо, утверждается в Манускрипте, когда достаточно много людей по-настоящему задумаются о смысле жизни, для нас многое начнет проясняться. Нам будут даны и остальные откровения... одно за другим.

Чарлин замолчала, и некоторое время была занята едой.

– Значит, когда мы постигнем остальные откровения, цивилизация подвергнется изменениям? – спросил я.

– Так утверждал этот священник.

Некоторое время я смотрел на свою собеседницу, размышляя о понятии критической массы, а потом заметил:

– Знаешь, больно мудрено все это для Манускрипта, написанного в 600-м году до Рождества Христова.

– Да уж, – согласилась она. – Я и сама спрашивала об этом. Однако священник заверил, что ученые, первыми переведившие Манускрипт, абсолютно убеждены в его подлинности. Главным образом потому, что он написан на арамейском языке, том самом, на котором изложена большая часть Ветхого Завета.

– Арамейский язык в Южной Америке? Как он мог оказаться там, в 600-м году до Рождества Христова?

– Этого священник не знает.

– А католическая церковь, к которой он принадлежит, за Манускрипт или против него?

– Против, – вздохнула Чарлин. – Он рассказывал, что большая часть церковников из всех сил стараются скрыть Манускрипт. Именно поэтому священник не стал открывать мне своего имени. По всей видимости, даже просто говорить о Манускрипте для него небезопасно.

– А этот священник не объяснял, почему служители Церкви ведут борьбу против Манускрипта?

– Да, он упомянул об этом. Церковники боятся, что Манускрипт может нанести урон целостности их религии.

– Каким же образом?

– Точно не знаю. Он не распространялся на эту тему, однако, похоже, в остальных откровениях некоторые традиционные воззрения Церкви толкуются так, что это не может не тревожить ее иерархов, которые считают, что все хорошо так, как есть.

– Понятно.

– Священник утверждал, – продолжала Чарлин, – что Манускрипт никоим образом не подрывает принципы Церкви. Помимо всего прочего, он делает более явным все, что подразумевается ее духовными истинами. Священник твердо убежден, что иерархи Церкви, несомненно, поймут это, если попытаются снова взглянуть на жизнь как на таинство, а затем постигнут остальные откровения.

– А он говорил, сколько всего откровений?

– Нет, но он упоминал о Втором откровении. Он сказал, что в нем толкуется о недавнем прошлом человечества, которое как раз и проясняет суть грядущих преобразований.

– Священник еще что-нибудь говорил об этом?

– Нет, у него не хватило времени. Он сказал, что, из-за срочного дела ему пора уходить. Мы договорились встретиться с ним еще раз во второй половине дня у него дома, но, когда я приехала, его там не было. Я прождала три часа, но он так и не появился. В конце концов мне пришлось уйти, чтобы успеть на самолет.

– Ты хочешь сказать, что больше не говорила с ним?

– Да. Я больше не видела его.

– И тебе так и не удалось получить от властей подтверждение того, что Манускрипт существует? – Нет.

– Когда все это произошло?

– – 11 примерно полтора месяца назад. Несколько минут мы молча ели. Потом Чарлин подняла на меня глаза:

– Ну и что ты думаешь об этом?

– Не знаю, – смутился я. Отчасти я скептически отношусь к тому, что люди могут стать другими. Но в то же время просто дух захватывало при одной только мысли, что на самом деле существует подобный Манускрипт, в котором заключены такие невероятные знания.

– Священник показывал тебе копию Манускрипта или что-нибудь вроде того? – спросил я.

– У меня есть только мои записи. Мы вновь замолчали.

– Знаешь, – проговорила Чарлин, – я была уверена, что эти идеи заденут тебя за живое. Я поднял на нее глаза:

– Думаю, мне понадобятся серьезные доказательства того, что сказанное в Манускрипте – истина. Она снова расплылась в улыбке.

– Что еще? – недоумевал я.

– Ты опять точь-в-точь повторил сказанное мною.

– Кому, священнику?

– Ну да.

– И что же он ответил?

– Что подтверждение – в практическом опыте.

– Как это понимать?

– Он хотел сказать, что изложенное в Манускрипте будет доказано нашей жизнью. Когда мы по-настоящему задумаемся над тем, что чувствуем в глубине души, над тем, чем является жизнь, мы осознаем, что мысли, выраженные в Манускрипте, содержат зерно истины. – Чарлин сделала паузу. – Понял, в чем здесь смысл?

На какое-то мгновение я задумался. Понял ли я смысл?

Все, как и я, не могут найти покоя, но если это так, то обязана ли эта неуспокоенность своим появлением незамысловатой истине – постигнутой к тридцати годам, – которая заключается в том, что в жизни на самом деле существует нечто большее по сравнению с тем, что мы знаем, большее, чем нам дает повседневный опыт?

– Не уверен, – наконец проговорил я. – Мне необходимо время, чтобы все это обдумать.

Я вышел из ресторана в сад и остановился за кедровой скамьей напротив фонтана. Справа мерцали огни аэропорта и доносился рев двигателей готового взлететь самолета.

– Какие прекрасные цветы, – послышался сзади голос Чарлин. Я обернулся: она шла ко мне по дорожке, с восхищением оглядывая петунии и бегонии, окаймлявшие площадку со скамьями. Чарлин встала рядом, и я обнял ее за плечи. Поток нахлынули воспоминания. Много лет назад, когда мы жили в Шарлоттсвилле, у нас проходили за разговорами целые вечера. В основном это были обсуждения научных теорий и человеческой психологии. Мы оба были увлечены и этими беседами, и друг другом. Тем не менее наши отношения всегда оставались платоническими.

– Просто не передать, – проговорила она, – как замечательно снова увидеться с тобой.

– Еще бы, – подхватил я. – Вот встретились, и нахлынуло столько воспоминаний.

– И почему, интересно, мы не пытались найти друг друга?

Ее вопрос снова заставил меня вернуться в прошлое. Я вспомнил последний день, когда мы виделись. Она прощалась со мной, стоя рядом с моей машиной. Тогда я был полон новых идей и отправлялся в свой родной город ра'бо-тать с детьми, перенесшими тяжелые психические травмы. Мне казалось, я знаю, каким образом эти дети могут избавиться от своего чрезмерно вызывающего поведения, желая играть какую-то роль, что мешает им жить своей жизнью. Однако через некоторое время я понял, что мой подход неверен. Пришлось признать, что я в этом не разбираюсь. Для меня до сих пор остается загадкой, каким образом человек может отрешиться от своего прошлого. Теперь же, оглядываясь на эти минувшие шесть лет, я не сомневаюсь, что полученный жизненный опыт не пропал даром. К тому же появилось желание двигаться дальше. Но куда? И для чего? О Чарлин я вспоминал лишь несколько раз с тех пор, как мои идеи о травмах детской психики с ее помощью приняли конкретную форму, и вот теперь она снова появилась в моей жизни – и во время беседы с ней я ощутил то же волнение, что и прежде.

– Наверное, я с головой ушел в работу, – ответил я.

– И я тоже, – откликнулась она. – В газете шел один репортаж за другим. Было просто головы не поднять. Обо всем остальном пришлось забыть.

Моя рука сжала ее плечо:

– Знаешь, Чарлин, я уже и не помню, какие славные у нас были беседы: уж больно легко да ладно выходит сейчас. Ее глаза и улыбка говорили о том же.

– Знаю, – подтвердила она. – Ведь разговоры с тобой заряжают такой энергией!

Я хотел что-то добавить, но заметил, что Чарлин, широко открыв глаза, смотрит уже не на меня, а в сторону входа в ресторан. Она побледнела, и на ее лице появилось выражение тревоги.

– Что случилось? – спросил я, стараясь понять, что ее так испугало. Несколько человек, непринужденно болтая, шли на автостоянку, и, казалось, ничего особенного не происходило. Я снова повернулся к Чарлин. Было такое впечатление, что она по-прежнему испытывает тревогу и замешательство.

– Что ты там увидела?

– Там, возле первого ряда машин... ты заметил человека в серой рубашке?

Я снова взглянул в сторону стоянки. Из дверей выходили посетители.

– А как он выглядит?

– Сейчас его уже, наверное, там нет, – взволнованно проговорила Чарлин, напряженно всматриваясь в людей на улице. Потом наши глаза встретились, и она продолжала: – Свидетели утверждали, что вор лысоват, носит бороду и на нем серая рубашка. Мне кажется, я заметила его сейчас на стоянке около машин... он следил за нами.

Я встревожился не на шутку. Сказав Чарлин, что сейчас приду, я дошел до автостоянки,

поискал вокруг, стараясь не уходить далеко. Никого похожего на ее описание я не заметил.

Когда я вернулся обратно, Чарлин приблизилась ко мне и тихо проговорила:

– Как ты думаешь, этот человек считает, что у меня есть список Манускрипта? Поэтому он и украл мою сумку? Он решил во чтобы то ни стало заполучить Манускрипт и вернуть его в Перу?

– Не знаю, – ответил я. – Но сейчас мы снова обратимся в полицию и расскажем о том, что ты видела. Полагаю, им не мешало бы проверить и тех, кто полетит твоим рейсом.

Мы зашли в ресторан, позвонили в полицию и, когда полицейские прибыли, рассказали о том, что произошло. Минут двадцать они проверяли все машины подряд, но потом сказали, что у них больше нет времени. Однако они согласились проверить пассажиров, летящих тем же самолетом, что и Чарлин.

Полицейские ушли, и мы с Чарлин вновь остались у фонтана одни.

– Послушай, а о чем мы, собственно, говорили? – спросила она. – До того, как я увидела этого человека?

– Мы говорили о нас с тобой, – отозвался я. – Чарлин, а почему ты решила рассказать об этом именно мне? Она взглянула на меня с недоумением:

– Там, в Перу, когда священник рассказывал о Манускрипте, мне в голову то и дело приходили мысли о тебе.

– Да что ты говоришь?

– Тогда я не придавала этому особого значения, – продолжала она, – но потом, когда вернулась домой в Штаты, всякий раз, задумавшись о Манускрипте, вспоминала о тебе. Много раз собиралась позвонить, однако каждый раз что-нибудь отвлекало. Затем получила это назначение в Майами, куда я сейчас и направляюсь, и уже в самолете выяснилось, что здесь будет промежуточная посадка. Из аэропорта я позвонила. Автоответчик сообщил, что ты на озере и беспокоить тебя можно лишь в самом крайнем случае. Но я решила, мол, ничего страшного, позвоню.

Некоторое время я молча смотрел на нее, не зная, что и подумать.

– Да-да, конечно, – выдавил я из себя, наконец. – Я рад, что ты позвонила.

Чарлин бросила взгляд на часы:

– Времени уже много. Пожалуй, мне пора в аэропорт.

– Я подвезу.

Мы подъехали к главному терминалу и прошли на посадку. Я внимательно смотрел по сторонам, стараясь не упустить ничего необычного. Началась посадка. Уже знакомый нам полицейский осматривал каждого пассажира. Когда мы подошли, он сообщил, что все прошедшие регистрацию осмотрены, но никого, кто внешне отвечал бы описанию вора, среди них не оказалось.

Мы поблагодарили его, и он ушел. Улыбающаяся Чарлин повернулась ко мне.

– Похоже, мне пора, – сказала она и обняла меня. – Вот мои телефоны. На этот раз давай не терять друг друга.

– Послушай, – взволнованно проговорил я. – Прошу тебя, будь осторожнее. Если заметишь что-нибудь подозрительное, вызывай полицию!

– Обо мне не беспокойся. Все будет хорошо. На какое-то мгновение наши взгляды встретились.

– А что ты собираешься предпринять относительно Манускрипта? – поинтересовался я.

– Не знаю. Наверное, ждать сообщений о нем в сводках новостей.

– А если Манускрипт окажется под запретом? Она одарила меня еще одной из своих лучезарных улыбок:

– Я так и знала. Вот ты и попался. Говорила же, что тебя это заинтересует. А что ты собираешься делать? Я пожал плечами:

– Видимо, попробую по возможности выяснить о нем что-нибудь еще.

– Прекрасно. Если удастся, дай мне знать. Мы еще раз попрощались, и Чарлин ушла. Я видел, как один раз она обернулась, махнула рукой, а потом скрылась в посадочном коридоре. Я же вернулся к своему грузовичку и покатил обратно на озеро. По дороге я остановился лишь один раз, чтобы заправиться.

Добравшись до места, я прошел на крытую веранду и устроился в кресле-качалке. В вечернем воздухе разносился многоголосый хор: звенели цикады, скрипели древесные лягушки, а где-то вдали слышался крик козодоя. От висевшего низко над водой месяца через все озеро по покрытой рябью поверхности протянулась дорожка лунного света.

Вечер получился занятным, но ко всей этой идее преобразования человеческой цивилизации я был настроен скептически. Как и многие другие, у меня в голове роились идеалистические идеи, которые были в ходу в шестидесятые – семидесятые годы, и я даже воспринял что-то от духовных интересов восьмидесятых. Однако судить о том, что происходит на самом деле, было непросто. Каким должно было быть новое знание, благодаря которому возможно изменить весь мир людей? Все это сильно отдавало идеализмом и казалось весьма сомнительным. Ведь в конце концов люди уже давно живут на этой планете. С какой стати им должно быть ни с того ни с сего ниспослано откровение о бытии именно сейчас, по прошествии столь долгого времени? Еще несколько минут я смотрел на воду, потом погасил свет и пошел читать в спальню.

Утром я проснулся внезапно, и в сознании четко запечатлелось виденное во сне. Минуту-другую я лежал, уставясь в потолок и, пытаясь восстановить в памяти как можно более полную картину приснившегося. Мне нужно было что-то отыскать, и я пробирался сквозь густой лес. Он был на редкость красив, и ему не было конца.

Двигаясь вперед, я постоянно попадал в такие переделки, когда наваливалось чувство потерянности и безысходности. Я не знал, что делать дальше. Но что самое невероятное – каждый раз, будто нарочно, как бы ниоткуда появлялся какой-то человек, и становилось ясно, куда нужно идти. Мне так и не удалось вспомнить, что было целью моих поисков, однако сон этот оставил ощущение невероятного подъема и уверенности в своих силах.

Сев в постели, я увидел полоску солнечного света, протянувшуюся от окна через всю комнату. В ней сверкали висевшие в воздухе пылинки. Я подошел к окну и раздвинул шторы. Лень был просто блеск: голубое небо, яркое солнце. Свежий ветер слегка раскачивал деревья. В эти утренние часы озеро покрывается рябью, которая отсвечивает на солнце. А выйдешь из воды, ветерок будет холодить мокрую кожу.

Я вышел из дома и бросился в воду. Вынырнув, я доплыл до середины и лег на спину, чтобы полюбоваться родными горами. Озеро было расположено в глубоком ущелье, на стыке трех горных цепей. Замечательный озерный край, открытый давным-давно моим дедом.

Прошло уже сто лет с тех пор, когда он впервые взобрался на эти склоны. Юный исследователь, чудо-ребенок, он вырос в тех местах, где еще оставалась дикая природа, где можно было встретить пуму, кабана и индейцев – крик, живших в своих незамысловатых хижинах выше по северному склону. Тогда мальчик поклялся, что придет день, когда он будет жить в этой чудной долине, где растут такие огромные старые деревья и бьют семь родников. В конце концов, дед в этой долине и поселился, потом поставил хижину и столько раз ходил на прогулки с маленьким внуком, что и не сосчитать. Мне так было до конца и не понять, чем эта долина приворожила его, но я прилагал все усилия, чтобы оставить за собой эту землю, даже когда на нее стала наступать, а потом и окружила цивилизация.

Отсюда, с середины озера, было видно одно из нагромождений скал, возвышавшихся вблизи вершины северного хребта. За день до встречи с Чарлин я в лучших традициях деда вскарабкался на этот уступ. Созерцая окружающую меня природу, вдыхая запахи и вслушиваясь в шум ветра, раскачивающего верхушки деревьев, я старался обрести мир в душе. И по мере того как я сидел там, смотря на озеро и на густую зелень раскинувшейся внизу долины, самочувствие мое постепенно улучшалось, словно мощь далеко открывавшейся перспективы стирала какую-то завесу в моем сознании. А через несколько часов я уже беседовал с Чарлин и слушал ее рассказ о Манускрипте.

Подплыв к деревянным мосткам перед хижинкой, я подтянулся на руках и вылез из воды. Я понимал, что все услышанное слишком невероятно. Посудите сами: я скрываюсь здесь среди холмов в полнейшем разочаровании от прожитой жизни, и тут откуда ни возьмись появляется Чарлин и растолковывает причину моего смятения цитатами из какой-то древней рукописи, в которой якобы скрыта тайна человеческого бытия.

Однако я понимал и то, что приезд Чарлин относился как раз к тому типу стечений обстоятельств, о которых шла речь в Манускрипте, и, по всей видимости, нашу встречу никак нельзя было назвать чистой случайностью. Неужели древняя рукопись права? Неужели вопреки охватившему нас отрицанию и цинизму все же постепенно растет, приближаясь к критической, масса людей, которым ведомы эти совпадения? Возможно ли, чтобы сегодня люди были готовы к пониманию этого явления и отсюда, в конечном итоге, к осознанию промысла, коим обусловлена сама жизнь» на Земле?

Каким, интересно, будет это новое понимание? Поведают ли об этом, как утверждал священник, остальные откровения Манускрипта?

Мне необходимо было принять решение. Я чувствовал, что благодаря Манускрипту моя жизнь изменится и в ней появится новая цель. Как быть – вот в чем вопрос. Можно оставить все как есть, а можно подумать о том, что искать дальше. Я вспомнил об опасности. Ведь кто-то похитил сумку Чарлин. Как знать, может, это дело рук тех, кто пытается замолчать Манускрипт?

Я долго размышлял о том, чем рискую, но, в конечном счете, возобладал оптимистический настрой, и я решил не тревожиться. Буду действовать осмотрительно, без спешки. Я вошел в дом и позвонил в туристическое агентство, которое поместило самое большое рекламное объявление в телефонном справочнике. Ответивший мне агент сообщил, что без труда может организовать поездку в Перу. Дело в том, что подвернулась отказная путевка, есть билет на самолет и забронированные места в одной из гостиниц Лимы. По его словам, у меня была возможность получить все это со скидкой... если я смогу вылететь через три часа.

Через три часа?!

Расширение границ настоящего

После лихорадочных сборов и сумасшедшей гонки по автостраде времени в аэропорту только-только хватило, чтобы получить билет и успеть на посадку на рейс в Перу. Я прошел в хвостовую часть самолета, сел в кресло у иллюминатора и лишь тогда ощутил навалившуюся усталость.

Решив вздремнуть, я вытянул ноги и закрыл глаза, однако никак было расслабиться. Ни с того ни с сего я разнервничался, меня стали одолевать сомнения. Ну не дикость ли – отправляться куда-то без всякой подготовки? И куда я пойду там, в Перу? К кому обращусь?

Уверенность, которой я исполнился на озере, быстро угасла и сменилась скептическим отношением к происходящему. И Первое откровение, и идея преобразования общества снова представились надуманными и далекими от реальности. А если подумать, то и Второе откровение не лучше. Как может новая историческая перспектива подтолкнуть к пониманию этих совпадений и помочь сохранить это понимание в сознании людей?

Я вытянул ноги и сделал глубокий вдох. «Это путешествие может оказаться и бесполезным, – заключил я про себя. – Так, просто короткая прогулка в Перу и обратно. Лишняя трата денег, конечно, но и без особого ущерба».

Самолет рывком тронулся с места и выкатился на взлетную полосу. Я закрыл глаза, и у меня слегка закружилась голова, когда огромный лайнер, разогнавшись, взлетел и вошел в плотную облачность. Лишь когда мы достигли заданной высоты, я наконец расслабился и задремал. Спустя минут тридцать-сорок самолет оказался в полосе вихревых потоков. Я проснулся и решил сходить освежиться.

Проходя по салону, я обратил внимание на высокого человека в круглых очках, который стоял у иллюминатора и разговаривал со стюардессой. Он мельком взглянул на меня и продолжил беседу. У него была темно-каштановая шевелюра, и на вид ему было лет сорок пять. На какой-то миг мне показалось, что я знаю его, однако, внимательнее присмотревшись, я понял, что мы не знакомы. Проходя мимо, я уловил обрывок беседы.

– И на том спасибо, – говорил он. – Мне просто пришло в голову, что раз вы так часто летаете в Перу, то, возможно, что-нибудь слышали про Манускрипт. – И, повернувшись, он направился в переднюю часть самолета.

Меня как током ударило. Неужели речь шла о том самом Манускрипте? Я зашел в туалетную комнату и стал соображать, как быть. С одной стороны, мне вообще хотелось забыть обо всем этом. Мало ли о чем говорил незнакомец, может быть, о какой-нибудь другой древней книге.

Вернувшись на свое место, я откинулся в кресле и закрыл глаза, довольный тем, что инцидент исчерпан и что я, к счастью, не стал любопытствовать, что за манускрипт имелся в виду. Однако, просидев так некоторое время, я вспомнил восторг, который испытал там, на озере. А если этот человек действительно что-то знает о Манускрипте? Что тогда? Ведь если я не поинтересуюсь, то никогда и не буду знать этого.

Еще некоторое время я колебался, затем все-таки поднялся и направился в передний салон, где и обнаружил заинтересовавшего меня незнакомца. Кресло за ним пустовало. Я вернулся к себе и сообщил стюардессе, что хочу пересесть, потом перенес вещи и устроился на новом месте. Спустя несколько минут я тронул этого человека за плечо.

– Простите, я слышал, что вы говорили про Манускрипт. Не тот ли, что найден в Перу? Мой новый сосед удивился, затем насторожился.

– Да, тот самый, – неуверенно произнес он.

Я назвал себя и пояснил, что в Перу недавно побывала одна моя приятельница, от которой я и узнал о существовании Манускрипта. Его напряжение заметно спало, и он представился: Уэйн Добсон, ассистент Нью-йоркского университета, где преподает историю.

Во время нашего разговора я обратил внимание, что сидевший рядом со мной джентльмен раздраженно поглядывает на нас. Он сидел, откинувшись в кресле и пытался заснуть.

– Вы видели Манускрипт? – спросил я Добсона.

– Частями, – ответил он. – А вы?

– Нет, но приятельница рассказала мне о Первом откровении.

Сидевший рядом джентльмен раздраженно принял другую позу. Добсон взглянул в его сторону:

– Простите, сэр. Я понимаю, что причиняю вам беспокойство. Вас не очень затруднит поменяться со мной местами?

– Не затруднит, – откликнулся тот. – А наоборот, очень устроит.

Мы все вышли в проход между рядами. Потом я проскользнул в кресло у иллюминатора, а Добсон сел рядом.

– Расскажите, что вы слышали о Первом откровении, – попросил он.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

– Я полагаю, Первое откровение – это осознание того непостижимого, что вносит перемены в нашу жизнь, ощущение того, что рядом действует нечто иное, неведомое.

Сказав это, я почувствовал, что сморозил глупость.

Добсон заметил мое смущение.

– И что же вы думаете об этом откровении? – спросил он.

– Не знаю.

– Не правда ли, что все это несколько выходит за рамки здравого смысла? Наверное, для вас было бы лучше забыть о Манускрипте и вернуться к размышлениям в практических сферах?

Я усмехнулся и утвердительно кивнул.

– Ну что ж, обычная история. Хотя время от времени нам и посылаются откровения о том, что в жизни происходит что-то еще, мы склонны по привычке относить подобные идеи к области непостижимого, а затем подвергать сомнению возможность вообще постигнуть сокровенное. Вот почему необходимо Второе откровение. Как только мы поймем, что существование неведомого оправдано всей историей, осознание этого приобретет большую значимость.

– А потом, – добавил я, – уже как историк соглашаешься с всеобщим преобразованием, которое предрекает Манускрипт?

– Да.

– Как историк?

– Да! Но необходимо выработать верный взгляд на историю. – Мой собеседник тяжело вздохнул. – Поверьте, это говорит вам человек, который много лет изучал и преподавал историю не так как должно! Я обычно уделял больше внимания техническим достижениям цивилизации и великим людям, двигателям прогресса.

– Что же плохого в таком подходе? – В нем самом – ничего. Что действительно важно, так это рассматривать всю историю с общечеловеческой точки зрения, стараться понять, что чувствовали и о чем размышляли люди. Я долго не мог этого уяснить. История должна помогать нам получать знания о том, как раздвинуть рамки времени, в котором мы живем. История – это не просто развитие техники, это эволюция мысли. Постигая то, как жили предшествующие поколения, мы начинаем постигать истоки нашего мировоззрения и оценивать свой вклад на пути к дальнейшему прогрессу. Мы можем обозначить точку нашего, так сказать, вступления на долгий путь развития цивилизации и после этого начнем осознавать, куда движемся.

Помолчав, Лобсон добавил:

– Воздействие Второго откровения состоит в том, что оно дает возможность взглянуть на историю именно с такой стороны, по крайней мере с точки зрения западной мысли. При этом предреченное в Манускрипте обретает более широкий смысл, отчего предсказания кажутся не только правдоподобными, но и неизбежными.

Я спросил Лобсона, сколько откровений ему довелось прочесть, и он ответил, что лишь первые два. По его словам, он открыл их для себя, слетав ненадолго в Перу три недели назад, после того, как появились слухи о древней рукописи.

– Прибыв в Перу, – продолжал историк, – я встретился с двумя людьми, которые подтвердили существование Манускрипта, хотя, казалось, были смертельно напуганы и ничего не хотели рассказывать о нем. Они объяснили, что власти просто свихнулись и угрожают расправой всякому, у кого имеются списки или кто распространяет сведения о Манускрипте.

Добсон посерьезнел:

– От этого я занервничал. Однако чуть позже один из официантов в отеле, где я

остановился, рассказал мне о своем знакомом священнике, который часто упоминал о Манускрипте. По словам официанта, этот священник пытается противостоять попыткам властей замолчать существование древней рукописи. Я не удержался и отправился туда, где он жил и, по всей вероятности, проводил большую часть своего времени.

Должно быть, на моем лице выразилось удивление, потому что ЛОБСОН СПРОСИЛ:

– В чем дело?

– Моя приятельница, – взволнованно ответил я, – та, что рассказала мне о Манускрипте, получила все свои сведения от какого-то священника. Однажды она беседовала с ним о Первом откровении, но он не назвал своего имени. Они собирались встретиться еще раз, но священник не пришел.

– Возможно, это был один и тот же человек, – решил Лобсон. – Потому что мне тоже не удалось найти его. Лом был заперт и производил впечатление нежилого.

– Вы так и не видели его?

– Нет, но я решил осмотреть все вокруг. За домом стоял старый сарай. Он был открыт, и мне почему-то захотелось посмотреть, что находится внутри. Там я разгреб какой-то хлам и за плохо прибитой к стене доской обнаружил перевод Первого и Второго откровений.

Мой новый знакомый со значением взглянул на меня.

– Вот так просто и обнаружили их? – недоумевал я.

– Да.

– А сейчас они у вас с собой?

– Нет, – покачал головой Лобсон. – Я решил основательно изучить их и оставил у одного из коллег.

– А не могли бы вы вкратце рассказать о Втором откровении? – попросил я.

Добсон долго медлил с ответом, а потом, улыбнувшись, утвердительно кивнул:

– Полагаю, для этого мы здесь и оказались. Со Вторым откровением, – начал он, – наше обычное понимание обретает более широкую историческую перспективу. Ведь по окончании девяностых годов завершится не только двадцатый век, но и тысячелетний период истории, закончится второе тысячелетие. До того как нам на Западе будет дано понять, где мы и что нас ждет впереди, необходимо уяснить, что же на самом деле происходило в течение нынешнего тысячелетия.

– О чем же именно говорится в Манускрипте? – не унимался я.

– В нем говорится, что на исходе второго тысячелетия, то есть сейчас, мы сумеем по-настоящему понять этот период истории: определить для себя то, что сформировалось и чем мы особенно были озабочены во второй половине этого тысячелетия, в так называемое новое время. До конца осознав роль происходящих сегодня стечений обстоятельств, мы как бы очнемся от этой вечной озабоченности.

– А что это за озабоченность? – не терпелось узнать мне.

Он озорно улыбнулся:

– Вы готовы пережить тысячу лет?

– Конечно, рассказывайте.

– Рассказать об этом мало. Вспомните, о чем я только что говорил. Чтобы понять историю, необходимо осознать, как развивалось наше мировоззрение, как оно создавалось людьми, жившими прежде нас. Понадобилось целое тысячелетие, чтобы выработать современный взгляд на сегодняшнее состояние дел. Поэтому, чтобы на самом деле уяснить себе наше нынешнее положение, вам придется вернуться в тысячный год и на себе испытать все тысячелетие так, словно, вы действительно прожили десять веков.

– Что для этого нужно делать?

– А я буду подсказывать.

Взглянув в иллюминатор на лежащую далеко внизу землю, я на какой-то миг заколебался. Время уже ощущалось по-другому.

– Попытаюсь, – в конце концов, решился я.

– Прекрасно, – отозвался Добсон. – Представьте, что вы живете в одно-тысячном году, в том времени, которое мы называем средневековьем. Прежде всего вам необходимо уяснить, что бытие того времени определяют всемогущие представители христианской церкви. В силу своего положения они оказывают огромное влияние на умы людей. А мир, который служители церкви называют действительностью, является, прежде всего, миром духовным. Ими создается реальность, в которой их представление о промысле Божиим по отношению к человечеству выдвигается на первый план.

– Нарисуйте себе такую картину, – продолжал он. – Ваш отец или крестьянин, или дворянин, и вы знаете, что всегда будете принадлежать к этому классу. Однако, независимо от вашей классовой принадлежности и рода занятий, вы понимаете, что общественное положение вторично по отношению к духовной стороне жизни, как ее определяют церковники.

Вы открываете для себя, что жизнь – это испытание в духе. По объяснениям служителей церкви. Господь поместил человечество в центре Вселенной, окруженной космосом, с единственной целью – выяснить, заслуживают люди спасения или нет. И в этом испытании вам надлежит сделать выбор между двумя противоборствующими силами – всемогуществом Господа и подстерегающими на каждом шагу дьявольскими искушениями.

– Но уясните себе, – продолжал Добсон, – что испытание это суждено не одному вам. По сути дела, вы сами не можете определить, праведны вы в своей жизни или грешны. Это компетенция служителей Церкви – им дано право толковать Писание и на каждом шагу говорить вам, поступаете ли вы, как предписано Господом, или вас водит за нос сатана. Если вы следуете указаниям священнослужителей, то вас уверяют, что наградой вам будет жизнь после смерти. Но если вам не удастся держаться предписанного ими курса, тогда, что ж... на то есть отлучение от церкви и предание анафеме.

Добсон пристально посмотрел на меня:

– В Манускрипте говорится, что здесь важно уяснить себе следующее: все в мире средневековья определяется влиянием потусторонних сил. Жизненные явления – будь-то гроза, землетрясение, обильный урожай или смерть любимого человека – объясняются или волей Божией, или кознями дьявола. Не существует знаний о погодных условиях, тектонических процессах, растениеводстве или заболеваниях. Все это придет позже. А пока вы полностью уповаете на служителей Церкви; мир, который вы воспринимаете как нечто само собой разумеющееся, управляется исключительно средствами духовного воздействия. Он умолк и поднял на меня глаза:

– Вы следите за тем, что я говорю?

– Да, я вполне представил себе те времена.

– Ну а теперь представьте, что этот мир начинает рушиться.

– Как это?

– В четырнадцатом-пятнадцатом веках средневековые представления о мире – ваши представления – дают трещину. Сначала вы обращаете внимание на нарушения заведенных порядков самими церковниками: например, попрание ими обетов целомудрия или то, что часто священники смотрят сквозь пальцы на несоблюдение властью имущими евангельских заповедей.

Происходящее вызывает у вас тревогу: ведь служители Церкви почитают себя единственным связующим звеном между человеком и Богом. Не забывайте, что они являются единственными толкователями Писания, и только в их руках ваше спасение.

В результате разражается открытый бунт. Восставшие во главе с Мартином Лютером призывают к полному разрыву с христианством папского толка. Они заявляют, что церковники продажны, и требуют положить коней их владычеству над умами людей. Создаются новые церкви, основанные на том, что каждому должна быть предоставлена возможность самому иметь доступ к Писанию и толковать его по собственному усмотрению, без посредников.

В это трудно поверить, но вы видите, что бунтовщики добиваются успеха. Церковники начинают сдавать позиции. Веками эти люди объясняли окружающую действительность, а теперь у вас на глазах теряют доверие к себе. Вследствие этого оспаривается представление о мире в целом. Единство мнений об устройстве Вселенной и о предназначении рода человеческого, которое не подвергалось сомнению, терпит крах, и ваше положение, как и положение всех остальных носителей западноевропейской культуры, становится весьма шатким.

Ведь вы давно привыкли, что окружающую вас реальность объясняют другие, и с утратой этого руководства извне вы испытываете замешательство и потерянность. Вы задаетесь вопросом: если объяснение действительности и смысла человеческого существования служителями Церкви неверно, то что же тогда верно?

– Вам понятно, какое воздействие оказал этот крах на людей того времени? – снова заговорил Добсон после некоторой паузы.

– Полагаю, в какой-то мере это выбило их из колеи.

– Это еще мягко сказано, – подхватил историк. – Произошел полный переворот. Старые представления о мире на каждом шагу ставились под сомнение. По сути дела, к семнадцатому веку астрономы представили неопровержимые доказательства того, что Солнце и звезды отнюдь не обращаются вокруг Земли, как то утверждала Церковь. Стало ясно, что Земля – всего лишь небольшая планетка, которая движется по орбите вокруг одного из малых солнц, каких в этой галактике миллионы.

Он пригнулся ближе:

– Вот что важно. Человечество утратило занимаемое им место в центре сотворенной Богом Вселенной. Понимаете, какой это дало эффект? Сегодня, когда вы наблюдаете за изменениями погоды или ростом растений или когда на ваших глазах кто-то внезапно умирает, вы испытываете какое-то беспокойство и замешательство. Раньше же вы сказали бы, что это промысл Божий или что к этому приложил руку дьявол. Но с крушением средневекового мировоззрения нет более и этой уверенности. Все, что раньше считалось само собой разумеющимся, теперь требует нового объяснения, а особенно природа Бога и ваше с Ним общение.

– С осознанием всего этого, – продолжал пояснения историк, – начинается новое время. Крепнет дух демократии, растет недоверие к папской и королевской власти. Объяснения Вселенной, основанные на гипотезах или евангелической вере, уже не устраивают. Пусть даже в ущерб уверенности нам не хочется больше доверяться еще кому-то, кто, подобно церковникам, контролировал бы нашу жизнь. Живи вы в то время, вы бы приняли участие в создании нового заказа для науки.

– В создании чего?.. Добсон рассмеялся:

– Окинув взглядом безграничные просторы Вселенной, вы, подобно мыслителям того времени, пришли бы к выводу, что необходимо выработать единое мнение о том, как исследовать наш новый мир. И этот способ исследования действительности вы назвали бы научным методом. Он заключается в проверке любой гипотезы об устройстве Вселенной; полученные же вами выводы выносятся на обсуждение всех людей, чтобы всем вместе решить, правы вы или нет.

– После этого, – продолжал объяснения Добсон, – вы подготовили бы исследователей,

готовых отправиться в эту новую Вселенную во всеоружии научного метода, и поставили бы перед ними историческую задачу: «Исследуйте место сие, разузнайте устройство его и смысл жития нашего в нем».

Вы осознали: прежняя уверенность в том, что Вселенной правит Бог, а вместе с тем и представление о самом Боге утрачены. Однако вам кажется, что при помощи метода, которым вы обладаете и который основывается на всеобщем согласии, можно узнать природу всего, что вас окружает, в том числе познать Бога и истинное назначение рода человеческого. И вот вы высылаете этих исследователей, чтобы они узнали, в чем заключается истина, и поведали вам об этом.

Добсон замолчал и посмотрел на меня.

– В Манускрипте, – продолжал он после паузы, – отмечается, что незнание вызывает тревогу, от которой мы теперь избавляемся. Мы направили исследователей, чтобы, вернувшись, они объяснили смысл нашего существования. Однако Вселенная оказалась настолько сложной, что им не суждено было тут же вернуться обратно.

– А в чем заключается наша тревога?

– Вернитесь в те времена. После того как при помощи научного метода не удалось сформировать новое представление о Боге и предназначении человечества, отсутствие уверенности и смысла оказало глубокое воздействие на западную цивилизацию. Необходимо было предпринять что-то еще, чтобы получить ответ на наши вопросы. И тут мы пришли к решению, которое казалось весьма логичным. Мы посмотрели друг на друга и решили: «Ну что ж, раз наши исследователи еще не вернулись и не поведали о том, где мы поистине стоим в духе, почему бы нам пока не обустроиться в новом мире. У нас, несомненно, уже достаточно знаний, чтобы воспользоваться ими для своей собственной пользы, так почему бы пока не потрудиться и не повысить жизненный уровень, чтобы обезопасить себя от превратностей судьбы?»

Добсон усмехнулся:

– Вот этим мы и занялись. Четыре столетия назад! Взяв дела в свои руки, мы избавились от чувства неуверенности, сосредоточились на освоении Земли и использовании ее запасов для улучшения своего материального положения. И только теперь, на пороге следующего тысячелетия, мы в состоянии понять, что же произошло. Наша сосредоточенность на материальном со временем переросла в озабоченность. Мы полностью потеряли себя в созидании мирской, экономической безопасности взамен утраченной нами духовной. Вопрос о том, зачем мы живем, что за духовный процесс происходит здесь на самом деле, был мало-помалу отставлен в сторону и вовсе забыт. Добсон пристально посмотрел на меня, а потом проговорил:

– Борьба за существование, причем за существование с все большим комфортом, захватила нас настолько, что нам стало казаться, будто в этом, и заключен смысл жизни, и мы понемногу стали забывать о первоначально поставленном вопросе... Мы забыли, что до сих пор не знаем, зачем мы существуем.

Из иллюминатора был виден раскинувшийся далеко внизу город. Судя по маршруту полета, это был Орландо в штате Флорида. Насколько геометрически правильно расположение улиц и проспектов, насколько рассчитано и упорядочено все то, что построено человеческими руками! Я взглянул на Добсона, который сидел с закрытыми глазами и, казалось, спал. Он битый час рассказывал мне о Втором откровении, потом принесли обед, мы перекусили, и я поведал ему о Чарлин и о том, почему решил отправиться в Перу. После этого мне захотелось посмотреть на гряды облаков и поразмышлять над тем, что он рассказал.

– Ну, и что вы об этом думаете? – неожиданно спросил мой сосед, повернувшись ко мне с сонным видом. – Уяснили для себя Второе откровение?

– Не уверен.

– А нет такого ощущения, что вам стало более ясно будущее рода человеческого? – Кивком он показал на остальных пассажиров. – Видите, насколько все озабочены? Сегодня многому находится объяснение. Ведь у нас не так мало знакомых, настолько одержимых работой, что они страдают от этого болезнями и стрессами, но остановиться не могут? Им не остановиться потому, что в повседневной рутине есть возможность забыться, свести жизнь к одним практическим соображениям. Они так и поступают, чтобы не вспоминать о терзающих их сомнениях относительно того, зачем они живут.

– Второе откровение раздвигает временные рамки нашего понимания истории, – добавил он. – Оно позволяет сформировать такой взгляд на цивилизацию, который не был бы ограничен современными представлениями, а основывался бы на опыте всего тысячелетия. Из Второго откровения становится очевидной наша озабоченность, и это дает возможность стать выше ее. Вы только что испытали на себе расширение исторических горизонтов. Теперь понятие «сегодня» стало для вас шире. Глядя на людей, вы теперь сумеете ясно различить одержимость и невероятную озабоченность развитием экономики.

– Но что в этом плохого? – возразил я. – Это как раз то, что сделало западную цивилизацию великой. Добсон громко рассмеялся:

– Конечно, вы правы. Никто и не утверждает, что это плохо. По сути дела, в Манускрипте говорится, что эту озабоченность материальным необходимо пережить как стадию развития человечества. Однако мы потратили достаточно много времени на обустройство в этом мире. Пора прийти в себя от этой вечной обеспокоенности и вернуться к первоначальному вопросу. Чем обусловлена жизнь на этой планете? Зачем все-таки мы здесь?

Я долго смотрел на него, а потом спросил:

– Вы считаете, в остальных откровениях даются ответы на это?

Добсон склонил голову набок:

– Считаю, что нам стоит изучить эту рукопись. Я уповаю лишь на то, что никто не уничтожит оставшуюся часть Манускрипта до того, как нам удастся получить эти ответы.

– Неужели перуанские власти полагают, что могут безнаказанно уничтожить бесценный документ? – усомнился я.

– Они могут сделать это тайно, – ответил Добсон. – Официально Манускрипта вообще не существует.

– Мне кажется, на его защиту встанет все научное сообщество.

– Да, мы уже встали на его защиту. – Лицо историка приобрело самое решительное выражение. – Поэтому я и возвращаюсь в Перу. Я представляю самых выдающихся ученых, которые как один требуют предать оригинал Манускрипта гласности. Мною посланы письма главам соответствующих ведомств перуанского правительства, в которых сообщается о моем приезде и выражается надежда на сотрудничество.

– Понятно. Как они, интересно, отреагируют?

– Вероятно, будут все отрицать. Но, по крайней мере, это будет сделано официально.

Лобсон отвернулся, погруженный в глубокие раздумья, а я снова прильнул к иллюминатору. Когда я вглядывался вниз, меня осенило: ведь для того чтобы суметь сделать самолет, на котором мы сейчас летим, потребовалось четыре столетия технического прогресса. Мы научились использовать добытые из Земли богатства. Сколько поколений людей, размышляя я, потребовалось для создания материалов и обретения знаний, с помощью которых этот самолет стал явью? А сколько людей потратили всю жизнь, сосредоточившись на каком-то одном незначительном вопросе, и занимались этим не поднимая головы, чтобы можно было сделать маленький шаг вперед?

Неожиданно мне показалось, что в это мгновение я в полной мере исполнился пониманием того исторического пространства, о котором мы говорили с Добсоном. Я отчетливо представил себе все тысячелетие, словно часть собственной жизни. Тысячу лет назад мы жили в мире, где были четко обозначены Бог и духовная природа человечества. А потом мы это утратили или, точнее, решили, что должно быть что-то еще. Для этого мы послали исследователей, которые должны были выяснить, как все обстоит на самом деле, и рассказать об этом. Но на это потребовалось слишком много времени, и тогда мы задались новой, более приземленной целью – обустроиться в этом мире, создать себе больше удобств.

И мы обустроились. Мы обнаружили, что можно плавить руды металлов и делать из них всевозможные приспособления. Мы открыли источники энергии – сначала пар, затем бензин, электричество и атом. Мы создали современное сельское хозяйство, наладили массовое производство, и теперь в нашем распоряжении огромные запасы материальных благ и обширная сеть их распределения.

Зов прогресса, желание каждого человека до выяснения истины обеспечить собственную безопасность и достигнуть поставленных перед собой целей – все это привело нас к благополучию. Мы решили создать для себя и своих детей условия для обустроенной и приятной жизни, и в результате нашей деятельности за каких-то четырехста лет было создано общество, которому доступны все жизненные блага. Проблема заключается в том, что итогом нашего целеустремленного и навязчивого желания покорить природу и создать для себя как можно больше удобств стало загрязнение естественных систем планеты и доведение их до крайнего истощения. Так дальше продолжаться не может.

Добсон был прав. После Второго откровения обретение нами нового понимания действительно казалось неизбежным. Мы близки к достижению цели, поставленной перед нашей цивилизацией. Мы осуществили коллективное решение и с завершением строительства благополучной жизни освободились от своих страхов, чтобы раскрыться для чего-то еще. Я почти воочию видел, как замедляет свой бег современность по мере того, как мы приближаемся к концу тысячелетия. Не отпуская нас в течение четырех веков цель достигнута. Мы создали средства материального обеспечения и теперь вроде бы готовы, – а на самом деле размышляем, стоит ли этим заниматься – разобраться в смысле своего существования.

Лица окружающих меня пассажиров были озабочены, но мне казалось, что я заметил проблески понимания. Интересно, обратили ли они внимание на странные стечения обстоятельств?

Самолет начал снижение. Стюардесса объявила о скорой посадке в Лиме. Я назвал Добсону свой отель и поинтересовался, где остановится он. Историк назвал свой и добавил, что от моего это миль в двух.

– Что вы намерены делать? – поинтересовался я.

– Я как раз об этом размышлял, – ответил он. – Первым делом собираюсь посетить американское посольство и сообщить, что меня привело сюда, просто чтобы отметить.

– Неплохо придумано.

– Потом хочу поговорить с как можно большим числом местных ученых. Исследователи из университета Лимы уже сообщили мне, что им ничего не известно о Манускрипте, но есть и другие ученые, которые проводят раскопки на руинах древних построек, и может быть, они захотят что-то рассказать. Ну а вы? Каковы ваши планы?

– У меня их нет, – признался я. – Вы не будете возражать, если я присоединюсь к вам?

– Конечно, нет. Я как раз собирался вам это предложить.

Самолет приземлился, мы получили багаж и договорились встретиться позже в отеле у Добсона. Я вышел на улицу в редущие сумерки и подождал такси. Воздух был сухой, дул резкий

порывистый ветер.

Когда моя машина тронулась, я заметил, что за нами двинулось еще одно такси и пристроилось сзади. Несколько раз мы поворачивали, однако такси по-прежнему следовало за нами, и мне удалось разглядеть фигуру единственного пассажира на заднем сиденье. От охватившей меня нервозности засосало под ложечкой. Мой водитель понимал по-английски, и я попросил его ехать не прямо к отелю, а немного покататься поблизости. Я сказал, что мне хочется посмотреть город. Водитель без лишних слов согласился. Такси все так же висело на хвосте. Что это могло значить?

Когда мы подъехали к отелю, я предупредил водителя, чтобы он оставался в машине, а сам открыл дверцу и сделал вид, что расплачиваюсь. Преследовавшая нас машина остановилась поодаль, ехавший в ней человек вышел и неторопливо направился к входу в отель.

Я вскочил обратно в машину, захлопнул дверцу и велел ехать дальше. Когда мы рванули с места, мой преследователь вышел на улицу и наблюдал за нами, пока мы не скрылись. В зеркале заднего вида я разглядел, как напряглось лицо водителя, не сводившего с меня глаз.

– Извините, что так получилось. Я решил устроиться в другом месте.

С вымученной улыбкой я назвал ему отель, где остановился Добсон, хотя в глубине души мне хотелось отправиться обратно в аэропорт и первым же рейсом вернуться в Штаты.

Когда до отеля оставалось каких-нибудь полквартала, я попросил остановиться.

– Ждите здесь, – приказал я водителю. – Я скоро вернусь.

На улице было полно людей, в основном местных жителей. Однако то тут, то там навстречу попадались и американцы, и европейцы. При виде туристов я почему-то почувствовал себя в большей безопасности. Метров за пятьдесят до отеля я остановился. Что-то было не так. Пока я стоял и озирался, неожиданно раздались выстрелы, и в воздухе разнеслись истошные вопли. Люди передо мной бросились на землю, и я увидел стремительно бежавшего в мою сторону Добсона. В его глазах застыл испуг, он был в панике. Один из его преследователей выстрелил в воздух и крикнул Добсону, чтобы тот остановился.

Приблизившись и с трудом узнав меня, Добсон воскликнул:

– Бегите! Ради всего святого, бегите!

Меня охватил ужас. Я повернулся и бросился по переулку. Дорогу мне преградил деревянный забор метра два высотой. Подбежав, я изо всех сил подпрыгнул, ухватился за верхнюю часть досок и подтянулся. Перед тем как спрыгнуть на другую сторону, я бросил взгляд в переулок. Добсон отчаянно мчался вперед. Прозвучало еще несколько выстрелов. Он споткнулся и упал.

Сломав голову я устремился вперед, перепрыгивая через кучи мусора и кипы картонных коробок. На какой-то миг мне показалось, что я слышу за собой преследователей, однако оглянуться не хватило духу. Переулок выходил на другую улицу, где было полно народу, и никто, по всей видимости, ни о чем не подозревал. Добежав до улицы, я с колотящимся от страха сердцем решил-таки бросить взгляд назад. Там никого не было. Я торопливо зашагал вперед, стараясь смешаться с толпой. «Почему Добсон бежал? – спрашивал я себя. – Неужели его убили?»

– Пойдите, – услышал я громкий шепот. Я бросился было бежать, однако кто-то догнал меня и схватил за руку. – Да подождите же минуту, прошу вас, – снова послышался шепот. – Я видел все, что произошло. Попытаюсь помочь вам.

– Кто вы? – проговорил я с дрожью в голосе.

– Я – Уилсон Джеймс, – представился незнакомец. – Объяснения потом. Сейчас нам нужно поскорее обратиться отсюда.

Что-то в его голосе и внешности заставило меня забыть о страхе и решиться пойти за ним.

Вскоре мы зашли в небольшой галантерейный магазинчик. Мой спутник кивнул человеку за прилавком и провел меня в пахнущую плесенью подсобку. Потом он притворил дверь и опустил шторы.

Моему спасителю было за шестьдесят, хотя выглядел он значительно моложе, может, потому, что у него были необыкновенно живые, полные огня глаза. Кожа коричневая от загара, черные волосы. Его можно было принять за перуанца, но по-английски он говорил почти как американец. На нем были светло-голубая футболка и джинсы.

– Здесь вы на какое-то время будете в безопасности. А почему они гнались за вами? Я промолчал.

– Мне кажется, вы здесь из-за Манускрипта, – предположил он.

– Откуда вам это известно?

– Полагаю, ваш приятель оказался с вами здесь по той же причине?

– Да. Его зовут Добсон. Как вы догадались, что нас двое?

– У меня комната выходит в переулок, по которому вы бежали; я выглянул в окно и увидел, как они гонятся за вами.

– Они застрелили Добсона? – спросил я, похолодев от одной лишь мысли о том, что могу услышать в ответ.

– Не знаю, – проговорил Джеймс. – Было не разобрать. Но я увидел, что вам удалось уйти от погони, и кинулся вниз по черной лестнице, чтобы показать вам безопасное место. Я подумал, что смогу вам помочь.

– Но зачем?

Какое-то мгновение он смотрел на меня так, словно не знал, что ответить. Потом лицо его потеплело.

– Вам этого не понять, но я стоял там, у окна, а в голове вертелись мысли об одном старом друге. Его уже нет в живых. Он умер, так как считал, что люди должны знать о Манускрипте. И когда я увидел происходящее, то понял, что должен помочь вам.

Уилсон оказался прав – я ничего не понял. Но было такое ощущение, что он говорит чистую правду. Я хотел было задать еще один вопрос, но он заговорил снова:

– Это можно обсудить попозже. А сейчас я считаю, что лучше перебраться в более безопасное место.

– Погодите, Уилсон, – проговорил я, – мне нужно выяснить, как вернуться в Штаты, только и всего. Как это сделать?

– Называйте меня Уил, – предложил он. – Думаю, что не стоит и пытаться пробраться в аэропорт. Во всяком случае, сейчас. Если вас по-прежнему разыскивают, там-то будут искать в первую очередь. У меня есть друзья, которые живут за городом. Они спрячут вас. Выбраться из страны можно несколькими способами, на ваш выбор. Когда вы будете готовы к этому, вас проведут через границу.

Уил открыл дверь и огляделся по сторонам, потом вышел на улицу. Вернувшись, он сделал мне знак следовать за ним. Мы выбрались из магазинчика и направились к джипу голубого цвета, на который указал Уил. Когда мы садились в него, я обратил внимание на аккуратно уложенные на заднем сиденье, – будто в дальнюю дорогу – продукты, палатки и дорожные сумки.

Ехали молча. Откинувшись на сиденье рядом с водителем, я пытался обдумать положение. От страха у меня внутри все сжималось. Такого поворота событий я не предполагал. А если бы меня арестовали и бросили в перуанскую тюрьму или просто-напросто убили? Необходимо было, как следует взвесить ситуацию. Одежды у меня не было, но зато были деньги и кредитная карточка, к тому же я почему-то сразу проникся доверием к Уилу.

– Что же такого вы с этим – как бишь его – Лобсоном, натворили, что эти люди начали вас преследовать? – неожиданно спросил Уил.

– Насколько мне известно, ничего, – ответил я. – Я познакомился с Лобсоном в самолете. Он историк и направлялся сюда, чтобы провести официальное изучение Манускрипта. Он представляет группу известных ученых.

– А властям было известно о его приезде? – На лице Уила было написано удивление.

– Ла, он известил правительственных чиновников, что ему потребуется помощь. Трудно поверить, что его пытались арестовать: ведь у него не было с собой даже списков Манускрипта.

– А у него они есть?

– Только первые два откровения.

– Вот уж не знал, что списки Манускрипта есть и в Штатах. Откуда они у него?

– В один из предыдущих визитов сюда ему сказали, что какой-то священник знает о Манускрипте. Найти его не удалось, но за домом священника он обнаружил спрятанные списки.

– Хосе... – погрузился Уил.

– Кто? – не понял я.

– Это тот самый друг, о котором я вам рассказывал, его больше нет. Он был твердо убежден, что о Манускрипте должно узнать как можно больше людей.

– Что с ним случилось?

– Его убили. Кто – неизвестно. Тело нашли за много миль от дома, в лесу. Но я склонен думать, что это дело рук его врагов.

– Среди власть имущих?

– Кое-кого в правительстве иди церкви.

– Неужели Церковь решилась бы на такое?

– Все может быть. Церковь втайне настроена против Манускрипта. Есть несколько священников, которые разбираются в этом свидетельстве и исподволь выступают за него, но им приходится быть очень осторожными. Хосе же рассказывал о Манускрипте открыто любому, кто проявлял к этому интерес. Еще за несколько месяцев до гибели моего друга я просил его вести себя поосмотрительнее и не раздавать списки Манускрипта всем подряд. Он же отвечал, что поступает так, как считает нужным.

– А когда впервые стало известно о Манускрипте?

– Перевели его три года назад. Но никто не знает, когда он был найден. Мы считаем, что оригинал долгое время находился у индейцев, а потом его обнаружил Хосе. Он умудрился в одиночку перевести его. Конечно, когда церковники выяснили, о чем говорится в Манускрипте, они постарались изъять рукопись. Теперь мы располагаем лишь списками. Думаем, что оригинал уничтожен.

Мы выбрались на восточную окраину города и теперь ехали по узкой дороге в две колеи. Мы миновали обшитые досками небольшие строения, потом обширное пастбище, огороженное дорогостоящей оградой.

– Лобсон рассказывал вам о первых двух откровениях? – спросил Уил.

– Он говорил о Втором. И у меня есть приятельница, поведавшая мне о Первом. Она тоже беседовала со священником, наверное, с Хосе.

49– Вам понятны эти два откровения?

– Думаю, что да.

– Вы осознали, что в случайных встречах зачастую заложен более глубокий смысл, чем мы думаем?

– У меня такое впечатление, что вся эта поездка представляет собой цепь случайных событий.

– Такое начинает происходить, когда пробуждаешься и приобщаешься к энергии.

– Приобщаешься?

– Это из того, о чем говорится далее в Манускрипте.

– Вот бы послушать об этом, – заинтересовался я.

– Об этом потом, – проговорил он, кивком показывая, что заворачивает на посыпанную гравием дорожку. Впереди, метрах в тридцати, виднелся неприметный деревянный дом. Проехав по дорожке, Уил остановил машину под раскидистым деревом справа от него.

– Мой друг работает на хозяина крупной фермы, которому принадлежит в округе большая часть земельных угодий, присматривает за этим домом, – сообщил он. – Мой друг – весьма влиятельный человек и тайный сторонник Манускрипта. Здесь вы будете в безопасности.

На веранде зажегся свет, и из дома выскочил коренастый коротышка, как потом выяснилось, перуанец. Он улыбался во все лицо, и что-то оживленно говорил по-испански. Подбежав к джипу, он через открытое окно похлопал Уила по спине и бросил на меня доброжелательный взгляд. Уил попросил его говорить по-английски, а потом представил нас друг другу.

– Ему нужно помочь, – кивнул на меня Уил. – Он хочет вернуться в Штаты, но при этом требуется осторожность. Хочу вот оставить его у тебя.

Перуанец не сводил с Уила глаз.

– А ты что, снова за Девятым откровением?

– Да, – отозвался Уил, вылезая из джипа.

Я открыл дверцу и обошел вокруг машины. Уил с приятелем о чем-то разговаривали, не спеша, направляясь к дому. О чем у них был разговор, я не слышал.

Когда я приблизился, перуанец объяснил, что ему нужно идти готовиться, и ушел. Уил повернулся ко мне.

– А что он имел в виду, когда спрашивал у вас насчет Девятого откровения? – спросил я.

– Существует часть Манускрипта, которая так и не найдена. В оригинале текста восемь откровений, но там упоминается еще об одном – Девятом. Многие ищут его.

– И вам известно, где оно?

– Не совсем.

– Как же вы собираетесь найти его?

– Так же, как Хосе нашел первые восемь, – улыбнулся Уил. – Так же, как вы открыли для себя первые два, прежде чем встретить меня. Если кому-то удастся приобщиться и накопить достаточно энергии, то случайности начинают следовать одна за другой.

– Расскажите, как это получается, – попросил я. – Из какого это откровения?

Уил посмотрел на меня так, словно оценивал мои умственные способности:

– Метод приобщения заключен не в каком-то отдельном откровении, он содержится во всех главах. Помните, во Втором откровении рассказывается о том, что в мир будут посланы исследователи, чтобы при помощи научного метода понять, в чем смысл жизни людей на этой планете? И что они вернутся не сразу?

– Помню.

– Так вот, остальные откровения представляют собой полученные, в конце концов, ответы. Однако это не просто результат научных изысканий. Ответы, о которых я говорю, получены в различных областях знаний. Открытия, сделанные в области физики, психологии, мистики и религии, сливаются в одно новое представление, в основе которого лежит понятие о случайных стечениях обстоятельств.

Мы уясняем для себя более подробно, что значат стечения обстоятельств, каково их воздействие, и по мере этого с каждым новым откровением обретаем совершенно иное

мировоззрение. – В таком случае мне хочется услышать о каждом откровении, – признался я. – Не могли бы вы растолковать их мне, пока вы еще здесь?

– Насколько мне известно, таким образом их не постичь. Вы должны открывать для себя каждое из них по-разному.

– Но как?

– Это приходит само. Если я просто возьму и расскажу вам об этом, то ничего не выйдет. Может, у вас и будут сведения о каждом из откровений, но не будет самих откровений. Их предстоит обрести с вашим собственным жизненным опытом.

Не говоря ни слова, мы пристально смотрели друг на друга. Уил улыбнулся. Разговаривая с ним, я ощущал невероятный жизненный подъем.

– А почему вы отправляетесь за Девятым откровением именно сейчас?

– Время пришло. Я был в здешних местах проводником, знаю их и обладаю пониманием всех восьми откровений. Когда я стоял у окна, выходящего в проулок, и думал о Хосе, я уже принял решение еще раз отправиться на север. Девятое откровение там. Я знаю это. Человек я немолодой. К тому же мне было видение, что я уже нашел его и постиг сказанное в нем. Мне известно, что это самое важное откровение. Оно дает возможность более широко взглянуть на все остальные главы древней рукописи и раскрывает перед нами истинный смысл жизни.

Уил вдруг замолчал и посерьезнел:

– Я мог бы уйти на полчаса раньше, но меня не оставляло щемящее чувство чего-то не сделанного. – Он снова помолчал. – И как раз тогда я увидел вас.

Мы долго-долго смотрели друг на друга.

– Вы считаете, я должен ехать с вами? – спросил я.

– А как вам кажется?

– Не знаю, – неуверенно проговорил я. В голове пронеслось все мое путешествие в Перу: Чарлин, Добсон, а теперь вот Уил. Приехав сюда просто из любопытства, я нежданно-негаданно оказался в роли беглеца, которому приходится скрываться и который даже понятия не имеет, кто его преследователи. Но что самое странное, в эти минуты, вместо того чтобы, холодея от ужаса, пребывать в полной панике, я испытывал восторг. Мне следовало напрячь все свои умственные способности, чтобы найти путь домой. Я же, по сути дела, хотел одного – отправиться вместе с Уилом, что означало подвергать себя, вне сомнения, еще большей опасности.

Прикинув все за и против, я пришел к выводу, что выбирать мне, по существу, не приходится. После познания Второго откровения для меня стал невозможным возврат к прежним занятиям. Чтобы сохранить в себе новое знание, я должен был идти вперед.

– Ночь я проведу здесь, – сказал Уил. – Так что у вас есть время до утра, чтобы принять решение.

– Оно уже принято, – заявил я. – Я поеду с вами.

Энергия материи

Мы поднялись на рассвете и все утро ехали на восток практически в полном молчании. В самом начале пути Уил обмолвился, что мы двинемся прямо через Анды в район, который называется высокогорной сельвой и представляет собой покрытые лесами предгорья и плато. Больше Уил, не проронил ни слова.

Я пытался было задавать вопросы о его прошлом и о том, куда мы направляемся, но он вежливо уходил от них, сказав, что должен следить за дорогой. В конце концов я тоже погрузился в молчание, чтобы вволю полюбоваться пейзажами. С горных перевалов открывались потрясающие виды.

Около полудня, добравшись до последней из высившихся над нами горных цепей, мы

сделали остановку на

53одном из перевалов. Перекусили бутербродами, не выходя из машины и глядя на простирающуюся перед нами безжизненную долину. На другой стороне вздымались холмы поменьше, покрытые зеленой растительностью. У ил сообщил, что мы заночуем в усадьбе Висьенте, старинном поместье XIX века, которое некогда принадлежало испанской католической церкви. Сейчас, пояснил он, его друг, владелец Висьенте, использует усадьбу как место для проведения деловых встреч и научных конференций.

После этого короткого объяснения мы тронулись в путь и в течение часа не сказали друг другу ни слова, пока не добрались до Висьенте. Въехав в поместье через большие каменные ворота со стальной решеткой, мы проследовали дальше на северо-восток вверх по узкой, усыпанной гравием дорожке. Я еще раз попробовал задать несколько наводящих вопросов о самом поместье и о том, почему мы приехали именно сюда, но Уил, как и прежде, отмахнулся от моих расспросов, только на этот раз без обиняков предложил мне полюбоваться окружающей природой.

Красота Висьенте пленила меня. Кругом раскинулись пастбища и сады во всем своем многоцветий. Трава казалась необыкновенно зеленой и сочной, она густым ковром покрывала землю даже под огромными дубами, которые росли на пастбище примерно через каждые тридцать метров. Чем-то эти великаны привлекали внимание, но чем именно – понять я не смог.

Примерно через милю дорога повернула на восток, и начался пологий подъем. На вершине холма располагался дом – обширное строение в колониальном стиле из рубленых бревен и серого камня. Как оказалось, в нем было не меньше пятидесяти номеров, а с южной стороны имелась просторная крытая веранда во всю длину дома. По периметру двора высилось еще несколько дубов-великанов. Еще там были клумбы с редкими растениями, а по краям дорожек росли цветы и папоротники такой красоты, что дух захватывало. На веранде и около дома у деревьев непринужденно разговаривали какие-то люди.

Когда мы выходили из машины, Уил на какой-то миг задержался и бросил взгляд на открывшийся вид. За домом, к востоку, начинался пологий спуск в долину, на ней простирались луга и лес. Вдалеке виднелась еще одна цепь холмов, отливавшая голубоватым пурпуром.

– Я, пожалуй, зайду и выясню, как у них с местами, – сказал Уил. – Может, пока осмотритесь? Вам здесь понравится.

– Правда? – отозвался я.

Он направился к дому, потом обернулся:

– Непременно побывайте в садах для исследований. Увидимся за ужином.

Было ясно, что по какой-то причине Уил оставляет меня одного, но причина эта меня не интересовала. Я чувствовал себя превосходно и не испытывал ни малейшей тревоги. Уил успел рассказать мне, что приезжающие в Висьенте туристы представляют для страны источник солидных долларовых поступлений, и поэтому власти стараются не вмешиваться в происходящее здесь, даже несмотря на то, что темой обсуждения зачастую бывает и Манускрипт.

Мое внимание привлекли несколько больших деревьев и тропинка, вившаяся между ними. По ней я и направился. Подойдя к деревьям, я увидел, что тропинка ведет к небольшой железной калитке, миновав которую можно было спуститься по нескольким пролетам каменной лестницы до луга, усеянного полевыми цветами. Вдали виднелся фруктовый сад, небольшой ручей и участок лесных угодий. У калитки я остановился и, сделав несколько глубоких вдохов, залюбовался красотой раскинувшегося внизу пейзажа.

– Прелесть, ничего не скажешь, верно? – послышался сзади чей-то голос.

Я быстро обернулся. Это была женщина лет сорока с походным рюкзаком за плечами.

– Вне всякого сомнения, – отозвался я. – Никогда не приходилось видеть ничего подобного.

Какое-то время мы любовались просторами полей и тропическими растениями, которые нависали одно над другим на поднимавшихся слева и справа от нас террасах, а затем я поинтересовался:

– Вы случайно не знаете, где находятся сады для исследований?

– Конечно знаю, – охотно отозвалась она. – Мне как раз в ту же сторону. Я провожу вас.

Мы представились друг другу и, спустившись по ступеням, зашагали проторенной тропинкой к югу. У Сары Лор-нер – так звали мою новую знакомую – были золотистые волосы и голубые глаза. Она выглядела бы по-девчоночьи, если бы не ее серьезная манера держаться. Несколько минут мы шли молча.

– Вы здесь в первый раз? – спросила она.

– Да, – ответил я. – Я об этих местах мало что знаю.

– Ну а я почти что год, как бываю здесь время от времени. Так что могу немного ввести вас в курс дела. Лет двадцать назад эта усадьба приобрела популярность как место для общения ученых из разных стран. Здесь проводили встречи различные научные организации, главным образом биологи и физики. Но вот несколько лет назад...

Какое-то мгновение Сара колебалась, потом подняла на меня глаза:

– Вы слышали о Манускрипте, найденном здесь, в Перу?

– Да, – подтвердил я. – О первых двух откровениях. – Мне хотелось поделиться с ней тем, насколько меня это захватило, однако я сдержался, не зная, могу ли полностью доверять ей.

– Мне показалось, что так оно и есть. Было такое впечатление, что вы здесь набираетесь энергии.

В это время мы шли по деревянному мостику через ру чей.

– Какой энергии? – недоуменно спросил я. Она остановилась и оперлась на перила.

– Вам что-нибудь известно о Третьем откровении?

– Нет.

– В нем описывается новое понимание материального мира. Нам, людям, говорится в нем, предстоит научиться восприятию того вида энергии, который раньше считался невидимым. В этом доме теперь собираются ученые, которые заинтересованы в изучении и обсуждении этого явления.

– Значит, ученые считают, что эта энергия на самом деле существует? – спросил я.

Мы двинулись дальше по мостику.

– Лишь некоторые, – сказала она. – И нам из-за этого приходится довольно туго.

– Выходит, вы – ученый?

– Я преподаю физику в небольшом колледже в штате Мэн.

– Так почему же некоторые ученые не согласны с вами?

Сара помолчала, словно задумавшись.

– Вам нужно разобраться в истории развития науки, – сказала она и вопросительно посмотрела на меня, словно желая узнать, хочу ли я вникнуть поглубже в этот предмет. Я с энтузиазмом кивнул.

– Вспомните на минуту Второе откровение. После того как потерпело крах средневековое мировоззрение, мы на Западе поняли, что совсем не знаем мира, в котором живем. Было ясно: для того чтобы постараться осознать сущность этого мира, необходимо отделить факты от суеверий. С этой целью мы, ученые, выработали определенный подход, известный как научный скептицизм, который, по сути дела, требует неоспоримых доказательств для любого предположения относительно того, как устроен мир. Прежде чем во что-то поверить, мы требовали доказательств, которые можно было увидеть и потрогать руками. Любые идеи, для

подтверждения которых невозможно было представить вещественные доказательства, отвергались.

– Видит Бог, – продолжала она, – этот подход сослужил нам хорошую службу, когда мы имели дело с более или менее очевидными явлениями природы, с такими объектами, как камни, тела и деревья, с объектами, доступными восприятию каждого вне зависимости от того, с какой долей скептицизма к этому относиться. Мы быстро принялись за дело и дали названия всякой части вещественного мира, пытаясь выяснить, что он собой представляет. В конечном счете, мы пришли к выводу, что в природе все происходит в соответствии с неким естественным законом, что любое событие обусловлено непосредственной причиной, которая доступна пониманию. – Тут рассказчица улыбнулась каким-то своим мыслям. – Видите ли, в рассматриваемый период времени ученые не многим отличались от остальных людей. Мы вместе со всеми задались целью освоить мир, в котором мы живем. Идея заключалась в попытке дать ему такое объяснение, чтобы он выглядел безопасным и управляемым. При подобном скептическом подходе мы замкнулись на конкретных вопросах, с решением которых наше существование представлялось более безмятежным.

От мостика мы прошли по извивающейся тропинке через небольшой лужок туда, где деревья росли гуще.

– При таком подходе, – продолжала объяснения Сара, – все неявное и таинственное исключалось наукой из этого мира. Следуя ходу мысли Исаака Ньютона, мы пришли к выводу, что все в мире непременно происходит неким предсказуемым образом и он подобен гигантской машине, поэтому долгое время доказать что-либо другое было просто невозможно. События, которые происходили одновременно с другими, но не имели с ними причинной связи, называли просто случайными.

Затем были проведены два исследования, которые снова обратили наши взоры к тайнам Вселенной. За последние несколько десятилетий много было написано о перевороте в физике, однако на самом деле изменения связаны с двумя важнейшими открытиями – с квантовой механикой и работами Альберта Эйнштейна.

Вся жизнь Эйнштейна была посвящена попыткам доказать, что воспринимаемая нами твердая материя в большинстве случаев представляет собой пустое пространство, которое заполнено некоей формой энергии. Мы с вами не исключение. А с помощью квантовой физики было доказано, что наблюдения за этими формами энергии на все более элементарных уровнях могут привести к потрясающим открытиям. опыты показали, что при попытке разрознить невероятно малые проявления этой энергии – мы называем их элементарными частицами, – и пронаблюдать их поведение на результаты опыта воздействует сам акт наблюдения, словно элементарные частицы испытывают на себе влияние предположений экспериментатора. Это верно даже для тех случаев, когда частицы проявляются там, где вероятность этого исключена по нашим законам логики: одновременно в двух местах, забегая вперед или отставая во времени, и тому подобное.

Сара остановилась, чтобы еще раз заглянуть мне в глаза:

– Другими словами, то, из чего в основном состоит Вселенная, по самой сути своей представляет некий вид чистой энергии, которая поддается воздействию намерений и предположений человека, и это соответственно отмечает нашу старую механистическую модель мира. Создается впечатление, что само ожидание чего-то заставляет нашу энергию выплескиваться в окружающий мир и воздействовать на другие энергетические системы. Впрочем, в это вас как раз и должно заставить поверить Третье откровение.

Моя собеседница неодобрительно покачала головой:

– К сожалению, многие ученые не принимают эту идею всерьез. Они предпочитают по-

прежнему относиться к этому скептически и ждать, сможем ли мы это доказать. —

– Эй, Сара, мы здесь! – донесся издали чей-то голос. Было видно, как справа за деревьями, метрах в пятидесяти, кто-то машет рукой.

Сара посмотрела на меня:

– Мне нужно недолго поговорить с этими ребятами. У меня с собой есть перевод Третьего откровения, так что, если хотите, можете пока выбрать местечко и почитать.

– Конечно, хочу, – с радостью согласился я.

Она вытащила из рюкзака бумаги, подала их мне и ушла.

Я взял рукопись и огляделся, ища, где устроиться. Земля здесь густо поросла невысоким кустарником, почва была болотистой, но невдалеке начиналась возвышенность, в конце которой было что-то наподобие холма. Я решил отправиться туда и найти место посуше.

Когда подъем кончился, я остановился пораженный: передо мной было невероятно красивое место. Далеко стоящие друг от друга корявые дубы вздымали свои раскидистые ветви и, тесно переплетаясь кронами, образовывали над головой что-то вроде навеса. Какие-то невысокие тропические растения с широкими листьями перемежались с раскидистыми папоротниками и кустами, усыпанными белыми цветами. Выбрав место посуше, я сел на землю. В воздухе разносился затхлый запах палой листвы и нежный аромат цветов.

Я расправил бумаги и обратился к началу перевода. В кратком вступлении давалось объяснение, что с Третьим откровением преобразуется представление о материальном мире. Было совершенно очевидно, что слова эти повторяют сказанное Сарой. Где-то к концу второго тысячелетия, предсказывалось в Манускрипте, люди откроют для себя новую энергию, которая не только составляет основу всего сущего, в том числе и нас самих, но и исходит от всего сущего.

Некоторое время я размышлял над этим, потом принялся читать дальше и был поражен: в Манускрипте говорилось, что начальную стадию восприятия человеком этой энергии составляет повышенная восприимчивость к красоте. Пока я обдумывал это, мое внимание привлекли шаги внизу на тропинке. Я увидел, что это Сара, когда она посмотрела на холм и встретила со мной взглядом.

– Чудесное здесь место, – сказала она, поднявшись ко мне. – Вы уже дочитали до того места, где говорится о восприятии красоты?

– Да, – ответил я. – Но мне не понятно, что имеется в виду.

– Далее в Манускрипте, – сказала она, – об этом рассказывается более подробно, но я дам краткое объяснение. Восприятие красоты – это своеобразный барометр, (по которому каждый из нас может судить, насколько он близок к восприятию этой энергии в действительности. Это очевидно, потому что когда вы видите энергию, вы рассматриваете ее так же, как и красоту.

– Вы говорите так, словно ее можно видеть, – заметил я.

Нисколько не смутившись, она посмотрела мне в глаза:

– Да, я вижу ее, но сначала мне пришлось научиться более глубокому восприятию красоты.

– Ну и что из этого? Разве красота – понятие не относительное?

Сара покачала головой:

– Мы можем называть красивыми разные вещи, однако характеристики, которые мы даем чему-то красивому, по сути дела, одинаковы. Подумайте, ведь когда что-то поражает нас своей красотой, то это проявляется в том, что этот объект становится для нас более явным, приобретает более четкие формы и более насыщенную окраску. Он выделяется среди всего остального. Он светится. Кажется, что по сравнению с невыразительностью других объектов он чуть ли не переливается всеми цветами радуги.

Я согласно кивнул.

– Взгляните на эти места, – продолжала она. – Я знаю, что вы заморожены ими. Потому что

все мы испытали то же самое. Эта местность бросается в глаза. И цвета, и формы здесь более выразительны. Ну а следующий уровень восприятия заключается в способности наблюдать над каждым объектом его энергетическое поле.

Должно быть, я выглядел совершенно сбитым с толку, потому что Сара рассмеялась, а потом с самым серьезным видом предложила:– Давайте пройдем дальше, в сады. Они расположены отсюда примерно в полумиле. Мне кажется, там вам будет интересно.

Я поблагодарил ее за то, что она потратила столько времени на разъяснения Манускрипта и показала Висьенте мне, совершенно незнакомому человеку.

Она пожала плечами:

– Вы, судя по всему, относитесь с симпатией к тому, что мы пытаемся сделать. А мы все понимаем, что необходимо рассказывать о нашей деятельности, идя продолжения этих исследований нужно, чтобы о них стало известно в Соединенных Штатах и других странах. Местные власти нас, похоже, недолюбливают.

Неожиданно сзади донесся чей-то голос:

– Извините, пожалуйста!

Обернувшись, мы увидели, что по тропинке к нам быстро приближаются трое мужчин. На вид им было далеко за сорок, и они были весьма элегантно одеты.

– Не подскажет ли нам кто-нибудь, где находятся сады для исследований? – осведомился самый высокий из них.

– А вы не могли бы сказать, – поинтересовалась в свою очередь Сара, – что привело вас сюда?

– У меня и у моих коллег есть разрешение владельца этого поместья осмотреть сады и поговорить с кем-нибудь о так называемых исследованиях, которые проводятся здесь. Мы из университета Перу.

– Судя, по вашему тону, вы не согласны с нашими открытиями, – улыбнулась Сара, явно пытаясь разрядить обстановку.

– Совершенно верно, – подтвердил другой. – Мы считаем абсурдными заявления о том, что вы можете видеть некую загадочную энергию, которую никто прежде не замечал.

– А вы пытались увидеть ее? – настойчиво допытывалась Сара.

Пропустив мимо ушей ее вопрос, он снова спросил:

– Вы можете объяснить, как пройти в сады?

– Конечно, – проговорила Сара. – Метров через сто увидите тропинку, ведущую на восток. Идите по ней, и примерно через четверть мили выйдете к садам.

Долговязый поблагодарил, и они поспешили своей дорогой.

– Вы направили их не туда, – удивился я.

– Не совсем чтобы не туда, – ответила она. – Тут есть и другие сады. Люди там более подготовлены к тому, чтобы разговаривать с подобного рода скептиками. У нас здесь время от времени появляются подобные типы, не только ученые, но и просто любопытные, люди, которым не дано даже подступить к постижению того, чем мы здесь занимаемся... и это говорит о том, что существует проблема научного подхода.

– Как это понимать? – недоуменно спросил я.

– Я уже говорила о том, что старый подход – научного скептицизма – был хорош для изучения более очевидных и несомненных явлений в природе, таких, как деревья, солнечный свет или грозы. Однако существует целая группа явлений, которые не так просто увидеть и невозможно изучить. По сути дела, нельзя даже утверждать, что они вообще существуют, если не отставить в сторону или не забыть на время свой скептицизм и постараться постичь их. А вот когда вам это удастся, тогда и возвращайтесь к своим скрупулезным исследованиям.

– Занятно, – проговорил я.

Лес впереди закончился, и перед нами предстали десятки возделанных участков, на каждом из которых росли различные растения. Большинство из них, похоже, были съедобные: тут было все – от бананов до шпината. К восточной кромке каждого участка подходила широкая, посыпанная гравием дорожка. Она вела на север, туда, где пролегалла дорога, которая, как выяснилось, уже не была частным владением. Вдоль гравийной дорожки стояли металлические строения. Возле каждого из них работало по четыре-пять человек. – Я вижу здесь кое-кого из своих друзей, – сказала Сара, указывая на людей у ближайшего строения. – Давайте подойдем туда. Хочется, чтобы вы познакомились с ними.

Она представила меня трем мужчинам и женщине, все они принимали участие в исследованиях. После краткой беседы мужчины извинились и вернулись к своей работе, а женщина-биолог, которую звали Марджори, была, похоже, не занята и могла поговорить.

Поймав на себе взгляд Марджори, я спросил:

– Какими конкретно исследованиями вы занимаетесь? Было такое впечатление, что я застал ее врасплох, однако, улыбнувшись, она, в конце концов, заговорила:

– Даже не знаю, с чего начать. Вы знакомы с Манускриптом?

– С его первыми разделами. Только что приступил к Третьему откровению.

– Ну что ж, этим все мы здесь как раз и занимаемся. Пойдемте, покажу. – Она поманила меня за собой, и мы, обогнув металлическую постройку, вышли туда, где росли бобы. Я обратил внимание, что на вид это были исключительно здоровые растения: не было заметно следов поражения насекомыми-вредителями и пожухлых листьев. Почва там, где они росли, отличалась, судя по всему, высоким содержанием перегноя и казалась, чуть ли не пушистой. Каждое растение было тщательно разрезано, стебли и листья росли близко, но не касались друг друга.

Она указала на ближайшую посадку:

– Мы стараемся рассматривать эти растения как законченные энергетические системы и заботимся обо всем, что необходимо для их процветания – о почве, питательных веществах, влаге и свете. И вот что мы обнаружили: законченная экосистема вокруг каждого растения представляет собой единую систему жизнедеятельности, единый организм. И здоровье каждой его части влияет на его здоровье в целом.

После некоторого колебания Марджори продолжила:

– Главное же заключается в том, что, начав размышлять над энергетическими связями всего растения, мы пришли к поразительным результатам. Выбранные нами для опыта растения не отличались размерами, однако по своей питательности превосходили остальные.

– И каким образом вы это выяснили?

– В них было больше протеина, углеводов, витаминов и минеральных веществ.

Собеседница выжидающе посмотрела на меня:

– Но самое удивительное не в этом! Мы обнаружили, что растения, которые находятся под непосредственной опекой людей, таят в себе еще большие возможности.

– Под какой опекой? – не понял я.

– Ну, когда каждый день обрабатывают вокруг них почву, следят за ними, – объяснила она. – В таком вот духе. Мы поставили эксперимент с контрольной группой растений, когда одни получали особый уход, а другие – нет, и наши находки подтвердились. Более того, – продолжала биолог, – мы подошли к этому вопросу шире, и теперь исследователь не только ухаживает за ними, но и обращается к ним с просьбой расти более здоровыми. Человек просто усаживается рядом и все свое внимание и заботу сосредоточивает на их росте.

– И они стали здоровее?

– Значительно. И стали быстрее расти.

– Невероятно.

– Да, в это с трудом можно поверить... – Звук ее голоса замер: она не отрываясь смотрела на шагавшего в нашу сторону пожилого человека, на вид ему было за шестьдесят.

– Джентльмен, который идет к нам, – специалист по микробиологии, – негромко пояснила Марджори. – Первый раз он приехал сюда около года назад и тут же взял отпуск, чтобы задержаться здесь подольше. Это профессор Вашингтонского университета. Зовут его Хайнз. Он автор нескольких выдающихся открытий. Когда профессор подошел, Марджори представила меня этому коренастому черноволосому мужчине, на висках у которого пробивалась седина. Она задала несколько вопросов, и профессор с увлечением принялся излагать суть своего исследования. По его словам, наибольший интерес для него представляли результаты жизнедеятельности органов человека на основе высокоэффективных анализов крови, особенно в том, что касается качества потребляемой пищи.

Профессор поведал, что больше всего его заинтересовали данные, полученные при исследовании высокопитательных растений, которые выращиваются в Висьенте. Они не только вызывали бурный подъем жизнедеятельности организма человека: подъем этот превосходил все, что можно было ожидать от питательных веществ как таковых. Наши знания физиологии человека здесь бессильны. Нечто, присущее строению этих растений, производит эффект, который до сих пор не поддается объяснению.

Взглянув на Марджори, я спросил:

– Значит, когда на этих растениях концентрируется внимание, они получают нечто такое, от чего, съев их, человек, в свою очередь, становится гораздо сильнее. Это и есть та энергия, о которой упоминается в Манускрипте?

Марджори повернулась к профессору. Тот лишь чуть улыбнулся мне:

– Пока не известно.

Я поинтересовался его планами, и он рассказал, что хочет разбить такой же сад в штате Вашингтон и наладить в нем исследования, чтобы выяснить, испытают ли энергетический подъем и станут ли здоровее люди, которые будут питаться выращенными там растениями. Пока он говорил, я то и дело невольно поглядывал на Марджори. Она вдруг показалась мне необычайно красивой. Даже под мешковатыми джинсами и футболкой она выглядела высокой и стройной. Темно-каштановые волосы, ниспадающие на лицо крупными завитками, карие глаза...

Я ощутил сильное физическое влечение. Однако в то мгновение, когда я почувствовал это, она повернулась ко мне, пристально посмотрела в глаза и отступила на шаг.

– Мне нужно кое-кого встретить, – проговорила она. – Может, потом увидимся.

Марджори попрощалась с Хайнзом, улыбнулась мне застенчивой улыбкой и пошла по дорожке мимо металлической постройки.

Поговорив еще несколько минут с профессором, я пожелал ему успехов и направился обратно к тому месту, где оставил Сару. Она все так же стояла и оживленно разговаривала с еще одним исследователем. Однако пока я шел к ней, она не сводила с меня глаз.

Когда я подошел, ее собеседник улыбнулся, поправил листы с записями на своей папке с зажимом и прошел внутрь металлического строения.

– Что-нибудь выяснили? – поинтересовалась Сара.

– Да, – рассеянно ответил я, уставясь себе под ноги, – похоже, эти ребята заняты здесь интересными вещами.

А куда делась Марджори? – спросила она.

Я поднял глаза и успел заметить на ее лице лукавое выражение:

– Она сказала, что у нее с кем-то встреча.

– Вы ее разочаровали? – теперь уже открыто улыбалась она.

– Наверное, да, – рассмеялся я. – Но я вроде ничего такого не сказал.

– А вам и не нужно было ничего говорить. Марджори' заметила изменение вашего поля. Оно было довольно явным. Мне было видно даже отсюда.

– Изменение моего... чего?

– Энергетического поля вокруг вашего тела. Многие из нас научились видеть поля, по крайней мере, при определенном освещении. Когда человек испытывает половое влечение, его энергетическое поле завихряется в виде воронки и устремляется к тому, кто является объектом этого влечения.

Это прозвучало просто как фантастика, но прежде чем я, ошеломленный, смог что-либо ответить, наше внимание привлекла группа людей, выходящих из металлического строения.

– Пришло время проецировать энергию, – объяснила

Сара. – Вам стоит посмотреть.

Четверо молодых людей, по всей видимости, студенты, направились к посадкам кукурузы, и мы последовали за ними. Подойдя ближе, я разглядел, что посадки состоят из двух отдельных участков квадратной формы со стороной около трех метров. На одном из них кукуруза достигала шестидесяти сантиметров в высоту. На другом высота растений не превышала полуметра. Все четверо прошли на участок, где кукуруза была выше, и расселись по углам лицом к растениям. По всему было видно, что они сконцентрировали свои взгляды на кукурузе. Заходящее солнце светило мне в спину, участок купался в мягких янтарных отблесках его лучей. Вдалеке все так же темнели леса. Силуэты растений и студентов резко выделялись на этом почти черном фоне.

Сара встала рядом.

– Отлично, – проговорила она. – Смотрите! Видите?

– Что?

– Как они передают свою энергию растениям. Я напряженно вглядывался в происходящее, но так ничего и не заметил.

– Ничего не вижу, – вздохнул я.

– Тогда присядьте на корточки, – посоветовала Сара, – и сосредоточьте внимание на пространстве между людьми и растениями.

На какой-то миг мне показалось, что я увидел блик света, но посчитал, что это солнечный отблеск или мне просто померещилось. Я еще несколько раз попытался что-нибудь увидеть, но потом бросил.

– Не получается, – разочарованно сказал я, вставая.

– Ничего страшного, – похлопала меня по плечу Сара. – Первый раз всегда труднее всего. Как правило, приходится немного поэкспериментировать, чтобы настроить свой взгляд.

Один из студентов перевел глаза на нас и поднес указательный палец к губам, поэтому мы пошли назад к строению.

– Вы надолго в Висьенте? – спросила Сара.

– Наверное, нет, – ответил я. – Человек, с которым я приехал сюда, разыскивает последнюю часть Манускрипта.

На ее лице появилось удивленное выражение:

– Я считала, что он найден весь. Хотя, откуда мне знать. Я настолько увлеклась той его частью, которая имеет отношение к моей работе, что остальное лишь пробежала глазами.

Я инстинктивно потянулся рукой к карману: у меня совершенно вылетело из головы, – куда я подевал перевод Сары? К счастью, он лежал на месте, сложенный в заднем кармане брюк.

– Видите ли, – начала Сара, – мы выяснили, что лучше всего наблюдать энергетические

поля дважды: на закате и на восходе солнца. Если хотите, встретимся завтра на рассвете и попробуем еще раз.

Она протянула руку за бумагами:

– Если я возьму их с собой, то смогу снять для вас копию, и у вас будет свой экземпляр.;

Несколько секунд я обдумывал ее предложение и ре; шил, что это не помешает.

– А почему бы и нет? – согласился я. – Впрочем, мне нужно будет поговорить со своим приятелем и убедиться, что у нас достаточно времени. – Я посмотрел ей в глаза и улыбнулся. – А почему вы считаете, что у меня получится, и я научусь видеть эту штуковину?

– Назовем это интуицией. Мы условились встретиться на холме в шесть утра, и всю милю до усадьбы я шел один. Солнце зашло, но его отблески все еще окрашивали всеми оттенками оранжевого серые облака, нависшие над горизонтом. В воздухе чувствовалась прохлада, но ветра не было.

В просторной столовой усадьбы выстроилась очередь у стойки. Я был голоден и прошел в ее начало посмотреть, что предлагается на ужин. Там стояли Уил с профессором Хайнзом и непринужденно беседовали.

– Ну, – обратился ко мне Уил, – как прошел день?

– Превосходно, – отозвался я.

– Познакомьтесь – Уильям Хайнз, – добавил Уил.

– Мы уже знакомы, – объяснил я.

Профессор дружески кивнул.

Я упомянул о завтрашней встрече ранним утром, и Уил сказал, что это вполне осуществимо. Ему нужно было найти еще пару человек, с которыми он еще не успел поговорить, и поэтому он не собирался уезжать раньше девяти.

Очередь продвинулась, стоявшие сзади предложили мне присоединиться к моим друзьям, и я встал рядом с профессором.

– Какое же у вас сложилось впечатление от того, чем мы здесь занимаемся? – поинтересовался он.

– Трудно сказать, – признался я. – Нужно, чтобы все это немного улеглось. Для меня внове вся концепция энергетических полей.

– То, что они на самом деле существуют, – внове для каждого, – сказал Хайнз. – Однако интересно то, что наука во все времена как раз и пыталась обнаружить эту энергию как нечто общее, что лежит в основе всякой материи. В частности, после Эйнштейна в физике ведется поиск единой теории полей. Не знаю, есть ли в Манускрипте ответ на этот вопрос, но даже если нет, эта рукопись дает толчок для некоторых интересных изысканий.

– А что нужно науке для того, чтобы согласиться с концепцией энергетических полей? – спросил я.

– Понятие о том, как измерить их. Вообще-то существование этой энергии для нас не является таким уж неожиданным явлением. Мастера каратэ говорят об энергии ци, с помощью которой для них становится возможным выполнять казалось бы невообразимое: они разбивают ладонями кирпичи или один каратист может свести на нет усилия четырех человек, пытающихся сдвинуть его с места. Все мы также можем засвидетельствовать впечатляющие упражнения гимнастов, которые изгибаются, поворачиваются и висят в воздухе, словно для них не существует силы земного тяготения. Все это – проявление сокрытой энергии, которая нам доступна.

– Но она, конечно же, не будет признана, пока люди не смогут на деле увидеть ее собственными глазами.

– А вы сами видели ее? – спросил я.

– Что-то я наблюдал, – отвечал профессор, – но вообще-то это зависит от того, чем вы питаетесь.

– Как это?

– Дело в том, что люди, которые видят энергетические поля, употребляют в основном растительную пищу, К тому же. они едят растения с высоким энергетическим уровнем, которые вырастили сами.

Хайнз указал на стойку.

– Кое-что из этого есть и там, хотя, слава Богу, у них имеются также блюда из рыбы и птицы для таких стариков, как я, которые не могут без мяса. Но если я заставляю себя перейти на другую пищу, то да – что-то вижу.

Я поинтересовался, почему он не ест другую пищу все время.

– Не знаю, – пожал плечами он. – От старых привычек не так просто избавиться.

Очередь продвинулась, и я заказал себе только овощи. Втроем мы устроились за большим столом, где уже сидело несколько человек. Мы целый час вели непринужденную беседу. Потом я с Уилом вышел к джипу, чтобы занести наши вещи.

– А вы видели энергетические поля? – спросил я. Он улыбнулся и кивнул.

– Мой номер на шестом этаже, – сообщил он. – Ваш на третьем – триста шестой. Ключ можете получить у портье.

Телефона в номере не было, но дежурная, которую я встретил в коридоре, заверила, что мне постучат в дверь ровно в пять утра. Улегшись в постель, я успел еще несколько минут поразмышлять. Ленг оказался долгим и насыщенным, и мне стало понятно, почему Уил хранил молчание. Ему хотелось, чтобы я открыл для себя Третье откровение по-своему.

Очнулся я от громкого стука в дверь. Посмотрел на часы – было пять утра. Когда постучали снова, я произнес «спасибо» достаточно громко, чтобы меня услышали, затем встал и выглянул в небольшое, открывающееся наружу оконце. О том, что уже наступило утро, можно было догадаться лишь по слабым сполохам на востоке.

Я прошел в ванную, принял душ, затем быстро оделся и спустился вниз. Столовая была открыта, и людей в ней было на удивление много. На завтрак я съел лишь фрукты и поспешил на улиу.

Над землей стелился туман и тянулся к отдаленной луговине. На деревьях перекликались трелями птицы. По мере того, как я удалялся от усадьбы, на горизонте на востоке показался самый краешек солнечного диска. Сочетание красок впечатляло: глубокая синева неба над окрашенным в ярко-персиковый цвет горизонтом.

Я поднялся на холм на четверть часа раньше, уселся под одним из развесистых деревьев, прислонившись к стволу, и так сидел, зачарованный хитросплетением сучковатых ветвей над головой. Через несколько минут я услышал, что кто-то идет ко мне по дорожке. Я оглянулся, надеясь увидеть Сару. Но вместо нее обнаружил какого-то незнакомца лет сорока пяти. Он сошел с дорожки и направился в мою сторону, не замечая меня. Метрах в трех он увидел меня и отпрянул от неожиданности. Я тоже вздрогнул.

– О, привет, – произнес человек с сильным бруклинским акцентом. Он был в джинсах и туристских ботинках, у него было телосложение атлета и вид человека, обладающего исключительным здоровьем. Вьющиеся волосы уже начинали редеть.

Я кивнул в ответ.

– Прошу прощения, что вот так, ни с того ни с сего, набрел на вас, – извинился незнакомец.

– Ничего страшного.

Он сказал, что его зовут Фил Стоун, а я, представившись, сообщил, что жду знакомую.

– Вы, должно быть, проводите здесь исследования, – добавил я.

– Не совсем, – ответил он. – Я работаю в университете Южной Калифорнии. Мы занимаемся проблемой хищнической эксплуатации лесов в другой провинции Перу, но, когда появляется возможность, я приезжаю сюда, чтобы развеяться. Мне нравится бывать в тех местах, где леса не похожи на остальные.

Фил огляделся вокруг:

– Вы знаете, что некоторым деревьям здесь чуть ли не по пятьсот лет? Это настоящий девственный лес, такое встречается очень редко. В нем все сбалансировано: крупные деревья задерживают солнечный свет и дают возможность буйно разрастаться многочисленным тропическим растениям под ними. В тропических лесах тоже есть долгожители, но там все растет по-другому: это, в основном, джунгли. Здесь же все больше похоже на старый лес умеренного пояса, как, например, в Соединенных Штатах.

– Там мне никогда не доводилось видеть ничего подобного, – признался я.

– Понятное дело, – ответил он. – Их осталось совсем немного. Большинство, о которых мне известно, проданы правительству для нужд деревообработки, в таких лесах они видят лишь погонные метры древесины. Стыд и позор тем, кто загубит подобные места. Взгляните на энергию. – Вы умеете видеть энергию? – спросил я. Фил в упор посмотрел на меня, словно решая, стоит ли вдаваться в подробности.

– Да, умею, – признался он наконец.

– А у меня вот не получается, – вздохнул я. – Вчера попробовал во время созерцания растений в саду.

– Я поначалу тоже не мог увидеть такие большие поля, – сообщил он. – Пришлось сначала смотреть себе на пальцы.

– Как это – на пальцы?

– Давайте пройдем туда. – Он указал на участок, где деревья росли не так густо и над головой проглядывала синева небес. – Я покажу вам.

Когда мы пришли, мой новый знакомый начал объяснение:

– Откиньте голову назад и соедините кончики указательных пальцев. Пусть у вас это происходит на фоне небесной синевы. Теперь разведите кончики пальцев сантиметра на три и взгляните на пространство между ними. Что вы видите?

– Такое впечатление, что у меня глаза запылились.

– Не обращайтесь внимания, – продолжал командовать Фил. – Немного сместите фокус зрения и сведите кончики пальцев поближе, а затем разведите их подальше.

Пока он все это говорил, я двигал пальцами туда-сюда, не совсем понимая, что он имеет в виду, предлагая сместить фокус зрения. В конце концов, я рассеянно уставился на пространство между пальцами. Контуры пальцев на концах стали казаться размытыми, и в то же время было заметно, что между ними протянулось что-то вроде дымки.

– Боже правый! – пробормотал я и рассказал об увиденном.

– Вот-вот! Это оно и есть! – воскликнул Фил. – А теперь просто немного поэкспериментируйте с этим.

Я свел вместе пальцы обеих рук, потом ладони и предплечья. Каждый раз я снова видел вспышки энергии, которые тянулись от одной части тела к другой. Опустив руки, я взглянул на Фила.

– О, хотите посмотреть на мою энергию? – оживился он. Отступив на некоторое расстояние, Фил встал таким образом, чтобы оказаться на фоне неба. В течение нескольких минут я пытался что-нибудь увидеть, но тут донесшиеся сзади звуки шагов заставили меня отвлечься. Обернувшись, я увидел Сару.

Фил расплылся в улыбке и сделал шаг навстречу:

– Так вот кого вы ждали? Приближавшаяся Сара тоже улыбалась.

– Эй, я тебя знаю, – сказала она Филу. Они дружески обнялись, потом Сара повернулась ко мне:

– Извините за опоздание. Я ставила себе задачу проснуться, но будильник у меня в голове почему-то не сработал. Но теперь я, кажется, знаю почему. Благодаря этому вам двоим удалось поговорить. Чем вы тут занимались?

– Он только что научился видеть поля между пальцами, – сообщил Фил.

Сара посмотрела на меня:

– В прошлом году мы с Филом на этом же месте учились тому же. – Она повернулась к нему. – Давай прислонимся друг к другу спиной. Может, ему удастся увидеть энергию между нами.

Они встали передо мной спина к спине. Я предложил им подойти поближе, и они стали небольшими шажками придвигаться ко мне, пока между нами не осталось немногим больше метра. Их силуэты четко вырисовывались на фоне неба, которое еще оставалось темно-синим. К моему удивлению, пространство между ними казалось светлее. Оно было желтого или желтовато-розового цвета.

– Видит, – прокомментировал Фил, следивший за выражением моего лица.

Сара повернулась лицом к Филу, взяла его за руку, и они, не торопясь, стали отступать от меня, пока не отошли метра на три. Верхнюю половину их тел окружало бело-розовое энергетическое поле.

– Хорошо, – произнесла Сара с серьезным видом. Подойдя ко мне, она присела рядом на корточки. – Взгляните теперь на эту красоту.

Я пригляделся к окружающим меня растениям, и тут же был повергнут в полное изумление. Было такое ощущение, что я всеобъемлющим образом сконцентрировал внимание на каждом могучем дубе: не только на отдельной части деревьев, но и сразу на всех в целом. Я поразился разнообразию форм ветвей. Я смотрел и смотрел на деревья, поворачиваясь от одного дуба к другому. При этом я как-то все больше ощущал их присутствие, это было ощущение, которое передавалось мне от каждого дерева, словно я видел их в первый раз или, по крайней мере, в первый раз воспринимал их во всей полноте.

Неожиданно мое внимание было привлечено тропической зеленью, растущей под деревьями-, я снова и снова вглядывался в неповторимые формы каждого растения. Мне бросилось в глаза то, как они сосуществуют в поражающих воображение маленьких сообществах. Например, попадались высокие растения, похожие на банановые пальмы, вокруг которых обвивались маленькие филодендроны. Последние, в свою очередь, нависали над папоротникообразными растениями поменьше. Я разглядывал эти микромоделю окружающей среды, и меня снова и снова изумляла неповторимость их форм и одухотворенная близость.

Метрах в двух я заметил растение с необычными листьями. Я держал дома такие – разновидность пятнистого филодендрона. Темно-зеленые листья разрастались в стороны чуть ли не на метр. Казалось, растение просто пышет здоровьем и жизненной силой.

– Так, сосредоточьтесь вот на этом растении, только без особого напряжения, – предложила Сара.

Я так и сделал и при этом попробовал немного поэкспериментировать с тем, на чем сосредоточил свой взгляд. Сначала я попытался охватить взглядом пространство сантиметров на двадцать от края растения. Мало-помалу я стал различать проблески света, а затем, посмотрев на растение надлежащим образом, смог различить, что его окружает отливающая белым аура.

– Сейчас что-то вижу, – пробормотал я.

– Взгляните так, чтобы охватить все вокруг, – предложила Сара.

Пораженный, я даже отступил на шаг. Вокруг каждого растения, насколько хватало глаз, светилось беловатое поде. Оно было видимо, но совершенно прозрачно, так что не мешало восприятию ни формы, ни цвета растения. До меня дошло, что я наблюдаю неповторимую красоту каждого растения, только увеличившуюся в объеме. Получалось, что сначала я видел сами растения, потом их неповторимость и непосредственную, живую близость, а когда после этого чистая красота прибавилась к их материальному выражению, я смог увидеть энергетические поля.

– А теперь посмотрим, сможете ли вы наблюдать вот это, – проговорила Сара и присела передо мной лицом к филодендрону. Струйка беловатого цвета, обволакивавшая ее тело, вырвалась наружу и окутала филодендрон. Соответственно расширился на несколько сантиметров и поперечник энергетического поля растения.

– Невероятно! – вырвалось у меня, и мое восклицание вызвало смех обоих друзей. Вскоре я и сам заливался смехом, сознавая всю необычность того, что произошло. Однако меня ничуть не смущало то, что я без особого напряжения стал очевидцем явления, в которое еще несколько минут назад не мог поверить. Мне стало ясно, что восприятие полей не вызывает никаких сверхъестественных ощущений, а наоборот, все вокруг выглядело, по сути дела, более реальным, чем прежде.

Но в то же время все, что окружало меня, смотрелось по-другому. Это ощущение можно было, наверное, сравнить с киноэффектами, когда усиливают интенсивность цвета, чтобы в фильме, лес, например, казался более таинственным и зачарованным. Растения, листья, небо – все теперь выступало удивительно отчетливо и слегка мериало, свидетельствуя об их жизни и, вероятно, разуме, хотя это выходило за рамки нашего обычного понимания. После всего увиденного вряд ли я смогу воспринимать лес как нечто само собой разумеющееся. Я взглянул на Фила.

– Присядьте и направьте свою энергию на этот филодендрон, – попросил я. – Хотелось бы сравнить. Фил, казалось, был в замешательстве.

– Не могу, – сказал он. – А почему – не знаю. Я перевел взгляд на Сару.

– У некоторых это получается, а у других нет, – объяснила она. – Мы еще не понимаем, чем это вызвано. Марджори приходится проверять своих выпускников, чтобы выявить тех, кто на это способен. Двое психологов пытаются соотнести эту способность с характером человека, но пока никакой ясности нет.

– Можно, я попробую направить энергию, – загорелся я.

– Ну что ж, давайте, – ответила Сара. Я снова сел на корточки, обратившись лицом к растению. Сара и Фил встали по обеим сторонам от меня.

– Так, с чего мне начать?

– Просто сосредоточьтесь на растении внимание, словно хотите воспламенить его своей энергией, – инструктировала Сара.

Я смотрел на растение и представлял себе, что оно набухает изнутри энергией, а через несколько минут поднял на них взгляд.

– Что поделаешь, – в голосе Сары звучала ирония. – Вы, очевидно, не из избранных сих.

Притворно насупившись, я взглянул на Фила.

Наш разговор прервали донесшиеся с дорожки сердитые голоса. За деревьями показались несколько человек. Они шли мимо и раздраженно переговаривались между собой.

– Кто это? – спросил Фил, глядя на Сару.

– Не знаю, – отозвалась она. – Думаю, что это снова те, кого не устраивает то, чем мы здесь занимаемся.

Я окинул взглядом окружавший нас лес. Все опять казалось обыденным.

– Послушайте, я больше не вижу энергетических полей!

– Есть вещи, которые возвращают нас на грешную землю, верно? – заметила Сара.

Фил улыбнулся и похлопал меня по плечу:

– Теперь вы можете проделать это в любой момент. Это все равно, что ездить на велосипеде. Нужно всего лишь увидеть красоту, а оттуда и плясать.

Тут мне пришло в голову проверить, который час. Солнце стояло уже довольно высоко, и деревья раскачивались под легким утренним ветерком. Мои часы показывали семь часов пятьдесят минут.

– Похоже, мне пора возвращаться, – сказал я. Сара с Филом пошли со мной. По дороге я оглянулся на покрытый лесом склон.

– Прекрасное место, – вздохнул я. – В Штатах таких больше нет, вот что плохо.

– Когда будете наблюдать энергию в других местах, – принялся объяснять Фил, – вы поймете, сколько энергии заложено в этом лесе. Взгляните на эти дубы. В Перу они встречаются редко, а здесь, в Висьенте, растут. У вырубленного леса, особенно у того, где выведены лиственные породы, уровень энергетических полей крайне низок. А в городе, если не принимать во внимание людей, вообще другой вид энергии.

Я попытался сосредоточиться на растениях, что росли вдоль дорожки, но в движении не удавалось сконцентрировать внимание.

– А вы уверены, что я снова смогу увидеть эти поля? – спросил я.

– Абсолютно уверена, – успокоила меня Сара. – Я не знаю ни одного случая, чтобы кому-то не удалось повторить свой опыт после того, как человек увидел энергетическое поле. Однажды здесь побывал ученый, который занимался проблемами офтальмологии. Научившись видеть поля, он пришел в полный восторг. Как выяснилось, он изучал некоторые аномалии зрения, и в том числе проявления хроматической слепоты, и пришел к заключению, что у некоторых людей в глазах имеется то, что он назвал «ленивыми рецепторами». Он научил людей видеть цвета, которые они не воспринимали. При наблюдении энергетических полей, по его мнению, происходит то же самое, а именно пробуждение дремлющих рецепторов. Теоретически сделать это под силу каждому.

– Хотел бы я жить рядом с таким местом, как это, – мечтательно произнес я.

– А кто бы из нас отказался! – отозвался Фил, а потом посмотрел на Сару: – Доктор Хайнз еще здесь?

– Да, – ответила Сара. – Ему никак не уехать. Фил повернулся ко мне:

– А вот вам и человек, который занимается интереснейшими изысканиями относительно того, чем может быть для нас полезна эта энергия.

– Да, мы с ним вчера беседовали, – вставил я.

– В мой последний приезд сюда, – продолжал Фил, – доктор Хайнз рассказывал, что ему хочется провести один эксперимент, в ходе которого он сможет изучить эффект от пребывания в непосредственной близости от высокоэнергетической среды, подобной этому лесу. Для определения этого воздействия он собирается применить замеры эффективности и отдачи органов чувств.

– Ну, я-то уже представляю себе это воздействие, – заметила Сара. – Каждый раз, приезжая в эту усадьбу, я начинаю чувствовать себя лучше. Все как бы увеличивается и возрастает. Мне кажется, что я становлюсь сильнее, что могу мыслить отчетливее и быстрее. А мои откровения о происходящем здесь и то, насколько это соотносится с моей деятельностью в области физики, просто изумляют.

– Над чем же вы работаете? – поинтересовался я.

– А помните, я рассказывала вам об опытах по физике элементарных частиц, в ходе которых

малые частицы атомов появлялись там, где ученые рассчитывали на их появление, и тем самым ставили исследователей в тупик?

– Да, помню.

– Так вот, я попыталась несколько развить эту идею при помощи собственных опытов. Не для того, чтобы решать задачи, стоящие перед теми, кто работает в области элементарных частиц, а для исследования вопросов, о которых я упоминала ранее: до какой степени весь материальный мир в целом, – если исходить из того, что он состоит из одной и той же основополагающей энергии – отвечает нашим чаяниям? Порождают ли они все то, что с нами происходит?

– Вы имеете в виду стечения обстоятельств?

– Ну да, задумайтесь над событиями вашей жизни. Идея Ньютона заключается в том, что все происходит случайно, что невозможно предвидеть будущее и что у каждого события есть своя причинная связь, не зависящая от того, как мы к этому относимся.

После последних открытий в физике у нас есть все основания задаться вопросом: а может быть, мир намного динамичнее? Возможно, механическое движение – лишь основной способ существования Вселенной, но она в то же время тонко реагирует на энергию разума, которую мы ей отдаем? То есть, я хочу сказать, – почему бы и нет? Если в наших силах ускорять рост растений, то, может быть, мы сумеем приблизить – или отдалить, в зависимости от нашего образа мыслей – наступление определенных событий?

– А в Манускрипте что-нибудь об этом говорится? Сара улыбнулась:

– Конечно, оттуда-то мы и черпаем эти идеи. – Она принялась на ходу рыться в своем рюкзаке и наконец вытащила бумаги. – Вот ваш экземпляр.

Я мельком глянул на него и засунул документ в карман. В это время мы шли через мостик, и я на какое-то мгновение задержался, разглядывая цвета и формы окружавших меня растений. Сместив фокус зрения, я тут же увидел энергетические поля вокруг всего, что было у меня перед глазами. И у Сары, и у Фила поля были широкие, с желтовато-зеленым оттенком. Впрочем, поле Сары время от времени переливалось розовым.

Неожиданно мои спутники остановились, пристально глядя вперед. Там, метрах в пятнадцати, я заметил какого-то человека, который быстро направлялся в нашу сторону. Внутри возникло чувство тревоги, однако я был полон решимости удержать свое видение энергии. Когда этот человек приблизился, я узнал его: это был один из ученых из университета Перу, высокий, что спрашивал вчера, как пройти в сады. Я отчетливо видел, что его окружает слой чего-то красного.

Он подошел к нам и, повернувшись к Саре, снисходительно СПРОСИЛ:

– Насколько я догадываюсь, вы ученый?

– Да, – ответила Сара.

– Тогда как вы можете терпеть такую науку? Я посмотрел на эти сады. Это такая чушь, какую трудно себе представить. У вас, друзья мои, ничего не проверено. Может быть, множество объяснений тому, что некоторые растения вырастают более крупными.

– Все проверить невозможно, сэр. Мы изучаем общие тенденции, – ответила Сара, с трудом скрывая раздражение.

– Однако допускать, что существует некая энергия, которую недавно стало возможным наблюдать и которая лежит в основе жизнедеятельности всего живого, – это абсурд. У вас нет доказательств.

– Вот как раз доказательства мы и хотим найти.

– Но как можно допускать существование чего-либо, не имея на то доказательств?

По голосам чувствовалось, что оба уже рассержены, но я лишь рассеянно прислушивался к

ним. Мое внимание было поглощено изменениями их энергетических полей. В начале спора мы с Филом отошли на несколько шагов, и

Сара с долговязым сошлись лицом к лицу: между ними оставалось не более полутора метров. Их энергетические поля стали более плотными и, словно под воздействием некой внутренней вибрации, более возбужденными. По мере продолжения разговора поля стали перемежаться. Когда один из собеседников что-то утверждал, его поле, казалось, засасывает поле оппонента подобно своеобразному пылесосу. Однако после того, как оппонент выступал с опровержением, энергия возвращалась обратно к нему. Судя по изменениям энергетических полей, тот, кто обосновывал свое утверждение, словно старался захватить часть поля оппонента и втянуть его в себя.

– ...кроме того, – говорила в это время Сара, – мы наблюдали явление, а теперь пытаемся дать ему объяснение.

Мужчина с презрением посмотрел на нее:

– Тогда вы не только некомпетентны, но и безумны. – Проговорив это, он зашагал прочь.

– А вы просто динозавр! – крикнула ему вдогонку Сара, от чего мы с Филом, не удержавшись, рассмеялись. Она же по-прежнему была взвинчена.

– Эти люди способны вывести из себя, – проговорила она, когда мы уже снова шли дальше по дорожке.

– Забудьте об этом, – успокаивал ее Фил. – К сожалению, встречаются и такие.

– Но почему их так много? – размышляла вслух Сара. – И почему они появились именно сейчас?

Когда мы подошли к усадьбе, я увидел джип и Уила возле него. Дверцы были распахнуты, а на капоте разложе- ны инструменты. Уил сразу заметил меня и сделал знак подойти.

– Похоже, мне пора отправляться, – заметил я.

Этими словами я нарушил почти десятиминутное молчание, которое наступило после того, как я попытался описать изменения энергетического поля Сары во время спора. Очевидно, мне не удалось должным образом сформулировать свои наблюдения, потому что они лишь рассеянно посмотрели на меня, целиком погруженные в свои мысли.

– Приятно было познакомиться, – попрощалась Сара, протягивая мне руку.

Фил смотрел в сторону джипа.

– Это не Уил ли Джеймс? – спросил он. – Он и есть тот человек, с которым вы приехали?

– Да, – подтвердил я. – А что?

– Так, просто спросил. Я не первый раз вижу его здесь. Он знаком с владельцем поместья и входил в группу тех, кто первыми приступили к изучению здесь энергетических полей.

– Пойдемте, познакомитесь, – предложил я.

– Нет, мне пора, – отказался он. – Встретимся здесь в другой раз. Я уверен, что вы не сможете остаться в стороне...

– Не сомневаюсь, – согласился я.

Сара заметила, что ей тоже нужно идти и что я могу связаться с ней через эту усадьбу. Я задержал их еще на несколько минут, чтобы поблагодарить за то, чему они меня научили.

Сара посерьезнела:

– Видение энергии – это овладение новым способом постижения материального мира, оно приходит после того, как этим как бы заражаешься. Мы не можем этого объяснить, но когда люди общаются с теми, кто способен видеть эту энергию, они, как правило, тоже начинают видеть ее. Так что покажите еще кому-нибудь, как это делается.

Я кивнул и поспешил к джипу. Уил, улыбаясь, поздоровался со мной.

– Вы уже готовы? – спросил я.

– Почти, – отозвался он. – Как прошло утро?

– Занятно, – сказал я. – Мне нужно о многом поговорить с вами.

– Лучше оставить это до другого раза. Нам необходимо выбираться отсюда. Все, похоже, складывается не в нашу пользу.

Я подошел поближе:

– А что такое?

– Ну, это не так уж серьезно, – успокоил меня Уил. – Расскажу потом. Заберите свои вещи.

Я прошел в усадьбу и взял то небольшое, что было оставлено в номере. Уил заранее предупредил меня, что хозяин был настолько любезен, что распорядился не взимать с нас плату, поэтому я спустился вниз, сдал ключ портье и вышел на улицу к джипу.

Уил что-то проверял под крышкой капота, потом захлопнул ее и подошел ко мне.

– Ну вот, – сказал он. – Поехали. Мы выехали со стоянки на дорогу к главным воротам. Одновременно с нами тронулось еще несколько машин.

– Так что же случилось? – повторил я свой вопрос.

– Поступила жалоба от представителей местных властей, а также неких деятелей от науки на тех, кто связан с этим центром научных конференций. Они не выдвигают обвинений в какой-либо противозаконной деятельности. Просто некоторые из приезжающих сюда людей могут попасть в число тех, кого они называют «нежелательными лицами» и «псевдоучеными». Эти чиновники могут причинить немало неприятностей, а это грозит ухудшением финансового положения усадьбы.

Я в недоумении посмотрел на него, а он продолжал:

– Видите ли, в усадьбе обычно останавливается несколько групп, и лишь немногие имеют отношение к исследованиям, связанным с Манускриптом. Другие ученые заняты своими дисциплинами и приезжают сюда лишь потому, что им здесь очень нравится. Если власти будут действовать слишком грубо и создадут вокруг усадьбы негативный климат, эти группы перестанут встречаться здесь.

– Но мне кажется, вы говорили, что местные власти не собираются чинить препятствий притоку туристов в Висьенте? – Да, я так считал. Но кто-то заставляет их слишком нервничать из-за Манускрипта. В садах кто-нибудь из исследователей понял, что происходит?

– Вообще-то нет, – ответил я. – Они только удивлялись тому, что вдруг появилось столько рассерженных людей.

Уил промолчал. Мы выехали из ворот и двинулись на юго-восток. Через милю мы свернули на другую дорогу, которая вела прямо к видневшейся далеко на востоке горной гряде.

– Сейчас будем проезжать как раз рядом с садами, – произнес через некоторое время Уил.

Впереди показались участки и первое металлическое строение. Когда мы поравнялись с ним, дверь отворилась, и я встретился глазами с тем, кто выходил из него. Это была Марджори. Пока мы проезжали мимо, она, улыбаясь, провожала меня взглядом, и мы с ней долго не отрывали друг от друга глаз.

– Кто это был? – поинтересовался Уил.

– Женщина, с которой я вчера познакомился.

Он понимающе кивнул, а потом заговорил о другом:

– Вам удалось просмотреть Третье откровение?

– Мне дали экземпляр.

Уил ничего на это не сказал и, казалось, был погружен в свои мысли, поэтому я вынул перевод и принялся искать место, где остановился. Там как раз говорилось о природе красоты и отмечалось, что через ее восприятие люди со временем научатся видеть энергетические поля. Когда это произойдет, предрекалось в Третьем откровении, наше понимание материального

мира немедленно станет другим.

Например, мы будем употреблять в пищу больше таких продуктов, которые еще хранят эту энергию, и осознаем, что в одной местности больше энергии, чем в другой, и самая высокая степень ее концентрации приходится на те районы Земли, где сохранилась естественная среда древности, в особенности на леса. Я дошел уже до последних страниц, когда ко мне неожиданно обратился Уил.

– Расскажите, что у вас там было в садах? – попросил он.

Как умел, я подробно пересказал все, что произошло за эти два дня, в том числе и о тех людях, с которыми я познакомился. Когда я рассказал о встрече с Марджори, он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Говорили ли вы с этими людьми о других откровениях и о том, какое отношение имеют эти откровения к тому, чем они занимаются в садах? – спросил он.

– Я вовсе не упоминал о них, – ответил я. – Поначалу я не доверял этим людям, и лишь потом понял, что они знают больше, чем я.

– Думаю, что будь вы совершенно откровенны с ними, вы смогли бы донести до них важную информацию.

– Какую информацию?

Уил проникновенно взглянул на меня:

– Об этом известно только вам.

Я не знал, что на это ответить, и поэтому принялся разглядывать пейзаж. Местность становилась все более каменистой, холмы – более крутыми и высокими. Над дорогой нависали большие гранитные глыбы.

– А что вы думаете о том, что вам снова довелось увидеть Марджори, когда мы проезжали мимо садов? – спросил Уил.

Я хотел, было сказать «просто совпадение», но вместо этого проговорил:

– Не знаю. А как вы считаете?

– Я считаю, что ничего не происходит просто так. Для меня это означает, что вам двоим еще предстоит что-то сделать, сказать друг другу то, что вы не успели сказать.

Это соображение заинтриговало и обеспокоило. Меня всю жизнь обвиняли в том, что я всегда держусь на расстоянии, что задаю вопросы, но не выражаю своего мнения и не занимаю определенной позиции. Ну почему, спрашивал я себя, это всплывает вновь?

Обратил я внимание и на то, что начинаю чувствовать себя по-другому. В Висьенте я был готов идти на риск, и мне казалось, что я все знаю, но сейчас мое ощущение можно было назвать не иначе как углубляющейся депрессией с примесью беспокойства.

Ну, теперь из-за вас у меня настроение испортилось, – проговорил я.

Уил громко расхохотался, а потом сказал:

– Я тут ни при чем. Это из-за того, что мы уехали из Висьенте. От энергии этого места просто крылья вырастают. Как, по-вашему, почему все эти ученые много лет подряд приезжают сюда? Они не в силах объяснить, почему им так нравится Висьенте. – Он повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза. – Но мы-то хорошо знаем ответ.

Он бросил взгляд на дорогу, а когда снова повернулся ко мне, его лицо выражало крайнюю озабоченность:

– Когда уезжаешь из такого места, приходится мобилизовывать всю свою энергию.

Я смотрел на него, ничего не понимая, и он улыбнулся мне ободряющей улыбкой. Наступило молчание, и лишь когда мы проехали с миллю, он произнес:

– Расскажите, что еще было в садах?

Я принялся рассказывать дальше, и он не прерывал меня, пока я не дошел до спора Сары с

перуанским ученым и того, как во время этой стычки изменялись их энергетические поля.

– А что сказали по этому поводу Сара и Фил? – спросил он.

– Ничего. Похоже, они не знают, с чего начать разговор об этом.

– Не думаю, – заметил Уил. – Их настолько захватило Третье откровение, что дальше они еще не продвинулись. О том, как люди ведут борьбу за обладание энергией, говорится в Четвертом откровении,

– Ведут борьбу за обладание энергией? – переспросил я.

Он лишь с улыбкой кивнул на перевод Манускрипта, который я держал в руках.

Я снова принялся читать с того места, где остановился. В тексте как раз и шла речь о Четвертом откровении. В нем говорилось, что с течением времени люди осознают, что вся Вселенная состоит из единой динамической энергии, энергии, которая придает нам силы и отвечает на наши упования. А еще мы придем к пониманию того, что нами утрачена связь с еще более значительным источником этой энергии, что мы отрешились от нее и отсюда наша слабость, неуверенность и ощущение того, что нам чего-то не хватает.

Из-за этой неполноценности люди всегда стремились увеличить запас своей собственной энергии единственным известным способом: стараясь – в чувственном плане – похитить ее у других, и эта безотчетная борьба лежит в основе всех конфликтов между людьми.

Борьба за Власть

Джип попал в рытвину на усыпанной гравием дороге, его тряхнуло, и я проснулся. Было три часа пополудни. Я потянулся, стараясь стряхнуть сон, и ощутил острую боль в пояснице.

Дорога была изматывающая. Выехав из Висьенте, мы целый день были в пути, то и дело, поворачивая в разные стороны, словно Уил что-то искал и не мог найти. Ночь мы провели в небольшой гостинице: кровати там были жесткие и свалявшиеся, и спал я мало. Теперь, когда это утомительное путешествие длилось второй день подряд, я уже был готов начать жаловаться на судьбу.

Я взглянул на Уила. Сосредоточившись на дороге, он был так напряжен и внимателен, что я решил не беспокоить его. Похоже, у него был тот же серьезный настрой, какой он выказал несколько часов назад, когда остановил джип и сказал, что нужно поговорить. – Помните, я упоминал о том, что откровения нужно открывать для себя по одному? – спросил он.

– Помню.

– Вы считаете, что каждое действительно откроется само?

– Ну, пока что так оно и случалось, – полушутя проговорил я.

Однако выражение лица Уила было серьезным.

– Уяснить Третье откровение не представляло труда. Для этого нужно было лишь посетить Висьенте. Но прийти к остальным откровениям может оказаться теперь делом куда более сложным.

Он помолчал, а затем продолжил:

– Я считаю, нам нужно ехать на юг, в небольшую деревушку близ Килабамба, которая называется Кула. Там есть еще один девственный лес, и, мне кажется, вам стоит увидеть его. Но для вас очень важно все время быть начеку. Стечения обстоятельств начнут происходить постоянно, и вам нужно не упустить их. Понимаете?

Я ответил, что вроде бы понимаю и буду иметь в виду то, что он сказал. Потом беседа сошла на нет, я погрузился в глубокий сон и теперь жалел об этом: сильно болела поясница. Я потянулся и заметил на себе взгляд Уила.

– Где мы сейчас? – спросил я.

– Снова в Андах, – отозвался он.

Холмы сменились горными хребтами, окруженными прекрасными долинами. Пейзаж стал

суровее, деревья, не такие высокие, как раньше, гнулись под порывами ветра. Глубоко вздохнув, я заметил, что воздух здесь более разреженный и прохладный.

– Наденьте-ка лучше вот эту куртку. – сказал Уил, доставая из сумки шерстяную ветровку коричневого цвета. – Днем здесь будет холодновато.

Впереди, за поворотом, мы увидели, что путь нам пересекает узкая проселочная дорога. На перекрестке, рядом с окрашенным в белый цвет магазинчиком и заправочной станцией, стояла машина с открытым капотом. На крыле на тряпице были разложены инструменты. Когда мы проезжали мимо, из магазинчика вышел светловолосый мужчина и мельком взглянул на нас. На его круглом лице были очки в темной оправе.

Я пристально взгляделся в этого человека, и в памяти всплыли события пятилетней давности.

– Я знаю, что это не он, – сказал я Уйду. – Но он очень похож на одного моего приятеля, с которым я вместе работал. Я не вспоминал о нем годами.

Я обратил внимание, что Уил смотрит на меня изучающим взглядом.

– Я же говорил: пристально следите за тем, что происходит, – проговорил он. – Давайте вернемся и выясним: может быть, этому малому нужна помощь. На местного жителя он не похож.

Мы нашли место, где можно было развернуться, и повернули обратно. Когда мы снова подъехали к лавчонке, человек в очках продолжал копаться в двигателе. Уил подрулил к заправке и высунулся из окна.

– У вас, похоже, что-то случилось, – проговорил он. Незнакомец поправил на носу очки: у моего приятеля, была такая же привычка.

– Да, – отозвался он. – Водяной насос потерял. – На вид ему было за сорок, хрупкого телосложения. По-английски он говорил без ошибок, но с легким французским акцентом.

Уил быстро вышел из машины и представил ему нас обоих. Когда этот человек протягивал мне руку, его улыбка тоже показалась знакомой. Звали его Крис Рено.

– Вы говорите, как француз, – заметил я.

– Я и есть француз, – отвечал он. – Преподаю психологию в Бразилии. А здесь, в Перу, собираю сведения об одной археологической находке, о некоем Манускрипте.

Какое-то мгновение я колебался, не будучи уверен, насколько можно доверять этому человеку.

– Мы здесь по этой же причине, – в конце концов, признался я.

Он взглянул на меня с глубоким интересом:

– Что вы можете сказать о нем? Вы читали списки? Прежде чем я успел ответить, из дома вышел Уил и за ним с шумом захлопнулась обтянутая сеткой дверь.

– Нам повезло, – обратился он ко мне. – У хозяина есть место, где можно поставить палатки, и горячая еда. Можно здесь и заночевать. – Он повернулся к Рено и выжидающе посмотрел на него. – Если вы не против, мы устроимся на том же месте, которое уже оставлено за вами.

– Да-да, – обрадовался француз. – Я рад компании. Новый насос доставят сюда не раньше завтрашнего утра.

Они с Уилом разговорились о технических характеристиках и надежности вездехода Рено, а я в это время грелся на солнце, прислонившись спиной к джипу, и предавался приятным воспоминаниям о своем старом приятеле, которого мне так напомнил Рено. С такими же широко поставленными глазами, любознательный – ну совсем как Рено! – он только и делал, что читал книги. Я силился вспомнить, о чем он любил порассуждать, но со временем это выветрилось из головы.

– Давайте перенесем вещи и будем располагаться, – предложил Уил, похлопав меня по спине.

– Хорошо, – рассеянно согласился я.

Он открыл заднюю дверцу, вытащил палатку и спальные мешки, подал мне их, а сам взялся за брезентовый мешок с одеждой. Рено запирал свою машину. Все вместе мы прошли мимо магазинчика и спустились по ступенькам. За домом утес круто обрывался вниз, и мы двинулись влево по узкой тропке. Примерно через сотню метров мы услышали шум воды, а потом увидели низвергающийся со скалы поток. В воздухе веяло холодом, и в нос ударил резкий запах мяты.

Прямо перед нами открылась ровная площадка, где поток образовывал небольшое круглое озерцо примерно метров восемь в поперечнике. Кто-то расчистил здесь место для палаток и сложил из камней кострище. Неподалеку у дерева были сложены дрова для костра.

– Чудесно, – проговорил Уил и принялся распаковывать свою вместительную четырехместную палатку. Справа от Уила Рено разбил свою, поменьше.

– Вы с Уилом занимаетесь исследованиями? – спросил меня Рено, улучив момент. Уил уже закончил с палаткой и пошел выяснять насчет ужина.

– Уилсон – проводник, – сказал я. – А я в настоящий момент вообще ничем не занимаюсь. Рено недоуменно посмотрел на меня. Я улыбнулся:

– Вам знакомы какие-нибудь части Манускрипта?

– Я знаком с Первым и Вторым откровениями, – проговорил он, подойдя поближе. – И вот что я хочу вам сказать. Я считаю, что все происходит именно так, как об этом говорится в Манускрипте. Мы меняем свое мировоззрение. Я вижу это по психологии.

– Что вы имеете в виду? Он перевел дух:

– Я занимаюсь конфликтами, изучаю причины ожесточенных отношений между людьми. Нам давно известно, что причина этого ожесточения в желании подчинить себе других людей и властвовать над ними, но лишь недавно это явление было изучено нами с точки зрения сознания человека. Мы задались вопросом: что побуждает в нас желание подчинить себе кого-то? Мы выяснили, что когда один человек подходит к другому и заводит разговор – а такое случается в мире миллионы раз на дню, – может произойти одно из двух: после того как собеседники разойдутся, кто-то из них будет ощущать или силу, или слабость, в зависи-, мости от того, как проходило их общение.

Я с недоумением посмотрел на него, и он, похоже, испытал некоторую неловкость от того, что поторопился высказаться и так долго говорил. Я попросил его рассказывать дальше.

– В силу этого, – продолжал он, – мы, похоже, всегда стараемся выбрать такую позицию, чтобы оказаться на высоте. Вне зависимости от сложившейся ситуации или предмета разговора мы готовы говорить все что угодно, лишь бы возобладать над собеседником. Каждый хочет найти тот или иной способ захватить ситуацию в свои руки и таким образом одержать верх в этой борьбе. В случае успеха, если возобладает ваша точка зрения, вместо того чтобы почувствовать слабость, мы получаем психологическую подкачку.

Другими словами, мы, люди, стараемся перехитрить друг друга и подчинить себе другого не только для достижения какой-либо конкретной цели, но и потому, что испытываем при этом психологический подъем. Вот почему происходит так много противоречащих здравому смыслу конфликтов не только между отдельными людьми, но и между целыми народами.

Специалисты в области психологии единодушно считают, что именно сейчас в сознании многих людей формируется целостное представление об этом. Мы начинаем понимать, что слишком манипулируем друг другом, и следующим шагом для нас будет переоценка своего поведения. Я полагаю, эта переоценка станет частью того мировоззрения, о котором говорится в Манускрипте.

Подошел Уил, и наша беседа прервалась.

– Ужин для нас готов, – сообщил он.

Мы поспешили вверх по тропинке, направляясь в полуподвал дома, где размещалась семья хозяина. Миновав жилую комнату, мы вошли в помещение, где был накрыт стол. Было подано дымящееся тушеное мясо, овощи и салат.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, – повторял по-английски суетившийся вокруг хозяин, пододвигая стулья. Поодаль стояли женщина, по всей видимости, жена, и девочка-подросток лет пятнадцати.

Усаживаясь за стол, Уил случайно задел рукой вилку. Она со стуком упала на пол. Хозяин сердито глянул на жену, а та, в свою очередь, что-то резко выговорила девочке. Девочка бросилась в другую комнату и вернулась с новой вилкой в руке. Потом нерешительно подала ее Уилу. Она стояла, сгорбившись, и руки ее слегка дрожали. Я обменялся взглядом с сидевшим напротив Рено.

– Приятного аппетита, – проговорил хозяин, подавая мне одно из блюд. За ужином Рено с Уилом обсуждали университетскую жизнь, проблемы преподавания и книгоиздания. Хозяин вышел, а женщина осталась стоять в дверях.

Когда мать с дочерью подавали каждому из нас лепешки, девочка задела локтем мой стакан, и вода пролилась на стол. Разъяренная хозяйка, подбежав, набросилась на девочку. Она громко отчитывала ее по-испански и отталкивала в сторону.

– Прошу прощения, – проговорила она, вытирая воду. – Девочка такая неуклюжая.

И тут девочка взорвалась: она запустила в женщину оставшейся лепешкой, но промахнулась, и лепешка разлетелась на куски прямо посреди стола, смешавшись с осколками фарфоровых чашек. Как раз в этот момент вернулся хозяин.

Он что-то крикнул, и девочка выбежала из комнаты.

– Прошу прощения, – пробормотал он, торопливо подходя к столу.

– Ничего страшного, – сказал я. – Не надо быть таким строгим с девочкой.

У ил уже встал, просматривая счет, и мы быстро вышли из комнаты. Рено хранил молчание, но как только мы вышли из дома и спустились по ступенькам, он заговорил.

– Ну, что вы скажете об этой девочке? – спросил он; глядя мне в глаза. – *Bezib* это классический пример психологического насилия. Вот к чему приводит доведенная до крайности потребность подчинять себе других. Старик с женой полностью подмяли под себя девочку. Вы обратили внимание, какая она нервная и сгорбившаяся?

– Да, – согласился я. – Но она, похоже, уже сыта по горло.

– Вот именно! Родители не хотят оставить ее в покое. А с ее точки зрения у нее нет другого выбора, как только отчаянно огрызаться. Лишь таким образом она может в некоторой степени овладеть ситуацией. К сожалению, из-за этой травмы, которая нанесена ей сейчас, она, уже, будучи взрослым человеком, станет считать, что должна владеть ситуацией и давить на окружающих, как когда-то давили на нее родители. Это свойство глубоко укоренится в ней, и она сделается такой же властной, как сейчас ее мать и отец, особенно если будет окружена людьми легко уязвимыми, детьми, например.

По сути дела, подобная травма была нанесена ее родителям. Теперь они не могут не подчинять себе, потому что в прошлом так вели себя с ними их родители. Таким вот образом психологическое насилие передается из поколения в поколение.

Рено вдруг остановился.

– Мне нужно принести из машины спальный мешок, – сказал он. – Я сейчас.

Я кивнул, и мы с Уилом пошли дальше к лагерю.

– Вы с Рено много беседуете, – заметил У ил... – Да, много, – согласился я.

Он улыбнулся:

– Правда, в основном говорит Рено. Вы слушаете и отвечаете на его вопросы, но сами мало что предлагаете.

– Мне интересно, что он хочет сказать, – проговорил я, словно оправдываясь.

Не обращая внимания на мой тон, Уил продолжал:

– Вы заметили, как перемещалась энергия между членами этой семьи? Муж с женой вбирали в себя энергию девочки, пока та чуть не упала замертво.

– Я забыл, что нужно следить за энергией, – признался я.

– Хорошо, а разве вам не кажется, что Рено хотелось бы увидеть ее? Но сначала скажите, что вы думаете о нашей встрече с ним?

– Не знаю.

– Неужели вы считаете, что это ничего не значит? Мы едем по дороге, вы замечаете человека, который напоминает вам старого друга, а когда мы знакомимся с ним, оказывается, что он тоже разыскивает Манускрипт. Не много ли для случайного стечения обстоятельств?

– Пожалуй, да.

– Может быть, вы встретились, чтобы получить информацию, благодаря которой вы останетесь здесь на более долгий срок? И не следует ли из этого, что вам, возможно, тоже есть, что сказать ему?

– Да, наверное. Что же, по-вашему, я должен ему сообщить?

Уил снова взглянул на меня со свойственной ему теплотой.

– Правду, – проговорил он.

Ничего добавить я не успел, потому что по тропинке к нам быстро приближался Рено.

– Я принес фонарик на случай, если потом он нам понадобится, – сказал он.

Только теперь я осознал, что уже стемнело, и посмотрел на запад. Солнце уже закатилось, но небо еще отливало ярко-оранжевым светом. Кое-где виднелись облака, более темные и красноватые. На какой-то миг мне показалось, что вокруг близлежащих растений я вижу беловатое поде, но это видение померкло.

– Прекрасный закат, – проговорил я, но потом заметил, что Уил скрылся в своей палатке, а Рено вытаскивает из чехла спальный мешок.

– Да, прекрасный, – рассеянно отозвался Рено, не поднимая глаз.

Я подошел к нему.

Он поднял на меня взгляд:

– Все никак было не спросить: какие откровения вам довелось прочитать?

– Содержание первых двух мне известно со слов, – ответил я. – Но вот последние два дня мы с Уилом провели в усадьбе Висьенте, близ Сатипо. От одного человека, который проводит там исследования, я получил список Третьего откровения. Оно просто восхитительно. Его глаза загорелись:

– Список у вас с собой?

– Да. Хотите взглянуть?

Рено с радостью ухватился за эту возможность и пошел в палатку читать. Я отыскал спички, старую газету и разжег костер. Когда он разгорелся, из палатки вышел Уил. —

– Где Рено? – спросил он.

– Читает перевод, который мне дала Сара.

Уил подошел поближе и уселся на гладкое бревно, положенное кем-то недалеко от кострища. Я сел рядом. Уже совсем стемнело и ничего не было видно, только смутно вырисовывались деревья, да невдалеке тускло мерцали огни заправочной станции и расплывалось пятно света на палатке Рено. Лес был полон ночных звуков: некоторые я слышал

впервые.

Примерно через полчаса Рено появился из своей палатки с фонариком в руках. Он подошел к нам и сел слева от меня. Уил уже позевывал.

– Просто поразительное откровение, – признался Рено. – А что, кто-нибудь там на самом деле может наблюдать эти энергетические поля?

Я вкратце рассказал ему про все, что со мной произошло, начиная с самого приезда, и в том числе, что я видел поля собственными глазами.

С минуту Рено ничего не говорил, а потом спросил:

– Они на самом деле экспериментируют, направляя свою энергию на растения, чтобы оказать влияние на их рост?

– Это влияет и на питательные свойства растений, – добавил я.

– Однако главное в откровении выходит за рамки этого, – подхватил он, почти что, рассуждая вслух. – Третье откровение заключается в том, что Вселенная целиком состоит из этой энергии, и мы, возможно, в состоянии воздействовать не только на растения, но и на все вокруг, точно так же, как мы это делаем с той частью нашей собственной энергии, которая нам подвластна. – Тут он ненадолго замолчал. – Интересно, как мы воздействуем при помощи нашей энергии на других?

Уил посмотрел на меня и улыбнулся.

– Хочу рассказать о том, что мне довелось увидеть, – проговорил я. – Я стал свидетелем спора между двумя людьми, и энергия каждого из них вела себя поистине странным образом.

Рено снова поправил очки:

– Расскажите, расскажите. Тут Уил встал:

– Думаю, мне пора ложиться. День был долгий.

Мы с Рено пожелали ему спокойной ночи, и он забрался в свою палатку. Потом я как мог рассказал, о чем спорили Сара и перуанский ученый, и подробно остановился на том, как вели себя их энергетические поля.

– Так, минуточку, – задумчиво произнес Рено. – Вы наблюдали, как перемежались их энергии, стремясь, так сказать, поглотить одна другую?

– Совершенно верно, – подтвердил я. Несколько секунд он пребывал в задумчивости.

– Нам необходимо как следует все это проанализировать. Два человека спорят о том, кто прав – при этом каждый старается взять верх, не доверяя своему собеседнику, и открыто понося его...

Неожиданно Рено поднял на меня глаза:

– Ну да, все ясно!

– О чем вы? – недоумевал я.

– Движение этой энергии при достаточно внимательном изучении ее даст ответ на вопрос, что стремятся получить люди, когда соревнуются, спорят и причиняют вред друг другу. Подчиняя себе другого человека, мы получаем его энергию. Мы восполняем ее запас за счет других, этим и мотивируя свое поведение. Послушайте, я должен научиться видеть энергетические поля! Где расположена эта усадьба Висьенте? Как туда добраться?

Я рассказал в общих чертах, где это, добавив, что более конкретные сведения можно получить у Уила. – Да-да. Завтра я так и сделаю, – решительно заявил он. – А теперь мне необходимо поспать. Хочу отправиться как можно раньше.

Он пожелал спокойной ночи и исчез в своей палатке, оставив меня наедине с потрескивавшим костром и ночными звуками.

Когда я проснулся, Уила в палатке уже не было. До меня донесся аромат горячей каши. Я выбрался из спального мешка и выглянул из палатки. Уил держал над огнем кастрюльку. Рено

нигде не было видно, исчезла и его палатка.

– А где Рено? – спросил я, подойдя к костру.

– Парень уже собрался, – сообщил Уил. – Он там, наверху, возится со своим джипом, чтобы быть готовым и уехать, как только доставят необходимую ему деталь.

Уил подал мне миску с овсянкой, и мы сели завтракать на одно из бревен.

– Вы долго еще разговаривали? – спросил Уил.

– Нельзя сказать, чтобы долго, – ответил я. – Я рассказал ему все, что знаю.

Не успел я произнести этих слов, как послышались шаги. К нам торопливо спускался Рено.

– Ну, я готов, – сказал он. – Пришел проститься.

Мы поговорили с ним несколько минут, а потом он поднялся по ступенькам и уехал. Мы с Уилом по очереди помылись и побрились в ванной хозяина дома, затем собрали вещи, заправили машину и поехали, держа путь на север.

– Далеко до Кула? – спросил я.

– Если повезет, должны добраться до темноты, – сообщил Уил. И тут же задал мне встречный вопрос: – Так что же вы узнали от Рено?

Я пристально посмотрел на своего спутника. Казалось, он хочет услышать в ответ нечто особенное.

– Трудно сказать, – проговорил я.

– Но все же, к каким выводам вы пришли? и оо

– Что мы, хоть и бессознательно, стремимся к подчинению себе других людей. Мы хотим завладеть энергией другого. Она каким-то образом придает нам силы, улучшает самочувствие.

Уил смотрел вперед на дорогу. Было такое впечатление, что он вдруг вспомнил о чем-то еще.

– А почему вы спрашиваете? – не успокаивался я. – Это из Четвертого откровения? Он повернулся ко мне:

– Не совсем. Вы наблюдали перемещение энергии между другими людьми. Однако я не уверен, что вы знаете, какие это вызывает ощущения, когда это происходит с вами.

– Тогда расскажите мне об этих ощущениях! – предложил я, чувствуя растущее раздражение. – Вот вы обвиняете меня в том, что я ни о чем не рассказываю! А из вас вытянуть хотя бы слово – все равно что зуб вырвать! Я целыми днями пытаюсь выяснить еще что-нибудь о вашем прошлом опыте, связанном с Манускриптом, а вы только и делаете, что уходите от разговора.

Он рассмеялся, а потом, улыбаясь, взглянул на меня:

– У нас был с вами уговор, помните? У меня есть причины скрытничать. В одном из откровений речь идет о том, как толковать свое прошлое. Научившись делать это, вы поймете, кто вы и что вам суждено на этой планете. Мне хочется подождать, пока мы дойдем до этого откровения, а потом уже и обсудим все, что происходило со мной в прошлом. Согласны?

Он вывернулся так ловко, что и я не удержался от улыбки:

– Будем считать, что договорились.

Все оставшееся утро мы ехали молча. В синеве небес ярко светило солнце. Случалось, когда мы забирались высоко в горы, над дорогой густой пеленой нависали облака и ветровое стекло покрывалось капельками влаги. Около полудня мы подъехали к площадке, с которой открывался захватывающий вид на лежавшие к востоку горы и долины.

– Есть хотите? – спросил Уил. Я кивнул, и он вынул из сумки на заднем сиденье два аккуратно завернутых бутерброда. Передав один мне, он заговорил снова:

– Как вам этот вид?

– Красиво.

Он чуть улыбнулся и стал смотреть на меня, словно наблюдая мое энергетическое поле.

– Что вы делаете? – поинтересовался я.

– Просто смотрю. Горные вершины – место особое, у любого, кто на них оказывается, может увеличиваться запас энергии. Вам, похоже, нравится любоваться горными пейзажами.

Я рассказал ему о долине деда, о горной гряде над озером и о том, как ощутил там собранность и прилив энергии в тот день, когда приехала Чарлин.

– Может быть, то, что вы там выросли, – сказал он, – подготовило вас к чему-то здесь сейчас.

Я собрался, было расспросить его об энергии, которую дают горы, но он продолжал:

– Когда девственный лес растет в горах, его энергия намного возрастает.

– А тот девственный лес, куда мы направляемся, в горах? – спросил я.

– Посмотрите сами, – предложил он. – Его видно отсюда.

И он указал на восток. Вдалеке виднелись две горные гряды, которые тянулись несколько миль параллельно друг другу и затем сходились. Между ними располагался небольшой городишко, а в месте, где гряды сходились, поднималась скалистая вершина. Она, по всей видимости, была выше того места, где находились мы, и ее подножие, казалось, утопало в зелени: видимо, все там было покрыто пышной растительностью.

– Там, где зелень? – уточнил я.

– Да, – подтвердил Уил. – Это место воздействует, как Висьенте, только с большей силой и необычным эффектом.

– А в чем это проявляется?

– Можно постичь одно из последующих откровений.

– Каким же образом? – допытывался я.

Мой спутник завел двигатель и снова выехал на дорогу.

– Могу поспорить, – сказал он, – что вы это скоро узнаете.

Примерно в течение часа никто из нас не произнес ни слова, а потом я задремал. Через какое-то время я почувствовал, что Уил трясет меня за руку.

– Просыпайтесь, – проговорил он. – Въезжаем в Кула.

Я сел на сиденье. Впереди, в долине, где сходились две дороги, лежал маленький городок. С обеих сторон высились горные гряды, которые мы уже видели. На склонах росли деревья, которые казались такими же большими, как в Висьенте, и удивительно зелеными.

– Пока мы еще не приехали, хочется кое о чем вам сказать, – начал Уил. – Несмотря на запасы энергии в лесу, цивилизации в этих местах гораздо меньше, чем в других районах Перу. Этот городок известен тем, что здесь можно добыть сведения о Манускрипте, однако в мой последний приезд здесь было полно жадных людей, которые не чувствуют энергию и не разбираются в откровениях. Им нужны лишь деньги и слава, которой они могут добиться, найдя Девятое откровение.

Я стал рассматривать городок. В нем было всего пять улочек. Две главные улицы пересекались в центре города и были застроены довольно большими домами, однако вдоль остальных, которые были чуть больше переулков, стояли совсем маленькие домики. Я насчитал, чуть ли не дюжину вездеходов и грузовиков.

– Смотрите, сколько здесь людей, что им тут делать? – удивился я.

Уил спокойно улыбнулся:

– Это одно из последних мест, где можно пополнить запасы топлива и продовольствия перед тем, как забираться дальше в горы.

Мы неторопливо въехали в городок и остановились у одного из самых больших зданий. Я не смог прочесть надпись на вывеске, но по выставленным в витрине товарам я понял, что это

бакалейная лавка.

– Подождите минутку здесь, – обратился ко мне Уил. – Мне нужно кое за чем зайти.

Я кивнул, и он скрылся внутри. Оглядевшись вокруг, я увидел, что на противоположной стороне улицы остановился грузовик и из него вышли несколько человек. Среди них была темноволосая женщина в солдатской куртке. Я остолбенел, когда понял, что это Марджори. Вместе с молодым человеком, которому было чуть больше двадцати, она перешла улицу и оказалась прямо передо мной.

Я открыл дверцу и выскочил из машины с криком:

– Марджори!

Она остановилась, огляделась и, заметив меня, улыбнулась.

– Привет! – радостно воскликнула она и направилась, было ко мне, но молодой человек схватил ее за руку.

– Роберт не велел ни с кем разговаривать, – тихо, чтобы я не услышал, проговорил он.

– Ничего страшного, – сказала Марджори. – Этого человека я знаю. Идите пока в лавку.

Парень подозрительно оглядел меня, потом повернулся и зашел в лавку. Запинаясь, я попытался объяснить, что произошло между нами в садах. Она рассмеялась и сказала, что все это ей уже известно от Сары. Она хотела еще что-то добавить, но в эту минуту вышел Уил.

Я представил их друг другу, и в течение нескольких минут, пока Уил укладывал припасы в багажник, мы все разговаривали между собой.

– Есть идея, – сказал Уил. – А что если нам перекусить вон там, на той стороне улицы?

Я посмотрел туда и заметил что-то вроде небольшого кафе.

– Неплохо придумано, – одобрил я.

– А я вот не знаю, – засомневалась Марджори. – Мне скоро надо ехать. Моя машина уходит.

– А куда вам? – спросил я.

– Мили две на запад. Я приехала навестить здесь нескольких исследователей Манускрипта.

– Мы можем подвезти вас позже, после ужина, – вставил Уил.

– Ну что же, тогда ладно. Уил обернулся ко мне:

– Мне нужно захватить еще кое-что. Идите и начинайте ужинать без меня, а я скоро присоединюсь к вам. Я всего на несколько минут.

Никто не возражал, и мы с Марджори стали ждать, пока проедет несколько грузовиков. Уил пошел куда-то вдоль улицы. В это время из лавки вышел молодой человек, с которым приехала Марджори, и снова преградил нам дорогу.

– Куда вы? – строго осведомился он, взяв ее за руку.

– Это мой друг, – объяснила Марджори. – Мы сейчас поедем, а потом он меня подвезет.

– Послушайте, здесь нельзя никому доверять. Роберт не одобрил бы этого.

– Ничего страшного, – успокоила его девушка.

– Я хочу, чтобы вы немедленно следовали за мной! Я взял руку парня и отвел от руки Марджори.

– Вы же слышали, что она сказала, – проговорил я. Тот отступил на шаг и взглянул на меня с неожиданной покорностью. Затем повернулся и ретировался обратно в лавку.

– Пойдемте, – сказал я.

Мы пересекли улицу и вошли в маленькую закусочную. Еду здесь подавали в маленьком зале, где стояло всего восемь столиков и воздух был пропитан запахом жира и дыма. Я заметил слева свободный столик. Пока мы пробирались к нему, несколько человек оторвались от своих занятий, чтобы мельком взглянуть на нас.

Официантка говорила только по-испански, но Марджори хорошо владела этим языком и сделала заказ за нас обоих. После этого она дружелюбно взглянула на меня.

Я тоже улыбнулся:

– Что это за парень с вами?

– Это Кении. Не знаю, какая муха его укусила? Спасибо, что помогли.

При этом она смотрела мне прямо в глаза, и от ее слов я ощутил какое-то блаженство.

– А как вы вышли на этих людей? – спросил я.

– Через одного археолога – Роберта Дженсена. Он организовал группу для изучения Манускрипта и поиска Девятого откровения. Он приезжал в Висьенте несколько недель тому назад, а позавчера появился снова... Я...

– Что?

– Ну, в общем, у меня была связь с одним человеком в Висьенте, и мне захотелось порвать с ним. И тут встретился Роберт: и сам он такой обаятельный, и то, чем он занимается, казалось таким интересным. Он убедил меня, что Девятое откровение поднимет наши исследования в садах на новый уровень и что он близок к тому, чтобы найти его. Он говорил, что поиски этого откровения – самое увлекательное дело из всего, чем ему приходилось заниматься, и когда он предложил поработать несколько месяцев под его началом, я решила дать согласие... – Она снова запнулась и опустила глаза. Видя, что ей неловко, я решил сменить тему:

– А сколько откровений вы прочитали?

– Лишь то, которое видела в Висьенте. У Роберта есть и другие, но он считает, что люди смогут постичь их лишь после того, как избавятся от традиционных воззрений. По его словам, будет лучше, если люди узнают о главных положениях Манускрипта от него самого.

Я, должно быть, нахмурился, потому что она тут же спросила:

– Вам это не нравится?

– Да, наводит на размышления, – проговорил я. Марджори снова пристально посмотрела на меня:

– Я тоже задумывалась над этим. Может быть, когда вы меня подвезете, у вас будет возможность поговорить с ним, и вы скажете мне свое мнение по этому поводу?

Официантка принесла ужин, а когда она уже отходила от нашего столика, в дверях показался Уил. Он быстро подошел к нам.

– Мне нужно кое-кого повидать, это в полутора километрах отсюда, – сообщил он. – Меня не будет часа два. Отвезите Марджори на джипе. Я поеду на другой машине. – Мимходом он улыбнулся мне. – Встретимся снова здесь.

У меня мелькнула мысль рассказать ему о Роберте Дженсене, но потом я решил, что не стоит.

– Хорошо, – только и сказал я. Он перевел взгляд на Марджори:

– Приятно было познакомиться. Будь у меня время, с удовольствием остался бы, чтобы поболтать с вами.

Она смотрела на него со свойственной ей застенчивостью:

– Может, когда-нибудь в другой раз. Уил кивнул, передал мне ключи и вышел. Несколько минут Марджори ела молча, а потом заговорила:

– Он, похоже, человек целеустремленный. Как вы с ним познакомились?

Я подробно рассказал, что мне пришлось пережить после того, как я впервые ступил на землю Перу. Пока я говорил, она внимательно слушала. Так внимательно, что я ощутил, как необычайно легко мне удастся наполнить внутренним содержанием свой рассказ и с истинным мастерством описывать самые напряженные эпизоды и повороты повествования. Она сидела как зачарованная и впитывала в себя каждое слово. – Боже мой, – вырвалось у нее как-то раз, – вы думаете, вам угрожает опасность?

– Нет, не думаю, – ответил я. – Во всяком случае, так далеко от Лимы.

Марджори продолжала выжидающе глядеть на меня, поэтому, когда мы уже поужинали, я вкратце изложил ей все, что произошло в Висьенте до того момента, когда мы с Сарой пришли в сады.

– Там-то я и встретил вас, а вы убежали.

– О, это совсем не так, – запротестовала она. – Я просто не знала вас, а когда увидела, что вы чувствуете, сочла за лучшее уйти.

– Ну, я приношу свои извинения, – запинаясь, пробормотал я, – за то, что выпустил свою энергию из-под контроля.

Она посмотрела на часы:

– Однако мне пора возвращаться... Там будут беспокоиться, где я.

Я оставил на столике достаточную сумму, чтобы оплатить счет, и мы вышли на улицу к джипу У ила. Вечер был прохладный, и от дыхания шел пар. Когда мы сели в машину, Марджори сказала:

– Езжайте по этой дороге на север. Я скажу, когда свернуть.

Я кивнул, быстро развернулся и поехал в указанном направлении.

– Расскажите немного о ферме, куда мы едем, – попросил я.

– Мне кажется, Роберт арендует ее. По всей видимости, его группа обосновалась там уже давно, когда он еще изучал откровения. С тех пор, как я туда приехала, все только и делают, что занимаются заготовкой продуктов, подготовкой снаряжения, машин и тому подобным. Кое-кто из его команды – люди довольно бесцеремонные.

– Зачем же он пригласил вас? – недоумевал я.

– Роберт сказал, что ему нужен человек, который мог бы помочь перевести последнее откровение, как только оно будет найдено. Во всяком случае, так он говорил в Висьенте. Здесь у него разговоры лишь о продовольственных припасах и помощи в подготовке экспедиции.

– А куда именно собирается этот археолог?

– Не знаю. Он не отвечает, когда я об этом спрашиваю.

Мили через полторы девушка указала налево, где был поворот на узкую каменистую дорогу. Сначала она петляла вверх по горному склону, потом начался спуск в долину. Впереди показался дом из грубо отесанных бревен. За ним виднелись скотные дворы и другие постройки. С огороженного пастбища нас проводили взглядами три ламы.

Когда мы остановились, машину окружили несколько человек, которые мрачно уставились на нас. Рядом с домом гудел газовый электрогенератор. Потом открылась дверь, и к нам направился высокий темноволосый человек с властным, но невыразительным лицом.

– Это Роберт, – проговорила Марджори.

– Прекрасно, – отозвался я, по-прежнему ощущая силу и уверенность в себе.

Когда Дженсен подошел поближе, мы вышли из машины. Он посмотрел на Марджори.

– Я уже начинал беспокоиться, – сказал он. – Насколько я понимаю, вы встретили приятеля.

Я представился, и он ответил крепким рукопожатием.

– Меня зовут Роберт Дженсен, – в свою очередь назвалса он. – Рад, что с вами обоими все в порядке. Заходите.

В доме люди были заняты снаряжением. Один нес куда-то в глубь дома палатку и лагерное оборудование. На кухне, располагавшейся за столовой, я заметил двух жен-шин-перуанок, которые укладывали продовольствие. Дженсен уселся на один из стульев в гостиной и указал нам на два других.

– А почему вы рады тому, что с нами все в порядке? – спросил я. Археолог наклонился ко мне и спросил без тени притворства:

– Вы давно в этих местах?

– Первый день.

– Тогда вы можете не знать, что здесь небезопасно. Пропадают люди. Вы слышали о Манускрипте, о недостающем Девятом откровении?

– Да, слышал вообще-то...

– Тогда вам следует знать, что происходит, – перебил он меня. – Поиски последнего откровения приобретают нелюбезный характер. В них включились опасные личности.

– Кто же именно?

– Дюди, которых ничуть не интересует ценность этого открытия с точки зрения науки. Те, кто хочет использовать откровение в личных целях.

В нашу беседу вмешался здоровенный пузатый бородач, который показал Дженсену какой-то список. Они коротко обсудили что-то по-испански.

Дженсен снова повернулся ко мне.

– Вы тоже приехали искать недостающее откровение? – спросил он. – Вы вообще-то представляете, во что ввязываетесь?

Я почувствовал неловкость и с трудом нашел подходящий ответ:

– Ну... Мой интерес в основном в том, чтобы побольше узнать о Манускрипте в целом. Я еще не познакомился с ним полностью.

Дженсен выпрямился на стуле:

– А вы отдаете себе отчет в том, что Манускрипт является историческим документом государственного значения и что существующие списки его считаются сделанными нелегально, если на то нет специального разрешения?

– Да, но некоторые ученые не согласны с этим. Им кажется, что власти стремятся подавить новое...

– А вы считаете, народ Перу не вправе распоряжаться своими бесценными археологическими находками? Властям известно о вашем пребывании в стране?

Я не знал, что и говорить: внутри снова подступила волна тревоги.

– Послушайте, поймите меня правильно, – улыбаясь, произнес Дженсен. – Я на вашей стороне. Если вы располагаете поддержкой научных кругов за пределами Перу, то расскажите мне об этом. Но у меня такое чувство, что вас просто носит здесь туда-сюда.

– Что-то вроде этого, – согласился я. Я заметил, что внимание Марджори переключилось с меня на своего руководителя.

– Как, по-вашему, ему следует поступить? – спросила она.

Улыбаясь, Дженсен встал:

– Может быть, мне удастся найти для вас место у нас в группе. Нам нужны люди. Я считаю, что там, куда мы собираемся, относительно безопасно. А если что-то пойдет не так, по дороге у вас будет возможность найти способ добраться домой.

Археолог пристально посмотрел на меня:

– Однако вам придется быть готовым к тому, чтобы слушаться меня во всем.

Я взглянул на Марджори. Она по-прежнему смотрела на Роберта. Я не знал, как мне поступить. «Может, следует подумать над предложением Дженсена, – размышлял я. – Если он на хорошем счету у властей, то это может оказаться для меня единственной возможностью легально вернуться в Штаты. Может быть, я пытаюсь обмануть себя? Может быть, Дженсен прав в том, что я влип по самую завязку?»

– Мне кажется, вам стоит подумать над тем, что говорит Роберт, – высказала свои соображения Марджори. – Одному здесь очень опасно.

Я знал, что она, возможно, и права, но верил в Уила, в то, что мы делаем. Мне хотелось высказать эту мысль вслух,

НИИно когда я попытался заговорить, то понял, что не могу точно выразить ее словами. Я был не в силах ясно мыслить.

В комнату вернулся знакомый мне здоровяк и поглядел в окно. Дженсен быстро поднялся, тоже посмотрел в окно, а потом повернулся к Марджори и как ни в чем не бывало произнес:

– Там кто-то приехал. Сходите, пожалуйста, за Кении и попросите его подойти сюда.

Кивнув, она вышла. Через окно был виден свет фар приближавшегося грузовика. Машина остановилась сразу за ограждением, метрах в пятнадцати.

Археолог открыл дверь, и в это время я услышал, что снаружи кто-то назвал меня по имени.

– Кто это? – спросил я. Дженсен строго взглянул на меня.

– Ведите себя спокойно, – проговорил он. Вместе со здоровяком он вышел на улицу и закрыл за собой дверь. За окном в свете фар вырисовывалась чья-то одинокая фигура. Первым побуждением было остаться в доме. После оценки Дженсеном моего положения меня переполняло чувство какой-то тоски. Но в фигуре стоящего около грузовика человека было что-то знакомое. Я открыл дверь и вышел на улицу. Заметив меня, Дженсен быстро повернулся и направился в мою сторону.

– Что вы делаете? Возвращайтесь в дом. Мне почудилось, что за гудением генератора я снова услышал свое имя.

– Немедленно возвращайтесь в дом! – повысил тон археолог. – Возможно, это ловушка. – Он стоял прямо передо мной и загоразживал собой грузовик. – Возвращайтесь в дом сейчас же!

Я был в полном замешательстве и никак не мог принять решение. Тут человек, стоявший в свете фар, подошел поближе и уже ясно вырисовывался за фигурой Дженсена. До меня отчетливо донеслось: «...подойдите сюда, мне нужно поговорить с вами!» Как только он приблизился, в голове у меня прояснилось, и я понял, что это Уил. Я рванул мимо Дженсена.

– Что с вами случилось? – быстро спросил Уил. – Нам надо выбираться отсюда.

– А как же Марджори?

– Сейчас мы ничего для нее сделать не сможем. Дуч-ше поедем.

Мы зашагали было прочь, но тут послышался голос Дженсена:

– Вам лучше остаться здесь. У вас ничего не выйдет. Я оглянулся.

Уил остановился и смотрел на меня, предоставляя мне возможность самому выбрать – ехать или нет.

– Поехали, – решительно проговорил я.

Мы прошли мимо грузовика, на котором приехал Уил, и я заметил двух человек, которые ждали его на переднем сиденье. Когда мы сели в джип Уила, он попросил у меня ключи зажигания, и машина тронулась. Друзья Уила поехали следом.

Уил повернулся ко мне:

– Дженсен заявил, что вы решили остаться с его группой. Что произошло?

– Откуда вы узнали, как его зовут? – запинаясь, проговорил я.

– Просто до меня все время доходили слухи об этом типе, – пояснил Уил. – Он работает на перуанские власти. Он действительно археолог, но задался целью сохранить в тайне все, что касается Манускрипта, чтобы взамен получить исключительные права на его изучение. Однако Дженсен не имел права отправляться на поиски недостающего откровения. Скорее всего он пошел на нарушение договоренности. Говорят, что он вскоре собирается за Девятым откровением. Когда я узнал, что Марджори с ним, я решил, что лучше отправиться сюда. Что он вам говорил?

– Дженсен утверждал, что мне угрожает опасность, что я должен присоединиться к нему и что, если я захочу, он поможет мне выбраться из страны. У ил покачал головой:

– Да, здорово он вас обработал.

– О чем это вы?

– Посмотрели бы на свое энергетическое поле. Оно почти полностью перетекло в его поле.

– Не понимаю.

– Помните спор Сары с перуанским ученым в Висьен-те?.. Если кто-то одерживает верх, убедив другого в своей правоте, то хорошо заметно, как энергия уступившего в споре перетекает в поле того, кто взял верх. Победенного охватывает чувство опустошенности, слабости и замешательства. Помните, как выглядела неловкая девочка в той перуанской семье? Так вот, так же, – тут он улыбнулся, – выглядите сейчас вы.

– Вы видели, что со мной происходило? – поразился я.

– Да, – подтвердил он. – И вам было чрезвычайно трудно выйти из-под его контроля и оторваться от него. В какой-то момент мне показалось, что вам это не удастся.

– Господи, – вырвалось у меня. – Должно быть, он действительно гнусный тип.

– Не совсем, – сказал Уил. – Скорее всего он лишь наполовину ведает что творит. Ему кажется, что он вправе управлять людьми, контролировать ситуацию, и, вне всякого сомнения, он давно уже понял, что может успешно осуществлять это, применяя определенную стратегию. Сначала этот археолог прикидывается другом, затем находит какое-нибудь слабое место – в вашем случае это то, что вы подвергаетесь опасности. По сути дела, он незаметно подрывает в вас уверенность в выбранном пути, пока вы не начнете отождествлять себя с ним. Как только это происходит, вы у него в руках.

Уил посмотрел мне прямо в глаза:

– Это всего лишь один из множества способов вытянуть энергию у ближнего. О других вы узнаете позже, в Шестом откровении. Я не слушал его: все мои мысли были о Марджори. Меня вовсе не устраивало, что мы оставили ее там.

– Как вы считаете, следует ли нам попытаться вызволить Марджори? – спросил я.

– Только не сейчас, – ответил Уил. – Я не думаю, что ей угрожает опасность. Завтра, когда будем уезжать, можно заехать туда и попробовать поговорить с ней.

На несколько минут воцарилось молчание, а потом

Уил СПрОСИД:

– Вам понятны мои слова о том, что Дженсен не ведает что творит? Он ничем не отличается от большинства людей. Он всего лишь делает то, от чего начинает чувствовать себя сильнее всех.

– Нет, все-таки это непонятно. Уил задумался:

– У большинства людей подобные вещи пока происходят бессознательно. Мы можем лишь сказать, что ощущаем себя слабыми, а когда подчиняем себе других, чувствуем себя лучше. Мы не понимаем, чего стоит ближнему это улучшение нашего самочувствия. Это их энергия, которую мы у них украли. Большинство людей всю жизнь стремятся отнять у ближнего энергию.

Уил смотрел на меня, и в глазах его загорелся лукавый огонек:

– Хотя бывает, что это выражается и по-другому. Иногда нам встречается человек, который, по крайней мере ненадолго, добровольно посылает нам свою энергию.

– К чему это вы?

– Помните тот момент, когда вы вдвоем с Марджори ужинали, а я вошел в ресторанчик?

– Ну и что?

– Не знаю уж, о чем вы тогда говорили, но, очевидно, ее энергия целым потоком изливалась на вас. Когда я вошел, мне это было ясно видно. Скажите, что вы ощутили в ту минуту?

– Мне было хорошо, – признался я. – То, о чем я рассказывал тогда Марджори, представлялось мне с кристальной ясностью. Мне было очень легко выражать свои мысли. Однако что же это значило? Он улыбнулся:

– Иногда другой человек по доброй воле передает свою энергию с тем, чтобы мы поняли, в каком состоянии он пребывает, – так поступила Марджори по отношению к вам. В такие мгновения чувствуешь себя сильнее, однако дар отдавать энергию недолговечен. Большинство людей – в том числе и Марджори – недостаточно сильны, чтобы все время отдавать энергию. Вот почему большинство союзов со временем превращаются в противоборство за власть. Люди объединяют свою энергию, а затем начинают борьбу за полное обладание ею. И платит за это всегда тот, кто терпит поражение.

Тут он прервал свой рассказ и посмотрел на меня:

– Теперь вы уяснили для себя Четвертое откровение? Подумайте над тем, что произошло с вами. Вы увидели, как энергия перетекает от человека к человеку, и задались вопросом, что это значит. Потом мы встретили Рено, который рассказал, что психологи уже ищут, как объяснить стремление людей подчинять себе друг друга.

Все это было продемонстрировано на примере перуанской семьи. Вам стало ясно, что, довлея над другими, применяющий свою власть чувствует, что обладает силой и знанием, но при этом он высасывает жизненно необходимую энергию из тех, к кому эта власть применяется. Убеждаем ли мы себя в том, что делаем это для блага этого человека, или говорим, что это наши дети и мы обязаны осуществлять над ними контроль, – дела не меняет. Все равно причиняется вред.

Затем вы столкнулись с Дженсеном и испытали на себе эти ощущения. Вам стало понятно, что когда над вами устанавливают психологический контроль, вас, по сути дела, лишают разума. Не то чтобы вы потерпели поражение в некоем интеллектуальном споре с Дженсеном. Для ведения спора у вас не оставалось ни энергии, ни ясности ума. Все ваши умственные способности перешли к Дженсену. К сожалению, подобное психологическое насилие происходило на всем протяжении человеческой цивилизации, и зачастую люди совершают его с самыми добрыми намерениями.

Мне ничего не оставалось, как только согласно кивать головой. Уил абсолютно точно объяснил, что со мной произошло.

– Постарайтесь в полной мере проникнуться Четвертым откровением, – продолжал мой собеседник. – Посмотрите, насколько оно соответствует тому, что вам уже известно. С Третьим откровением вы уяснили, что материальный мир представляет собой лишь обширную энергетическую систему. А теперь, в Четвертом, отмечается, что в течение длительного времени люди, не ведая того, состязались за обладание единственной частью этой энергии, которая им доступна, той, что перетекает между самими людьми. Вот из-за чего разгорались все человеческие конфликты, начиная с семейных ссор и трудовых споров и кончая войнами между народами. Все это результат неуверенности, слабости и потребности завладеть чьей-либо энергией, чтобы почувствовать себя лучше.

– Минуточку, – запротестовал я. – Но вести некоторые войны было необходимо. Это были справедливые войны.

– Конечно, – согласился Уил. – Однако невозможность тотчас же уладить какой бы то ни было конфликт объясняется лишь тем, что одна из сторон занимает неразумную позицию, обусловленную потребностью в энергии.

Казалось, Уил о чем-то вспомнил. Покопавшись в сумке, он достал оттуда пачку скрепленных вместе бумаг.

– Чуть не забыл! – воскликнул он. – Я нашел список Четвертого откровения.

Уил передал его мне и, не сказав мне больше ни слова, целиком сосредоточился на дороге.

Я взял небольшой фонарик, который был у Уила под рукой, и в течение двадцати минут читал этот небольшой по объему документ. Постигание сути Четвертого откровения,

говорилось в нем, заключается в выработке взгляда на мир как на необозримое поле борьбы за энергию и соответственно за власть.

И все же, говорилось далее в этом откровении, когда люди поймут, за что идет борьба, они немедленно приступят к тому, чтобы свести на нет это противостояние. Мы откажемся от борьбы за человеческую энергию... потому что в конечном счете нам будет дано получать энергию из другого источника.

Я взглянул на Уила:

– Из какого другого источника?

Он улыбнулся, но так ничего и не сказал.

Послание мистиков

На следующее утро я проснулся, услышав, что встает Уил. Мы заночевали в доме одного из его друзей. Он быстро одевался, сидя на койке у противоположной стены. На улице было еще темно.

– Давайте укладываться, – шепотом сказал он.

Мы собрали одежду, а потом несколько раз ходили к машине, чтобы перенести закупленные Уилом припасы.

До центра города не было и пятисот метров, однако сквозь темноту пробивались лишь отдельные огоньки. На востоке рассвет обозначился узкой светлой полосой. Кругом было тихо, и только птицы то тут, то там возвещали, что уже наступило утро.

Когда мы закончили укладываться, я остался у джипа, а Уил пошел переговорить со своим другом, который все это время с сонным видом ждал нас на крыльце. Неожиданно с перекрестка до нас донесся рев двигателей. По свету фар можно было определить, что к центру города проехали три грузовика.

– Очень может быть, что это Дженсен, – предположил Уил. – Давайте сходим туда и посмотрим, что они затевают, только тихо.

Мы прошли несколько улиц и добрались до переулка, выходящего на главную дорогу метрах в тридцати от того места, где остановились грузовики. Два из них заправлялись горючим, а еще один остановился перед лавкой. Перед входом в нее стояли какие-то люди. Я увидел, как из лавки вышла Марджори, что-то положила в грузовик, а затем как ни в чем не бывало направилась в нашу сторону, разглядывая соседние лавки.

– Подойдите к ней и попробуйте уговорить ехать с нами, – прошептал Уил. – Я буду ждать вас здесь.

Я повернул за угол и направился к Марджори. Однако, пока я шел, меня охватил ужас. Только сейчас я обратил внимание, что у некоторых из стоявших перед лавкой людей Дженсена в руках были автоматические винтовки. Спустя несколько мгновений я испугался еще больше. По другой стороне улицы, низко пригибаясь к земле, к группе Дженсена приближались вооруженные солдаты.

В ту секунду, когда Марджори увидела меня, люди Дженсена наконец заметили военных и бросились врассыпную. Воздух прорезала автоматная очередь. Марджори смотрела на меня, ее глаза были полны ужаса. Я рванулся вперед и схватил ее за руку. Мы нырнули в ближайший переулок. Раздалось еще несколько очередей, послышались злобные крики военных. Споткнувшись о кучу картонных коробок, мы упали, и наши лица почти соприкоснулись.

– Бежим! – бросил я и вскочил на ноги. Она попробовала встать, но тут же потянула меня вниз, кивком указав в конец переулка. Повернувшись к нам спиной и оглядывая соседнюю улицу, там пытались укрыться двое вооруженных людей. Мы застыли на месте. Наконец они перебежали улицу и помчались дальше, к лесу.

Я понимал, что нужно возвращаться к дому друга Уил-сона, где остался джип. Я был уверен,

что Уил отправится туда. Мы осторожно, ползком, приблизились к следующей улице. Справа доносились выстрелы и злобные крики, но никого не было видно. Я посмотрел налево: тоже никого, Уила и след простыл. Наверное, он опередил нас.

– Бежим к лесу, – повернулся я к Марджори, которая уже собралась с духом и вид у нее был решительный.

– А потом, – добавил я, – повернем налево и будем держаться края леса. Джип в той стороне.

– Хорошо, – согласилась она.

Мы быстро перебежали улицу. До дома оставалось метров тридцать. Джип стоял там же, но рядом никого не было. Мы приготовились пересечь последнюю улицу и домчаться до него, но в эту секунду слева из-за угла вывернул грузовик, полный военных, и медленно направился по направлению к дому. В это время показался Уил, он пробежал через двор к джипу, завел его и на полной скорости помчался прочь. Военные рванулись вдогонку.

– Проклятье! – вырвалось у меня.

– Что нам теперь делать? – На лице Марджори появилось выражение панического страха.

Где-то совсем рядом раздались выстрелы. Впереди был лес, становившийся гуще по мере того, как он забирался вверх по склону горного хребта, который возвышался над городком и тянулся с севера на юг. Это был склон, который я уже видел по дороге сюда.

– Полезем наверх, – проговорил я. – Быстрее!

Мы вскарабкались по склону на несколько десятков метров. На одном из уступов мы остановились и оглянулись вниз на городок. По улицам одна за другой двигались военные машины, а солдаты, похоже, прочесывали дом за домом. Внизу, у подножия склона, слышались приглушенные голоса.

Мы бросились наверх. Теперь нам оставалось только бежать.

Все утро мы пробирались по хребту на север, останавливаясь только, чтобы прижаться к земле, когда слева по склону, тянувшемуся параллельно нашему, проезжала машина. В основном это были военные джипы серовато-стального цвета, хотя иногда появлялись и обычные машины. По иронии судьбы эта дорога была единственным ориентиром среди окружавшей нас дикой природы.

Впереди оба хребта сходились, и их склоны становились круче. Заостренные выступы скал защищали лежавшую между ними долину. Неожиданно мы заметили, что с севера в нашу сторону движется машина, похожая на джип Уила. Она на всем ходу свернула на одну из грунтовых дорог, которая, петляя, спускалась в долину.

– Похоже на Уила, – напряженно всматриваясь, проговорил я.

– Давайте спустимся туда, – предложила Марджори.

– Погодите. А если это ловушка? Что если они захватили его и хотят при помощи джипа выманить нас отсюда? Ее лицо помрачнело.

– Оставайтесь здесь, – приказал я. – Я спущусь, а вы следите за мной. Если все в порядке, я дам знак, чтобы вы шли ко мне.

Она согласилась, хотя и не сразу, – и я стал спускаться по крутому горному склону туда, где остановился джип. Кто-то вышел из машины, но за листвой было не различить, кто именно. Цепляясь за невысокие кусты и деревья и то и дело подскальзываясь на толстом слое перегноя, я пробирался среди скал.

Наконец я оказался прямо напротив машины, от которой меня отделяло каких-то тридцать метров. Водитель стоял, прислонившись к заднему бамперу, и его лица я по-прежнему не мог различить. Чтобы всмотреться, я подался вправо. Уил! Я рванулся еще дальше и почувствовал, что съезжаю вниз. В последний момент я ухватился за какой-то ствол и подтянулся на руках

обратно. От страха у меня живот подвело: внизу был десятиметровый обрыв. Еще чуть-чуть, и я сломал бы себе шею.

Держась за дерево, я встал и попытался привлечь внимание Уила. Он пристально оглядывал склон над моей головой, потом опустил глаза, и его взгляд остановился прямо на мне. Он вскочил и направился в мою сторону через кусты. Я указал на отвесные скалы.

Он оглядел дно ущелья и крикнул:

– Я вижу, тут не перебраться. Вам придется спуститься вниз.

Я кивнул и хотел было подать сигнал Марджори, как издалека донесся рев мотора. У ил одним прыжком вскочил в джип и помчался назад к главной дороге. Я принялся торопливо карабкаться вверх. Сквозь листву было видно, что Марджори направляется ко мне.

В это мгновение откуда-то послышались громкие возгласы и топот. Марджори юркнула под скальный навес. Я изменил направление движения и осторожно, насколько это, было возможно, кинулся влево. На бегу я всматривался между деревьями, ища глазами Марджори. Но когда мне наконец удалось увидеть ее, моему взору предстала страшная картина: двое солдат, схватив девушку за руки, поднимали ее с земли. Я услышал крик Марджори.

Низко пригибаясь, я ринулся вверх по склону, а перед глазами стоял ее полный ужаса взгляд. Добравшись до вершины хребта, я помчался вперед. Панический страх не отпускал, сердце бешено колотилось.

Пробежав больше мили, я остановился и прислушался. Сзади не было слышно ни шагов, ни голосов. Упав навзничь, я попытался расслабиться и привести в порядок мысли, однако все затмевала страшная картина пленения Марджори. Зачем я оставил ее одну? Что мне теперь делать?

Я сел и, глубоко вздохнув, принялся вглядываться в дорогу на противоположном склоне. Пока я бежал, никакого движения на ней заметно не было. Я снова и снова напряженно вслушивался: ничего, кроме обычных лесных звуков. Я стал понемногу успокаиваться. В конце концов, Марджори только задержали. Ее вина лишь в том, что она испугалась перестрелки. Скорее всего ее будут держать под стражей лишь до тех пор, пока не установят, что она уче ный и пребывает в Перу на совершенно законных основаниях.

Я снова двинулся на север. Ныла спина. Я физически ощущал, насколько я грязный, как я устал, а желудок разрывало от спазмов голода. Два часа подряд я брел напропалую, так никого и не встретив.

Неожиданно я услышал, что справа от меня кто-то кубарем спустился по склону. Замерев, я снова прислушался: топот не утихал. Кроны деревьев здесь были раскидистее, солнечные лучи не пробивались до земли, подлесок был реже. Видно было метров на двадцать. Нигде никакого движения. Стараясь ступать как можно тише, я миновал большой валун и несколько деревьев. На моем пути лежали еще три каменные громады, и я прошел мимо двух из них. По-прежнему ничего. Но когда я обошел третий, сзади послышался хруст валежника. Я медленно обернулся.

Рядом с валуном стоял бородач, которого я видел на ферме у Дженсена. В его блуждающем взгляде сквозил панический страх, и он трясущимися руками направил мне в грудь автоматическую винтовку. Казалось, он силился вспомнить, кто я такой.

– Пойдите, – запинаясь, проговорил я. – Я знаком с Дженсеном.

Он вгляделся пристальнее и опустил винтовку. И в это же мгновение в лесу послышались шаги. Бородач с винтовкой в руке тут же сорвался с места, и я, ничего не соображая, кинулся за ним. Мы бежали изо всех сил, натыкаясь на стволы деревьев и камни и время от времени оглядываясь.

Через несколько сотен метров он споткнулся и упал, а я промчался мимо. Между двумя валунами я рухнул на землю, чтобы отдышаться и посмотреть, нет ли кого сзади. Метрах в

пятидесяти я заметил военного, который целился из винтовки в пытавшегося встать бородача. Не успел я и рта раскрыть, чтобы предупредить его, как солдат выстрелил. Грудь бородача распороли пули, которые прошли его насквозь, а меня залило его кровью. Эхо выстрелов повисло в воздухе.» • Г.

Какой-то миг бородач стоял неподвижно с остекленевшими глазами, потом его тело выгнулось вперед, и он упал. Вне себя от страха, я вновь кинулся прочь, стараясь, чтобы между мной и тем местом, откуда стреляли, все время были деревья. Склон становился все более неровным и каменистым, а затем резко пошел вверх.

Смертельно уставший и объятый ужасом, я дрожал всем телом, протискиваясь между валунами. Один раз, набравшись смелости, я оглянулся. Убийца подошел к телу жертвы. Я шмыгнул за камень как раз в ту секунду, когда он поднял глаза и, казалось, посмотрел на меня. Прижимаясь к земле, я прополз мимо еще нескольких валунов. Потом склон стал ровнее, солдат уже не мог меня видеть, поэтому я снова вскочил на ноги и помчался во весь дух меж камней • и деревьев. Казалось, я лишился рассудка. Унести поскорее ноги – вот все, о чем я был в состоянии думать. Оглядываться я больше не осмеливался, но был уверен, что слышу топот бегущего за мной солдата.

Начался подъем, и я продирался вверх, чувствуя, что силы начинают покидать меня. Подъем перешел в ровное место, на котором росли высокие деревья и был густой подлесок. Дальше за этим леском вздымалась сплошная каменная стена. Я тщательно осмотрел ее в поисках выступов, за которые можно было бы ухватиться или встать на них. Я взобрался-таки на эту стену, и тогда моему взору открылась картина, от которой внутри все упало. Стена обрывалась вниз метров на тридцать. Идти дальше было некуда.

Я был обречен, все кончено. Позади со скалы посыпались камни, значит, убийца скоро будет здесь. Я рухнул на колени. Выбившийся из сил, измученный, я вздохнул в последний раз и прекратил всякое сопротивление, отдавшись на милость судьбе. Я знал, что еще немного – и просвистят пули. И что интересно: как избавление от страха смерть казалась чуть ли не желанной. Я ждал, а в сознании мелькали воспоминания о воскресных днях в детстве и о тех невинных размышлениях о Боге. Как это – умереть? Я пытался раскрыть себя, чтобы понять это.

Ожидание длилось так долго, что я потерял всякое представление о времени. Неожиданно до меня дошло, что ничего не происходит! Я огляделся и понял, что нахожусь на самой высокой точке горы. Все остальные отроги и утесы лежали ниже этого места и передо мной, куда ни кинь взгляд, открывались необъятные дали.

Какое-то малозаметное движение привлекло мое внимание. Там, далеко внизу, по склону, обращенному на юг, шел в противоположную от меня сторону тот самый солдат, а через руку у него была перекинута винтовка, принадлежавшая человеку Дженсена.

По телу разлилось тепло, и я зашелся в приступе беззвучного смеха. Я каким-то чудом остался в живых! Повернувшись в другую сторону, я сел, скрестив ноги, чтобы насладиться этим блаженным состоянием. Мне хотелось остаться здесь навсегда. В синеве небес сверкало солнце, и все вокруг сияло.

Я сидел на вершине, пораженный тем, как близко подступили далекие, окрашенные в алое холмы, вернее, ощущением того, что они стали ближе. Такими же близкими казались проплывавшие над головой редкие клубы облаков. Было такое впечатление, что можно дотянуться до них и потрогать руками.

Подняв руку к небу, я заметил, что ощущения моего тела стали другими. Рука скользнула вверх невероятно легко, и я без труда держал спину, шею и голову абсолютно прямо. Я сидел скрестив ноги, а затем совершенно свободно, без помощи рук, встал. Я потянулся, меня охватило ощущение всеобъемлющей легкости.

Взглянув на далекие горы, я заметил на небе дневную луну, которая вскоре должна была уже уйти. По всей видимости, она была в первой четверти и висела над горизонтом подобно перевернутой чаше. Я тут же понял, почему у нее такая форма. Прямо надо мной сияло солнце, которое в миллионах миль отсюда освещало лишь верхнюю часть предзакатной луны. Я смог различить линию между солнцем и лунной поверхностью, и это каким-то образом позволило мне мысленно выйти за пределы Земли.

Мне удалось представить себе Луну, которая уже скрылась за горизонтом, ее форму, какой она предстала перед теми, кто живет западнее и пока еще может видеть ее. Затем я представил, как она будет выглядеть, когда переместится на другую сторону планеты, прямо подо мной. Для живущих там людей Луна предстанет полной, потому что Солнце у меня над головой светит прямо на Луну.

От этой картины по позвоночнику тут же поднялась какая-то волна, и я почувствовал, что у меня под ногами образовалось пространство, подобное тому, которое я привык ощущать над головой. Моя спина, казалось, выпрямляется все больше и больше. Впервые в жизни я познал, что Земля круглая, и это было не мысленное представление, а реальное ощущение.

Это понимание взволновало меня, но в то же время казалось обычным и естественным. Хотелось лишь одного – целиком отдаться ощущению движения в бесконечном пространстве. Я стоял и чувствовал: теперь мне не нужно отталкиваться ногами от земли, чтобы преодолеть ее притяжение, я стремился вверх благодаря какой-то внутренней силе, словно воздушный шар, наполненный гелием настолько, чтобы висеть над самой землей. Я ощущал такую легкость, движения мои были настолько скоординированы, что это состояние не шло ни в какое сравнение с ощущениями спортсмена, находящегося в прекрасной форме после года интенсивных тренировок.

Я опять сел на камень, и все, казалось, еще более приблизилось: и неровный утес, на котором я находился, и далекие могучие деревья ниже по склону, и горы на горизонте. Ветви деревьев слегка раскачивались на ветру, и созерцание этого движения было не просто зрительным восприятием, но и физическим ощущением, словно это были не ветви, а волосы у меня на теле.

Все вокруг каким-то образом стало частью меня самого. Я сидел на вершине горы, любясь раскинувшимися куда ни глянь внизу подо мной далями, и чувствовал себя так, точно мое брэнное тело, каким я привык его ощущать, было лишь головой большего тела, состоявшего из того, что я вижу. Вселенная бесстрастно взирала на себя самое моими глазами.

Это ощущение вызвало всплеск в памяти. Мысленно я устремился в прошлое: позади осталось начало моей поездки в Перу, детские годы, мое рождение... Я познал, что, по сути дела, моя жизнь началась не с зачатия и рождения на этой планете. Она началась значительно раньше, с образованием моего действительного тела, самой Вселенной.

На меня всегда наводило тоску учение об эволюции, однако сейчас, когда я мысленно продолжал движение назад во времени, мне стало приходить на ум все, что было прочитано на этот счет, в том числе и разговоры с моим приятелем, похожим на Рено. Я вспомнил, что как раз эта тема его и интересовала – эволюция.

Все мои знания, казалось, слились воедино с нахлынувшими на меня совершенно реальными воспоминаниями. Все, что происходило во Вселенной, каким-то образом всплывало в памяти, и эти воспоминания позволяли взглянуть на эволюцию по-новому.

Я увидел, как в результате взрыва первичной материи образовалась Вселенная, и понял, как и отмечалось в Третьем откровении, что материю на самом деле никак нельзя считать твердой. Материя – это всего лишь энергия, которая испытывает определенный уровень колебаний, и вначале существовала только простейшая форма ее колебаний – элемент, называемый нами

водородом. Из этого поначалу состояла Вселенная – один водород.

Я наблюдал, как атомы водорода начали притягиваться друг к другу, словно главенствующий первоисточник, творческое начало этой энергии было готово начать переход к более сложному состоянию. И когда сгустки водорода в достаточной степени уплотнились, он стал нагреваться и гореть, чтобы превратиться в то, что мы называем звездой. При горении атомы водорода сливались между собой, переходя на более высокий уровень колебаний, и образовывали элемент, который назван нами гелием.

Я продолжал смотреть, а первые звезды уже старели и в конце концов взрывались, извергая оставшийся водород и вновь образованный гелий во Вселенную. И весь процесс начинался снова. Водород и гелий притягивались друг к другу до тех пор, пока не нагревались до температуры, необходимой для образования новых звезд, после чего, в свою очередь, начали слияние атомы гелия, образуя элемент литий с еще более высоким уровнем колебаний.

Каждое новое поколение звезд создавало вещество, которого раньше не было, и этот процесс продолжался все дальше и дальше, пока не образовалась и не оказалась рассеянной повсюду материя – все основные химические элементы. От элемента водорода, простейшей формы колебания энергии, материя прошла путь развития до углерода, уровень колебания которого чрезвычайно высок. Теперь все было готово для последующего этапа эволюции.

После рождения нашего Солнца на орбиту вокруг него попали сгустки материи, и один из сгустков – Земля, содержал все только что образованные элементы, в том числе и углерод. По мере охлаждения Земли на ее поверхность вышли некогда зажатые в расплавленной массе газы, которые, смешавшись друг с другом, образовали водяной пар. Прошли проливные дожди, и безжизненная в то время кора покрылась океанами. После того как вода заняла большую часть поверхности Земли, небо прояснилось, и ярко полыхающее Солнце залило новый мир светом, теплом и радиацией.

А в неглубоких озерцах и водоемах, в среде мощных грозовых разрядов, которые то и дело прокатывались по планете, материя, миновав колебательный уровень углерода, достигла еще более сложного состояния и вышла на уровень колебания аминокислот. Однако новый уровень колебания и по внутреннему строению, и по сути своей впервые оказался неустойчивым. Материи стало необходимым постоянно поглощать другую материю, чтобы поддержать свое колебательное движение. Она стала нуждаться в пище. Появилась жизнь, начался новый виток эволюции.

На моих глазах эта жизнь, которая была только в воде, разделилась на две различные формы. Одна, которую мы называем растительной, существовала за счет неорганических веществ, обращая эти частицы в пищу при помощи двуокиси углерода, содержавшегося поначалу в атмосфере. В качестве побочного продукта растения впервые стали выделять в окружающую среду чистый кислород. Растительная жизнь быстро распространилась в океанах, а в конечном счете и на суше.

Другая форма жизни – та, которую мы зовем животной – для поддержания своего уровня колебаний поглощала только существа органического происхождения. Животные на глазах заполнили океаны в великую эпоху рыб, а когда растения выделили достаточно кислорода в атмосферу, стали перебираться на сушу.

Я видел, как амфибии – наполовину рыбы, наполовину нечто новое – в первый раз вышли из воды и начали дышать воздухом через легкие. Затем материя сделала еще один скачок вперед, и появились пресмыкающиеся. Они во множестве распространились на Земле в великую эпоху динозавров. Потом появились теплокровные млекопитающие, которые подобным же образом расплодились по Земле. И для меня стало ясно, что каждый из появлявшихся новых видов материи знаменует собой продвижение жизни – материи – на следующий, более высокий

уровень колебания. И вот это движение завершилось. На вершине его встал род человеческий.

Человечество. Видение исчезло. В один миг передо мной прошла вся история эволюции, история того, как материя, которая появилась и развивалась словно по какому-то предначертанному плану, устремлялась к уровням колебания все более высокого порядка, создав в итоге необходимые условия для появления людей, для появления каждого из нас... Я сидел там, на горе, и был близок к пониманию того, как эта эволюция проявлялась дальше в жизни людей. Она была каким-то образом связана с совпадениями жизненных обстоятельств. Нечто, имеющее отношение к этим событиям, вело нас по жизни и формировало более высокий уровень колебания, которым был обусловлен и ход самой эволюции. Однако, как я ни старался, полностью понять это мне не удалось.

Преисполнившись покоя и полноты чувств, я долго просидел на скалистом утесе. Потом вдруг я осознал, что солнце начинает клониться к западу. Я разглядел какой-то поселок на северо-западе примерно в миле отсюда. Можно было даже различить очертания крыш. Дорога, которая петляла по западному склону, похоже, вела как раз туда.

Я встал и начал спускаться по камням. Я громко рассмеялся, потому что еще сохранял единство с окружающей меня природой, и было такое ощущение, что я иду по краю собственного тела и, более того, исследую его отдельные участки. От этого просто голова шла кругом.

Спустившись с утеса, я стал пробираться между деревьями. Полуденное солнце отбрасывало длинные тени на лесную подстилку. Пройдя половину пути, я оказался среди могучих деревьев, стоявших очень близко друг к другу: здесь я ощутил необыкновенное чувство легкости и точности движений. Я остановился и стал пристально вглядываться в деревья и кусты, обратив все свое внимание на их красоту. Вокруг каждого растения были заметны проблески белого свечения и что-то вроде розоватого ореола.

Я двинулся дальше и вышел к ручью: исходившее от него бледно-голубое сияние наполнило меня еще большим покоем и даже какой-то дремотой. Так я продолжал свой путь через долину и вверх по другому склону, пока не выбрался к дороге. Поднявшись на покрытое гравием полотно, я как ни в чем ни бывало зашагал по обочине на север.

Неожиданно я заметил впереди человека в платье священника, который вот-вот должен был скрыться за поворотом. При виде этого человека меня охватил трепет. Не испытывая никакого страха, я рысцой побежал вперед, чтобы заговорить с ним. Казалось, я точно знаю, что сказать и как себя вести. У меня было ощущение, что все складывается как нельзя лучше. Однако, к моему удивлению, священник исчез. Справа в долину спускалась дорога, но на ней никого не было. Я пробежал немного вперед по главной дороге, но там тоже никого не увидел. Я собрался повернуть назад и вернуться обратно, но поселок лежал впереди, поэтому я продолжал идти в том же направлении. Но все же мысленно несколько раз возвращался к оставленной мной дороге в долину.

Пройдя еще сотню метров, за поворотом я услышал рев двигателей. За деревьями показалась колонна военных машин, которые быстро приближались. На какое-то мгновение я заколебался, полагая, что можно было бы и не отступать, но потом вспомнилась вся эта жуткая стрельба на склоне.

Времени осталось только на то, чтобы метнуться с дороги вправо и залечь. Мимо пронеслось десять джипов. Место, где я укрылся, было совершенно открытое, и оставалось лишь надеяться, что никто не посмотрит в мою сторону. Машины промчались метрах в шести: меня обдало выхлопными газами, и можно было разглядеть даже выражение лиц военных.

К счастью, никто не обратил на меня внимания. Когда машины были уже далеко, я ползком пробрался за большое дерево. Руки тряслись, а от ощущения покоя и сопричастности не осталось и следа. Внутри все опять сжалось от уже знакомого чувства страха. Наконец я крадучись снова

вскарабкался на полотно дороги. Но опять донесся рев моторов, и я кубарем скатился по склону, а мимо на полном, ходу промчались еще два джипа. Подступила тошнота.

На этот раз, возвращаясь туда, откуда пришел, я держался подальше от дороги и передвигался с большой опаской. Показалась дорога, ведущая вниз. Сперва напряженно прислушавшись, я решил пройти лесом рядом с ней и, срезав угол, спуститься назад в долину. Тело снова налилось тяжестью. Ну чем я занимаюсь, спрашивал я себя. Зачем меня понесло на дорогу? Должно быть, я не в себе, еще в шоке от той стрельбы, еще нахожусь в какой-то эйфории. Надо взять себя в руки, решил я. Необходимо соблюдать осторожность. При малейшей оплошности тебя могут здесь убить!

Я замер. Впереди, метрах в тридцати, сидел священник. Он расположился под огромным деревом, окруженном валунами. Пока я стоял, уставившись на него, он открыл глаза, и его взгляд упал прямо на меня. Я отпрянул, но он лишь улыбнулся и сделал мне знак подойти.

Я с опаской приблизился. Он сидел не шевелясь – высокий худощавый мужчина лет пятидесяти. Коротко подстриженные волосы подходили по ивету к его карим глазам.

– Похоже, вы нуждаетесь в помощи, – заговорил он на прекрасном английском языке.

– Кто вы? – спросил я.

– Я – падре Санчес. А вы кто?

Я объяснил, кто я и откуда, и, пошатываясь, опустился на одно колено, а потом тяжело осел на землю.

– Вы были в Кула, когда все это случилось? – спросил он.

– Что вам об этом известно? – осторожно осведомился я, не зная, можно ли доверять священнику.

– Я знаю, что кое-кто в правительстве пышет злобой, – проговорил он. – Они не хотят, чтобы Манускрипт был предан гласности.

– А почему?

Падре поднялся и взглянул на меня сверху вниз:

– А почему бы вам не пойти со мной? Ло нашей миссии всего полмили. У нас вы будете в безопасности.

Я с трудом встал на ноги и, понимая, что выбирать не приходится, кивнул в знак согласия. Падре Санчес неторопливо пошел по дороге, обращаясь со мной почтительно и непринужденно. Он взвешивал каждое слово.

– Военные все еще разыскивают вас? – спросил он между прочим.

– Не знаю.

Несколько минут он молчал, а потом спросил:

– Вы ищете Манускрипт?

– Больше уже не ищу, – проговорил я. – Сейчас я хочу лишь пережить все это и уехать домой.

Священник ободряюще кивнул, и я почувствовал, что начинаю доверять ему. Что-то в его участии и теплом отношении произвело на меня впечатление. Он напомнил мне Уила. Вскоре мы подошли к миссии. Она представляла собой несколько маленьких домиков, обращенных во двор, где стояла небольшая церквушка. Место, где была расположена миссия, отличалось удивительной красотой. Когда мы пришли туда, он сказал что-то по-испански находившимся во дворе людям в сутанах, и они торопливо разошлись. Я пытался проследить, куда они направились, но навалилась такая усталость, что я перестал что-либо соображать. Священник отвел меня в один из домиков.

Внутри была небольшая гостиная и две спальные комнаты. В камине горел огонь. Вскоре после нас вошел еще один священник, в руках у которого был поднос с хлебом и супом. Я поел,

превозмогая усталость, а Санчес в это время вежливо сидел рядом на стуле. Затем по его настоянию я растянулся на одной из кроватей и погрузился в глубокий сон.

Утром, проснувшись и выйдя во двор, я тут же обратил внимание на царившую там безупречную чистоту. Гравийные дорожки были размечены ровно посаженными кустами и живыми изгородями. Казалось, все устроено так, чтобы в полной мере подчеркнуть их естественные очертания. Ни одно растение не было подстрижено.

Я потянулся, и тогда напомнила о себе накрахмаленная рубашка. Она была сшита из грубой хлопчатобумажной ткани и немного натирала шею, хотя была свежая и только что отглаженная. Когда я некоторое время назад проснулся, два священника налили в таз горячей воды и принесли чистую одежду. Помывшись и одевшись, я прошел в другую комнату и обнаружил на столе горячие булочки и сушеные фрукты. Я жадно набросился на еду, а священники стояли поодаль. После завтрака они ушли, а я вышел на улицу.

Подойдя к одной из каменных скамей, обращенных во двор, я сел. Солнце только поднималось над кронами деревьев, и я ощущал на лице приятное тепло.

– Как спалось? – послышался сзади чей-то голос. Обернувшись, я увидел падре Санчеса, который стоял вытянувшись как струна и смотрел на меня сверху вниз.

– Очень хорошо, – ответил я.

– Позвольте присоединиться к вам?

– Конечно.

Несколько минут мы оба молчали. Молчание так затянулось, что я почувствовал себя неловко. Я не раз бросал на него взгляд, готовясь что-нибудь сказать, но он продолжал смотреть на солнце, чуть склонив голову набок и прищурившись.

В конце концов он заговорил:

– Чудесное место вы здесь нашли. – Надо полагать, он имел в виду эту скамью в этот утренний час.

– Послушайте, – обратился я к нему, – мне нужен ваш совет. Как для меня безопаснее всего вернуться в Штаты?

Священник серьезно взглянул на меня:

– Не знаю. Это зависит от того, насколько опасным человеком вас считают власти. Расскажите, как вы оказались в Кула.

Я рассказал ему все, начиная с того момента, когда я впервые услышал о Манускрипте. Моя недавняя эйфория на вершине казалась теперь надуманной фантазией, поэтому я лишь вкратце упомянул о ней. Однако Санчес тут же стал спрашивать об этом.

– Что вы делали после того, как ваш преследователь ушел, не заметив вас?

– Я просто просидел там несколько часов. Наверное, приходил в себя.

– А какие еще у вас были ощущения? – не отступал священник.

Я смущенно пожал плечами, а потом решил попробовать рассказать, что это были за чувства.

– Это с трудом поддается описанию, – начал я. – Я ощущал необыкновенную эйфорическую сопричастность всему существу, всеобъемлющее чувство безопасности и уверенности в себе. Я уже не чувствовал усталости.

Он улыбнулся:

– Вы приобщились к сокровенному. Многие рассказывают, что испытали нечто подобное в том лесу на вершине.

Я нерешительно кивнул.

Падре посмотрел мне прямо в глаза:

– Это переживание, о котором непременно упоминают мистики любой религии. Вы читали

о чем-нибудь подобном?

– Читал много лет назад.

– Но до вчерашнего дня это было лишь умственное представление?

– Думаю, что да.

К нам подошел молодой свяще? – 1ник, который поприветствовал меня, а потом что-то прошептал Санчесу. Падре утвердительно кивнул, и юноша, повернувшись, удалился. Мой собеседник принялся наблюдать за каждым действием своего юного собрата. Тот пересек двор и прошел на небольшой, похожий на парк, участок метрах в тридцати от нас. Только сейчас я обратил внимание, что там тоже необычайно чисто и растет множество самых разных растений. Юноша несколько раз переходил от одного места к другому, ненадолго задерживаясь на каждом, словно ища что-то, и наконец опустился на землю. Похоже, он собирался выполнять какое-то упражнение.

Санчес улыбался – по-видимому, он остался доволен юношей, – а затем переключил внимание на меня.

– Я считаю, что для вас, наверное, небезопасно предпринимать попытки вернуться домой прямо сейчас, – ска •ч. зал он. – Но я постараюсь выяснить, какова ситуация и что слышно о ваших друзьях. – Он встал и повернулся ко мне. – Меня ждут дела. Пожалуйста, поймите: мы поможем вам, насколько это в наших силах. А пока надеюсь, что вам будет удобно здесь. Отдыхайте и набирайтесь сил.

Я согласно кивнул.

Священник сунул руку в карман, вытащил какие-то бумаги и передал мне:

– Это Пятое откровение. В нем говорится примерно о том же, что испытали вы. Думаю, это может показаться вам интересным.

Я неохотно взял бумаги, а он продолжал:

– Как вы поняли последнее откровение, которое вам довелось прочитать?

Я ответил не сразу. Не хотелось думать о манускриптах и откровениях. Наконец я проговорил:

– Мы все вовлечены в некую борьбу за обладание энергией друг друга. Когда кому-то из нас удастся склонить кого-то к своей точке зрения, эти люди начинают отождествлять себя с нами, в результате чего их энергия переходит к нам, и мы чувствуем себя сильнее.

Падре Санчес улыбнулся:

– Значит, проблема в том, что каждый человек старается подчинить себе другого и манипулировать им из-за энергии, нехватку которой мы ощущаем?

– Совершенно верно.

– Но ведь есть выход, есть другой источник энергии?

– Да, так утверждалось в последнем откровении.

Он кивнул и как ни в чем не бывало направился к церкви.

Какое-то время я сидел, упершись локтями в колени и не обращая внимание на перевод. Я по-прежнему колебался. События последних двух дней поубавили во мне энтузиазма, и я предпочитал думать о том, как вернуться в Штаты. И тут я заметил, что в том самом леске напротив молодой священник встал и неторопливо перешел на другое место, метрах в шести от первого. Он опять повернулся ко мне лицом и сел.

Мне захотелось узнать, чем он занимается. До меня дошло, что он, наверное, упражняется в том, о чем рассказывается в Манускрипте. Открыв первую страницу, я принялся за чтение.

Речь шла о новом понимании того, что в течение длительного времени было известно как сокровенное сознание. В последние десятилетия двадцатого века, утверждалось в этом откровении, об этом знании заговорят как об образе жизни, к которому действительно можно

прийти, образе жизни, который практиковали посвященные многих религий. Для большинства людей это сознание останется лишь интеллектуальной концепцией, о которой можно только поговорить и поспорить. Но растет и число тех, для кого это сознание станет практической действительностью, потому что эти люди в своей жизни испытают яркие проявления этого состояния духа. В Манускрипте говорилось, что подобный опыт является ключевым для того, чтобы положить конец противостоянию людей на Земле, так как, испытывая его, мы получаем энергию из другого источника, источника, доступ к которому мы со временем научимся получать по нашему желанию.

Я оторвался от чтения и вновь взглянул на молодого священника. Он сидел с открытыми глазами и, казалось, смотрел прямо на меня. Я кивнул ему, хотя лица его было не разглядеть. К моему удивлению, он кивнул в ответ и кротко улыбнулся. Затем встал и направился к дому. Не глядя на меня он прошел через двор и вошел в дом, а я провожал его глазами.

Позади послышались шаги. Я обернулся и увидел Сан-чеса, выходящего из церкви. Улыбаясь, он направился ко мне.

– Оказалось, меня задержали ненадолго, – объяснил священник. – Хотите посмотреть, что у нас есть еще?

– Хочу. Расскажите о месте вашего созерцания. – И я указал туда, где только что сидел юный пастырь.

«37– Пойдемте, – пригласил он.

Пока мы шли через двор, Санчес рассказал, что миссии уже более четырехсот лет и она основана испанским миссионером, который отличался от остальных своих духовных собратьев убеждением, что обращать местных жителей-индейцев в веру нужно не силой оружия, а находя путь к их сердцам. Этот подход оправдал себя, продолжал свой рассказ Санчес, и отчасти благодаря его успеху, а отчасти потому, что миссия была расположена в удаленном месте, священнику не стали мешать идти дальше своим путем.

– Мы продолжаем завещанную им традицию самосозерцания в поисках истины, – добавил Санчес.

Место, где проходило созерцание, было тщательно продумано. Для него было расчищено около четверти гектара лесных зарослей, а между кустами и цветущими растениями были проложены дорожки, посыпанные речными гольшами. Как и во дворе, растения здесь должным образом разрежены, чтобы выделить своеобразие их форм.

– Где хотите устроиться? – спросил Санчес.

Я огляделся. Перед нами было несколько уголков, каждый из которых отличался законченностью и полнотой: в каждом имелось открытое пространство, окруженное красивыми растениями, камнями и деревьями различных форм. В одном из этих уголков, слева, там, где последним побывал юный священник, деревьев было больше.

– Может быть, там? – предложил я.

Санчес согласно кивнул, мы прошли туда и сели. Несколько минут священник был сосредоточен на своем дыхании, а потом обратился ко мне:

– Расскажите еще о ваших переживаниях на вершине горы.

Что-то во мне противилось этому:

– Не знаю, что добавить. Это продолжалось так недолго.

Взгляд священника стал суровым:

L/r-:"1 No k

– Но ведь то, что это ощущение прошло, когда вас снова охватил страх, не умаляет его значимости, не так ли? Может быть, существует возможность обрести его вновь?

– Возможно, – ответил я. – Однако трудно сосредоточиться на гармонии со Вселенной,

когда тебя пытаются убить.

Падре Санчес рассмеялся, а затем участливо взглянул на меня.

– Вы здесь, в миссии, изучаете Манускрипт? – спросил я.

– Да, – подтвердил он. – Мы учим других, как приводить себя в состояние, подобное тому, какое вы испытывали там, на вершине. Вы не против того, чтобы хоть отчасти вернуть это ощущение?

Тут до нас донесся голос со двора: какой-то священник звал Санчеса. Извинившись, падре прошел во двор и заговорил с тем, кто его искал. Я сел и принялся рассматривать расположенные поблизости растения и камни, немного сместив фокус своего взгляда. Вокруг ближайшего куста мне с трудом удалось различить свет, но когда я попытался проделать то же самое с камнями, у меня ничего не вышло.

Потом я заметил, что Санчес возвращается.

– Я должен на некоторое время оставить вас, – сообщил он, подойдя ко мне. – У меня в городе встреча, и поэтому, возможно, мне удастся получить какие-нибудь сведения о ваших друзьях или, по крайней мере, выяснить, насколько безопасно передвигаться для вас.

– Хорошо. Вы вернетесь сегодня?

– Вряд ли, – ответил он. – Скорее завтра утром.' Должно быть, у меня на лице появилось сомнение, потому что он подошел ближе и положил мне руку на плечо:

– Не беспокойтесь. Здесь вы в безопасности. Пожалуйста, почувствуйте себя как дома. Осмотритесь. Можете поговорить с любым из священников, но имейте в виду, что, в зависимости от степени совершенствования, некоторые из них будут более восприимчивыми собеседниками, чем другие. Я понимающе кивнул.

Он улыбнулся и, пройдя к церкви, сел в старый грузовичок, которого я раньше не видел. После нескольких попыток грузовичок завелся, и Санчес, проехав за церковью, показался на дороге, которая поднималась в гору.

Несколько часов я просидел там же, стараясь собраться с мыслями и думая о том, все ли в порядке с Марджори и удалось ли уйти от преследователей Уилу. Несколько раз перед глазами вставала картина убийства человека Лженсе-на, но я отгонял это воспоминание и старался сохранять спокойствие.

Около полудня я заметил, что несколько пастырей накрывают посреди двора длинный стол и расставляют еду. Когда стол был накрыт, к ним присоединились еще человек десять священнослужителей, которые расселись на скамьях, наполнили свои тарелки и принялись за еду, не обращая ни на кого внимания. Многие приветливо улыбались друг другу, но разговоров не вели. Один из них посмотрел в мою сторону и указал на пищу.

Я кивнул, пересек двор и положил себе кукурузы и бобов. Казалось, каждый из сидевших за столом остро ощущает мое присутствие, но никто со мной не заговаривал. Я сделал несколько замечаний по поводу еды, но мои слова были встречены лишь улыбками и вежливыми жестами. Когда я пытался посмотреть кому-нибудь прямо в глаза, они опускали взгляд.

Расположившись в одиночестве на скамье, я продолжал свою трапезу. Овощи и бобы были несоленые, но с приправой из зелени. Когда обед подходил к концу и все стали собирать посуду, из церкви вышел еще один священник и принялся торопливо наполнять свою тарелку. Он огляделся, ища, где сесть, и наши взгляды встретились. Он улыбнулся, и я узнал в нем молодого священника, которого совсем недавно видел за созерцанием. Я улыбнулся в ответ, и тогда он подошел ко мне и заговорил на ломаном английском:

– Разрешите сесть на вашу скамейку?

– Ла, пожалуйста, – ответил я.

Священник расположился рядом со мною и принялся неторопливо есть, тщательно

пережевывая пищу и время от времени с улыбкой поглядывая на меня. Он был небольшого роста, жилистый и подтянутый, с черными как смоль волосами. Глаза у него были светло-карие.

– Вам понравилась еда? – поинтересовался он. Я держал тарелку на коленях. В ней еще оставалось немного кукурузы.

– О, да, – ответил я и отправил ложку в рот. Я снова отметил про себя, как неторопливо и тщательно юный священник пережевывает пищу, и начал так же вдумчиво доедать свою кукурузу, вспомнив, что таким образом за столом ели все.

– Вы выращиваете овощи здесь, в миссии? – спросил я. Он ответил не сразу, неспешно проглотив то, что было во рту.

– Ла, еда – это очень важно.

– Вы созерцаете растения? – продолжал расспрашивать я.

Он посмотрел на меня с нескрываемым изумлением:

– Вы знакомы с Манускриптом?

– Ла, с первыми четырьмя откровениями.

– И вы выращивали продукты?

– О, нет. Я лишь набираюсь знаний обо всем этом.

– Вы видите энергетические поля?

– Ла, иногда.

Какое-то время мы молчали, пока молодой священник, отправив в рот несколько ложек, старательно пережевывал еду.

– В пище мы в первую очередь и обретаем энергию, – проговорил он. Я согласно кивнул.

– Но для того, чтобы в полной мере принять ее в себя из пищи, необходимо оценить по достоинству... э-э... – Мой собеседник, видимо, подыскивал нужное слово по-английски. – Смаковать, – проговорил он наконец. – Ч1Вкус – вот что главное. Нужно отдать должное вкусу. Вот в чем смысл молитвы перед едой. Это не просто вознесение благодарности: молитва предназначена для того, чтобы еда стала священнодействием, а энергия из пищи могла перейти в ваше тело.

Юноша пристально посмотрел на меня, словно пытаясь понять, дошло ли до меня то, что он сказал.

Ни слова ни говоря, я лишь кивнул. Он задумался.

«Священник говорит о том, – рассуждал я про себя, – что подобным неспешным смакованием пищи в действительности и обусловлен общепринятый религиозный обычай вознесения благодарности, в результате чего из пищи поглощается большое количество энергии».

– Однако принятие пищи – это только первый шаг, – добавил он. – После того как ваша собственная энергия таким образом умножится, вы станете более восприимчивы к энергии всего сущего... и тогда научитесь вбирать в себя эту энергию, не принимая пищу.

Я кивнул в знак согласия.

– Все, что окружает нас, – продолжал объяснять он, – исполнено энергии. Но у всякой вещи энергия своя, особая. Вот почему некоторые места придают вам больше энергии, чем другие. Это зависит от того, насколько ваш образ соответствует энергии определенного места.

– Не этим ли вы занимались утром? – спросил я. – Приумножали свою энергию? Он, казалось, расивел:

– Да.

– А как вы это делаете? – не унимался я.

– Необходимо раскрыться, приобщиться, воспользоваться чувством прекрасного, как при наблюдении полей. Но вам нужно сделать этот шаг вперед, чтобы появилось ощущение полноты.

– Мне кажется, я не совсем понимаю вас. От такой дремучести он нахмурился:

– Не хотите ли прогуляться к месту для созерцания? Я могу показать.

– Хорошо, – согласился я. – Отчего бы и не прогуляться?

Молодой священник пошел через двор, и я последовал за ним. Когда мы пришли на место, мой спутник остановился и стал оглядываться по сторонам, словно пытаясь что-то найти.

– Вон там, – проговорил он, указывая на опушку леса.

Мы двинулись по дорожке, которая вилась между деревьями и кустами. Священник выбрал место перед огромным деревом, вокруг которого вздымалась груда больших камней, так что создавалось впечатление, будто гигантский ствол поставлен на них. Корни оплетали камни, прорастали сквозь них и только потом уходили в землю. Напротив этого дерева полукружьями росли какие-то кусты, и я почувствовал необычный сладковатый аромат, исходивший от их желтых цветов. Сзади сплошной зеленой стеной стоял густой лес.

Молодой человек указал мне, куда сесть посреди кустов лицом к покрытому узловатыми наростами дереву. Сам он сел рядом:

– Как вам кажется, это красивое дерево?

– Красивое.

– В таком случае, э-э... постарайтесь ощутить... э-э... Казалось, священнику опять не найти подходящее слово. Поразмыслив, он обратился ко мне:

– Падре Санчес говорил, у вас что-то было на горе. Не могли бы вы вспомнить, что вы там чувствовали?

– Легкость, необыкновенную уверенность в себе и приобщенность.

– Приобщенность к чему?

– Это трудно описать, – признался я. – Будто все вокруг стало частью меня самого.

– Но что же вы ощущали?

На минуту я задумался. Что я ощущал? И тут нужное слово пришло. – Любовь, – произнес я. – Думаю, это была любовь ко всему сухому.

– Да, – согласился юноша. – Именно так. Попробуйте испытать это чувство по отношению к дереву.

– Но простите, – возразил я. – Любовь – это чувство, которое приходит само по себе. Я не могу заставить себя полюбить.

– А вы и не заставляйте себя. Позвольте любви охватить вас. Но для этого вам нужно настроиться на определенное расположение духа, вспомнить, какие вы испытывали ощущения на вершине, и постараться испытать их вновь.

Я посмотрел на дерево и попытался вызвать в памяти ощущение, испытанное на горе. Через какое-то время меня охватило восхищение формами прекрасного дерева. Мое восхищение росло, пока я действительно не ощутил чувство любви. Точно такое же чувство – оно сохранилось в памяти – я испытывал к матери, когда был ребенком, и к ни на кого не похожей девочке, которой я был увлечен в юношеские годы. И несмотря на то, что я смотрел на дерево, эта особенная любовь ощущалась как некий всеобъемлющий фон. Я был влюблен во все сущее.

Священник немного отодвинулся и пристально взгляделся в меня.

– Замечательно, – проговорил он. – Вы получаете энергию.

Я обратил внимание, что он несколько сместил фокус зрения.

– Откуда вы знаете? – удивился я.

– Потому что вижу, как растет ваше энергетическое поле.

Закрыв глаза, я попытался испытать ощущения той же силы, как и те, как и тогда на вершине, но на этот раз у меня ничего не вышло. Природа моего ощущения была та же, но по интенсивности не такая, как прежде. Эта неудача заставила меня разувериться в своих

возможностях.

– Что случилось? – спросил священник. – Уровень вашей энергии снизился.

– Не знаю, – ответил я. – Просто не получается испытать это с той же силой, что и прежде.

Молодой человек взглянул на меня сначала с любопытством, а потом с нетерпением:

– То, что произошло с вами на вершине, было вам даровано, это был прорыв, взгляд на новый путь. Теперь же нужно научиться испытывать подобное самому, понемногу, раз за разом.

Он отодвинулся еще чуть дальше и снова, не отрываясь, стал смотреть на меня:

– А теперь попробуйте еще раз.

Я закрыл глаза и постарался прочувствовать все еще глубже. В конце концов ощущение пришло вновь. Я попытался сохранить и понемногу усилить его. Свой взгляд я сосредоточил на дереве.

– Вот, очень хорошо, – неожиданно произнес священник. – Вы и получаете энергию, и отдаете ее дереву. Я взглянул ему прямо в глаза:

– Отдаю ее дереву?

– Восхищаясь красотой и неповторимостью чего-либо, – стал объяснять он, – вы получаете энергию. А когда начинаете испытывать любовь, то можете посылать энергию обратно, стоит лишь захотеть.

Я еще долго сидел под деревом. И странное дело: чем больше я на нем сосредоточивался, чем большее восхищение испытывал от его форм и красок, тем большую любовь я, казалось, испытывал вообще. Я представлял, как моя энергия перетекает к дереву и наполняет его, но не мог видеть этого. Не меняя угол зрения, я заметил, что священник встал и собрался уходить.

– А как выглядит то, что я передаю дереву свою энергию? – обратился я к нему.

Он подробно объяснил, как это воспринимается, и я понял, что это похоже на явление, свидетелем которого я стал, когда наблюдал за Сарой, изливавшей свою энергию на филодендрон в Висьенте. Хотя у Сары это получалось, она, по всей видимости, понятия не имела, что необходимо испытывать любовь для того, чтобы произошло изливание энергии. Должно быть, она приходила в это состояние настолько естественно, что даже не замечала этого.

Священник направился в сторону двора и исчез из моего поля зрения. Я же оставался в уединении, пока не стемнело.

Когда я вошел в дом, мне вежливо кивнули двое священников. В гостиной горело несколько масляных ламп, мирно гудящий огонь разгонял вечернюю прохладу. Пахло овощным супом. На столе стояли керамическая посуда, тарелка с четырьмя ломтями хлеба и лежало несколько ложек.

Один из священников повернулся и ушел, даже не взглянув на меня, а другой, не поднимая глаз, кивнул в сторону большого чугунного котла, снятого с огня. Котел был накрыт крышкой, из-под которой торчала какая-то ручка. Не успел я бросить взгляд на котел, как священник спросил:

– Нужно ли вам еще что-нибудь?

– Думаю, что нет, – ответил я. – Благодарю вас.

Он кивнул и тоже вышел из дома, оставив меня одного. Я поднял крышку котла и обнаружил там картофельный суп. От него очень вкусно пахло чем-то пряным. Я налил в тарелку несколько полных черпаков и сел за стол, потом вытащил из кармана ту часть Манускрипта, которую передал мне Санчес, и положил рядом с тарелкой, намереваясь почитать. Однако суп оказался таким вкусным, что я полностью сосредоточился на еде. Закончив трапезу, я сложил посуду в широкий таз и как зачарованный долго смотрел на огонь, пока он не стал гаснуть. Тогда я увернул лампы и пошел спать.

На следующее утро я проснулся на рассвете, чувствуя, что снова полон сил. За окном по двору стелилась утренняя дымка. Я разгреб угли, подложил несколько поленьев и стал раздувать огонь, пока он не принялся. Я собрался было поискать в кухне съестного, но услышал, что подъехал грузовичок Санчеса.

Я вышел на улицу, и в это время падре как раз вышел из-за церкви, держа в одной руке рюкзак, а в другой – несколько свертков.

– Есть новости, – сообщил он и сделал мне знак следовать за ним обратно в дом.

Появилось несколько священнослужителей, которые принесли горячие кукурузные лепешки, овсяную кашу и сушеные фрукты. Санчес поздоровался со всеми и сел со мной за стол. Священники незаметно ушли.

– Я был на встрече с представителями Южного совета церквей, – сообщил он. – Мы собрались, чтобы поговорить о Манускрипте. Предметом обсуждения были агрессивные действия властей. Это была первая подобная открытая встреча целой группы священников в защиту этого свидетельства, и едва мы начали дискуссию, как появился представитель властей и потребовал, чтобы ему разрешили присутствовать.

Он замолчал, положил себе на тарелку еды и съел несколько ложек, тщательно пережевывая.

– Этот представитель, – продолжал падре, – заверил нас, что единственная цель властей – оградить Манускрипт от посягательств извне. Он поставил нас в известность, что на все списки, имеющиеся у граждан Перу, должно быть разрешение. Он сказал, что понимает нашу озабоченность, однако предложил подчиниться этому законоположению и сдать наши списки, пообещав, что власти немедленно выдадут нам дубликаты.

– И вы сдали их? – спросил я.

– Конечно нет.

Несколько минут мы молча ели. Я старался тщательно пережевывать, чтобы по-настоящему насладиться вкусом.

– Мы спросили о применении силы в Кула, – продолжал Санчес, – и представитель сказал, что это была необходимая мера, направленная против человека по имени Дженсен, что в его группе были иностранные агенты и что они были вооружены. По его словам, они собирались найти и похитить еще не обнаруженную часть Манускрипта, чтобы вывезти ее из Перу, поэтому властям ничего не оставалось, как только арестовать их. Ни о вас, ни о ваших друзьях упомянуто не было.

– И вы поверили этому представителю властей?

– Нет. После того как он ушел, мы продолжили нашу встречу. Согласились на том, что будем вести политику мирного сопротивления. Будем по-прежнему делать списки и осторожно распространять их.

– А позволят ли вам это предстоятели вашей церкви? – спросил я.

– Мы не знаем, – сказал Санчес. – Иерархи Церкви относились к Манускрипту неодобрительно, но до сего времени не пытались серьезно разобраться, кто им занима: ется. Больше всего нас беспокоит один кардинал, резиденция которого находится дальше на север.

Кардинал Себастьян – наиболее ярый противник Манускрипта, и в его руках сосредоточено очень много власти. Если ему удастся убедить отцов Церкви обратиться с решительными воззваниями, то нам придется принять очень непростое решение.

– Но почему он так настроен против Манускрипта?

– Он боится.

– Чего?

– Я уже давно не беседовал с ним, к тому же мы с ним стараемся не говорить о

Манускрипте. Но я думаю, что, по его мнению, роль человека заключается в приобщении ко Вселенной без обладания духовным знанием, через одну только веру. Он считает, что Манускрипт разрушит установившееся положение вещей в мире, подорвет основы основ.

– Каким же образом это может произойти?

Улыбнувшись, падре Санчес слегка наклонил голову набок: (– Истина делает человека свободным.

Я смотрел на него, доедая свой хлеб и фрукты и пытаюсь понять, что имеет в виду падре. Он съел еще несколько крохотных кусочков и отставил свой стул от стола.

Ш

– У вас, похоже, стало гораздо больше сил, – проговорил он. – Вы здесь с кем-нибудь говорили?

– Да, – ответил я. – У одного из священников я научился приобщаться к энергии. Я... не помню, как его зовут. Он был занят созерцанием, когда мы с вами разговаривали во дворе вчера утром, помните? Потом я заговорил с ним, и он показал, как воспринимать энергию и как изливать ее обратно.

– Его зовут Лжон, – заметил Санчес и сделал мне знак продолжать.

– Это было восхитительно, – признался я. – Вернулось прежнее чувство любви, и удалось раскрыться. Я пробыл там весь день, стараясь привести себя в это состояние. Такого же, как на вершине, не получилось, но я был близок к этому.

Лицо Санчеса стало серьезным:

– Роль любви долгое время понималась неверно. Любовь не есть нечто обязательное, без чего нам не стать добропорядочными или сделать мир лучше, исходя из некой абстрактной нравственной ответственности, или же потому, что мы должны отказаться от своего жизнелюбия. Приобщение к энергии ощущается сначала как взволнованность, потом как повышенное радостнее настроение – эйфория, а затем как чувство любви. Если будет обнаружен достаточно большой источник энергии, чтобы поддерживать состояние любви, это, конечно, станет подспорьем для всего мира, но прежде всего поможет нам. Это будет наивысшим доказательством нашего жизнелюбия.

Я согласился с ним и заметил, что он отодвинул стул еще немного и пристально смотрит на меня, сместив фокус зрения.

– Ну и как же выглядит мое поле? – спросил я.

– Оно стало значительно больше, – проговорил он. – Думаю, что вы чувствуете себя очень хорошо.

– Так оно и есть.

– Замечательно. Этим мы здесь и занимаемся.

– Расскажите об этом, – попросил я.

49– Мы готовим священников, которые отправляются потом дальше в горы, чтобы работать среди индейцев. Они проповедуют в одиночку, а это требует немало сил. Все, кто здесь находится, прошли всестороннюю проверку, и их объединяет одно: у каждого был опыт, который они называют сокровенным.

– Я изучал подобные явления в течение многих лет, – продолжал падре, – еще до того, как был найден Манускрипт, и считаю, что если человек уже встречался с сокровенным, то ему гораздо легче вернуться в это состояние и повысить уровень своей собственной энергии. Другие тоже могут приобщиться, но это займет больше времени. Если эти ощущения глубоко врезались в память, – думаю, вы знаете это по себе, – их легче воспроизвести. После приобщения человек понемногу снова выходит на высший уровень.

– А как выглядит его энергетическое поле, когда это происходит?

– Оно увеличивается в размерах и слегка изменяет цвет.

– Какие же это цвета?

– Как правило, из матово-белого поле становится зеленым и голубым. Но наиболее важно то, что оно растет. К примеру, во время вашей встречи с сокровенным на вершине ваша энергия выплеснулась на всю Вселенную. По сути дела, вы приобщились ко всему космосу, и ваше поле, в свою очередь, выросло до таких размеров, что смогло объять все сущее. Вы можете вспомнить, что при этом чувствовали?

– У меня было такое ощущение, что вся Вселенная составляет мое тело, а я сам – лишь голова или, вернее, глаза.

– Ну да, – подхватил падре Санчес, – в этот момент ваше энергетическое поле и поле Вселенной составляли одно целое. Вселенная была вашим телом.

– Меня тогда посетило совершенно необычное воспоминание, – признался я. – Казалось, я вспоминаю, как возникло это необъятное тело, эта моя Вселенная. Вот я там: вижу, как из простого водорода образуются первые звезды, потом вижу, как из этих звезд развиваются более сложные формы материи. Но я не вижу самой материи. Она представляется мне только в виде простых колебаний энергии, которая развивается по восходящей, переходя во все более сложные состояния. Затем... зарождается жизнь, которая эволюционирует до появления человека...

Я вдруг остановился, и священник уловил перемену в моем настроении.

– Что случилось? – спросил он.

– Здесь, на человеке, заканчивается мое воспоминание об эволюции. У меня было такое чувство, что у эволюции существует продолжение, но полностью я не смог объять этого воспоминания.

– У вашего воспоминания действительно есть продолжение, – подтвердил Санчес. – Люди продолжают эволюцию Вселенной к еще более сложным формам жизни, постоянно повышая уровень колебаний.

– Но каким образом?

Санчес улыбнулся, но ушел от ответа:

– Лавайте поговорим об этом позже. Я обязательно должен кое-что проверить. Встретимся через час с небольшим.

Я кивнул. Он взял себе яблоко и вышел. Я тоже собрался было на улицу, но вспомнил про список Пятого откровения, оставленный в спальне, и пошел за ним. Я еще раньше подумывал о лесе, где впервые встретился с Санче-сом. Даже несмотря на усталость и чувство страха, я обратил внимание на его необыкновенную красоту. Поэтому я отправился к месту нашей первой встречи со священником и расположился там.

Прислонившись спиной к стволу, я собрался с мыслями и несколько минут осматривал все вокруг. Утро было солнечное, дул свежий ветерок, и я наблюдал, как под его порывами раскачиваются ветви у меня над головой. В воздухе чувствовалась свежесть, и я сделал несколько глубоких вдохов. Когда ветер на время стих, я вынул Манускрипт и принялся искать страницу, где я остановился. Однако не успел я найти ее, как услышал, что где-то тарахтит грузовик.

Я прижался к земле рядом с деревом и попытался определить, откуда доносятся звуки. Они шли со стороны миссии. Когда машина приблизилась, я увидел, что это старый грузовичок Санчеса и он сам сидит за рулем.

– Я подумал, что вы можете быть здесь, – проговорил он, подъехав ко мне. – Садитесь. Нам нужно уезжать.

– Что случилось? – спросил я, усаживаясь на сиденье рядом с водителем.

Санчес повел машину к главной дороге.

– Один из моих священников рассказал, о чем говорят в деревне. В городке какие-то правительственные чиновники, и они спрашивают обо мне и о миссии.

– И что, по-вашему, им нужно? Он успокаивающе взглянул на меня:

– Не знаю. Скажем так, сейчас я не настолько уверен, как раньше, что они оставят нас в покое. Я считал, что в качестве меры предосторожности нам следует отправиться дальше в горы. Один из моих священников живет неподалеку от Мачу Пикчу. Его зовут падре Карл. У него дома мы будем в безопасности, пока нам не удастся лучше разобраться в ситуации. – Он улыбнулся. – Я все равно хотел, чтобы вы увидели Мачу Пикчу.

У меня вдруг мелькнуло подозрение, что у падре Санчеса уже есть договоренность и теперь он везет меня прямо в лапы военных. Я решил в дальнейшем действовать осмотрительнее и быть начеку, пока не буду знать всего наверняка.

– Вы прочитали перевод? – спросил он.

– В основном да.

– Вы спрашивали об эволюции человека. Прочитали об этом?

– Нет.

Он оторвал взгляд от дороги и пристально посмотрел на меня. Я сделал вид, что не замечаю его взгляда.

– Что-нибудь не так? – спросил священник.

– Нет, все в порядке. Сколько времени добираться до Мачу Пикчу?

– Часа четыре.

Мне хотелось самому помолчать и дать возможность разговориться Санчесу. Я надеялся, что он выдаст себя, но желание узнать об эволюции взяло верх.

– Так каким же образом люди продолжают эволюцию? – спросил я.

Он бросил на меня быстрый взгляд:

– А как вы считаете?

– Не знаю. Но там, на вершине, я думал, что это имеет какое-то отношение к тем полным скрытого смысла совпадениям, о которых говорится в Первом откровении.

– Верно, – подтвердил священник. – Вы наверняка согласны, что это не противоречит и другим откровениям?

Я ощутил замешательство. Было почти ясно, что понять это до конца я не могу. И я промолчал.

– Подумайте о последовательности, в которой расположены откровения, – продолжал Санчес. – Первое откровение мы постигаем, когда начинаем серьезно подходить к случайным стечениям обстоятельств. Эти совпадения заставляют нас ощутить, что за всем, что бы мы ни делали, скрыто нечто большее, нечто духовное.

Со Вторым откровением это ощущение приобретает некие черты реальности. Мы начинаем понимать, что в борьбе за выживание в физическом мире в целях безопасности мы отвоевали место во Вселенной, и сегодня наша открытость являет собой определенное прозрение и осознание того, что происходит на самом деле.

С Третьим откровением приходит новое мировоззрение. Определение физического мира предполагает, что он состоит из одной лишь энергии – энергии, которая определенным образом реагирует на наши мысли.

В Четвертом указывается на то, что люди склонны отбирать энергию у других, подчиняя их себе, овладевая их сознанием, и что совершаем мы это преступление потому,

«55, что очень часто ощущаем истощение энергетического запаса и свою оторванность от Вселенной. Этот недостаток энергии можно, конечно, восполнить, если мы приблизимся к высшему ее источнику. Вселенная может предоставить нам все необходимое, если только нам

дано будет открыться навстречу ей. Это и есть истина Пятого откровения.

– В вашем же случае, – продолжал падре Санчес, – имело место приобщение к сокровенному, позволившее вам на краткий миг обозреть весь громадный объем энергии, который можно обрести. Однако оказаться в этом состоянии – все равно что сделать прыжок вперед, опередив всех остальных и заглянув в будущее. Мы не можем долго находиться в этом положении. Как только мы заговорим с кем-либо пребывающим в обыденном сознании или будем пытаться жить в мире, где по-прежнему происходят конфликты, нас тут же вышибет из состояния, принадлежащего будущему, и мы опять скатимся на свой прежний уровень.

Тогда дело встанет за тем, чтобы неторопливо, раз за разом, понемногу завоевать то, что приоткрылось нам на краткий миг, и начать движение вперед, чтобы снова обрести это всеобъемлющее сознание. Но для этого мы должны научиться сознательно наполнять себя энергией, потому что с энергией приходят стечения обстоятельств, а последние помогают нам навсегда перейти на новый уровень.

У меня, наверное, был растерянный вид, потому что далее священник сказал:

– Вы только подумайте: если, помимо всякого желания, в нашей жизни что-то случается и направляет нас вперед, мы в этом случае становимся людьми, более приближенными к тому, что происходит на самом деле. Мы ощущаем, что то, чем мы становимся, суждено провидением. Когда это происходит, мы достигаем того уровня энергии, на котором на первый план выдвигаются стечения обстоятельств. Нас можно сбить с этого уровня, и мы можем утратить приобретенную энергию, если поддадимся чувству страха, однако этот уровень становится пределом, достичь которого достаточно нетрудно. Мы становимся новыми людьми. Мы существуем на более высоком энергетическом уровне, на уровне – заметьте себе это! – более высокого колебания.

Теперь вам понятен этот процесс? Мы наполняемся энергией, вырастаем, снова наполняемся энергией и снова растем. Именно таким образом люди продолжают эволюцию Вселенной, поднимаясь ко все более высоким уровням колебаний.

На какое-то время Санчес замолчал, потом он, казалось, задумался над тем, что бы еще добавить:

– На бессознательном уровне это развитие происходило на всем протяжении человеческой истории. Этим объясняется развитие культуры, увеличение физического роста, срока жизни людей и так далее. Однако теперь мы осуществляем этот процесс сознательно. Как раз об этом и говорит нам Манускрипт. В этом и заключается суть стремления к духовному сознанию в мировом масштабе.

Я напряженно вслушивался в слова священника и был полностью зачарован тем, что он говорил.

– Значит, нам нужно всего лишь наполнять себя энергией так, как я научился это делать у Джона, и стечения обстоятельств будут происходить более постоянно?

– Вообще-то да, но это не так просто, как вам кажется. Прежде, чем нам удастся навсегда приобщиться к этой энергии, необходимо преодолеть еще одно препятствие. Об этом повествуется в следующем, Шестом откровении.

– И что же это за препятствие?

Санчес взглянул мне прямо в глаза: ' – – Мы не должны забывать, что каждый из нас подчиняет себе других по-своему, по-особому. Помните, в Четвертом откровении говорится о том, что люди всегда испытывали недостаток в энергии и старались подчинить себе \ / кого-нибудь, чтобы обрести энергию, проистекающую меж- '• ду людьми. Далее, в Пятом откровении, показывается, что существует другой источник энергии, но мы не можем до конца оставаться приобщенными к нему, пока серьезно не подойдем к разрешению проблемы особого

способа подчи «55нения себе других, который характерен для каждого из нас как личности, и больше не будем прибегать к нему, потому что всякий раз, когда мы по привычке делаем это, мы отчуждаемся от этого источника.

Избавиться от такой привычки нелегко, потому что поначалу это всегда происходит бессознательно. Главное для того, чтобы это прошло, – полностью довести процесс до сознания. Этого мы добиваемся, осознав, что наш собственный способ подчинения себе других людей выработался у нас в детстве, когда мы стремились привлечь к себе внимание для того, чтобы направить поток энергии в свою сторону. Способ наш заключается в том, что мы повторяем свои действия снова и снова. Я называю это нашей неосознанной ролевой установкой.

Я выбрал для этого слово «ролевая», потому что это всегда одна и та же сцена, подобная сцене в кино, сценарий для которого мы пишем в молодые годы. Потом мы повторяем эту сцену в повседневной жизни вновь и вновь и даже не замечаем этого. Мы знаем лишь, что с нами постоянно случается одно и то же. Проблема в том, что если мы постоянно повторяем одну и ту же сцену, то нет возможности прокрутить другие части кинофильма нашей реальной жизни – увлекательного приключения, отмечаемого стечениями обстоятельств. Играя одну и ту же роль, чтобы завладеть энергией, мы останавливаем весь фильм.

Санчес притормозил и осторожно провел грузовичок через несколько глубоких выбоин на дороге. Я ощутил разочарование. Мне не удалось до конца понять, как действует ролевая установка. Я чуть было не начал изливаться перед Санчесом свою душу, но что-то меня остановило. Я понял, что по-прежнему чувствую отдаленность от него и мне не хочется полностью раскрываться перед ним.

– Вы поняли? – спросил падре.

– Не знаю, – бросил я. – Я не знаю, есть ли у меня ролевая установка.

Он сочувственно взглянул на меня и громко расхохотался.

– Неужели? – воскликнул он. – Почему же в таком случае вы всегда такой замкнутый?

Уяснение прошлого

Дорога впереди сужалась и огибала отвесную каменную скалу. Машина несколько раз подпрыгнула на больших булыжниках и продолжала медленно продвигаться по горному серпантину. Могучие серые вершины Андов тонули в белоснежных облаках.

Я бросил взгляд на Санчеса. Он напряженно пригнулся к рулю. Уже большую часть дня мы преодолевали крутые подъемы по узкой дороге, которая из-за осыпей становилась еще уже и опасней. Мне очень хотелось расспросить о ролевой установке, но ситуация, похоже, была неподходящей. Санчесу, видимо, нужны были все силы, чтобы вести машину, и к тому же я точно не знал, о чем спрашивать. Я дочитал оставшуюся часть Пятого откровения и обнаружил в нем многое, о чем говорил Санчес. Меня привлекала мысль об избавлении от моего способа подчинения себе других людей, тем более, если это ускорит мою эволюцию, однако мне по-прежнему был непонятен механизм ролевой установки.

– О чем размышляете? – спросил Санчес.

– Я закончил Пятое откровение, – объяснил я. – И все думаю об этих ролях. Из ваших слов следует, что моя роль имеет какое-то отношение к моей замкнутости?

Ответа не последовало. Священник, не отрывая глаз, смотрел вперед на дорогу. Впереди, метрах в тридцати, дорогу перегородил могучий джип. На каменном утесе, метрах в пятнадцати от своей машины, стояли мужчина и женщина. Они тоже смотрели в нашу сторону.

Санчес остановил грузовик, какое-то время разглядывал их, а потом просиял:– Я знаю эту женщину, – сказал он. – Это Хулия. Все в порядке. Давайте поговорим с ними.

Они были смуглолицы и походили на перуанцев. Мужчина выглядел примерно лет на тридцать, женщина была постарше – лет пятидесяти. Когда мы вышли из кабины, она

направилась к нам.

– Падре Санчес! – радостно воскликнула она, подходя ближе.

– Как дела, Хулия? – приветствовал ее Санчес. Они обнялись, потом Санчес познакомил меня с ней. Хулия, в свою очередь, представила нам своего спутника – Ролан до.

Не сказав больше ни слова, Хулия с Санчесом повернулись к нам спиной и направились к утесу, где женщина до того стояла с Роландо. Молодой человек пристально взглянул на меня, но я инстинктивно отвернулся и двинулся за Хулией и Санчесом. Парень последовал за мной. Было такое впечатление, что ему что-то от меня нужно. Он выглядел молодо: густые волосы и почти мальчишеское смуглое лицо с нездоровым багровым румянцем во всю теку. Мне почему-то стало не по себе.

Пока мы вместе шли к краю утеса, парень несколько раз поглядывал на меня, словно собирался что-то сказать, но я каждый раз отводил глаза и убыстрял шаг. Он так ничего и не сказал. Когда мы подошли к краю обрыва, я сел на выступ скалы, чтобы он не смог устроиться рядом. Хулия и Санчес расположились на большом валуне метров на восемь выше.

Роландо сел поблизости от меня. Я чувствовал себя неловко от того, что он все время смотрит на меня, но в то же время меня в какой-то степени разбирало любопытство. Поймав мой взгляд, он заговорил:

– Вы приехали сюда за Манускриптом? Я ответил далеко не сразу:

– Я слышал о нем.

На его лице выразилось недоумение:

– Вы не читали его?

– Не все, – ответил я. – А вы имеете к нему какое-нибудь отношение?

– Я этим интересуюсь, – проговорил молодой человек. – Но пока что ничего не читал.

Наступило молчание.

– Вы из Штатов? – осведомился Роландо. Этот вопрос вызвал у меня тревогу, и я решил не отвечать.

Вместо этого я задал вопрос сам:

– Разве Манускрипт каким-нибудь образом связан с развалинами у Мачу Пикчу?

– Не думаю, – ответил он. – Разве что он был написан в то время, когда там были возведены древние храмы.

Я снова замолчал, любясь невероятно красивым пейзажем Андов. Если я буду вести себя сдержанно, парень рано или поздно проговорится о том, что они с Хулией здесь делают и каким образом это касается Манускрипта. Целых двадцать минут мы просидели, так и не сказав друг другу ни слова. В конце концов Роландо встал и направился к мирно беседующим Хулии с Санчесом.

В растерянности я не знал, как мне поступить. Я не пошел к Санчесу и Хулии, так как ясно понимал, что они хотели поговорить наедине. Еще, наверное, с полчаса я сидел на том же месте, смотря на скалистые вершины и прислушиваясь к тому, о чем говорили у меня над головой. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания. В конце концов я решил все-таки пойти к ним, но не успел сделать и шага, как все трое встали и направились к машине Хулии. Поднимаясь вверх по скале, я двинулся к ним наперерез.

– Им нужно ехать, – заметил Санчес, когда я подошел.

– Жаль, что у нас не было времени поговорить, – сказала Хулия. – Надеюсь, мы увидимся снова. – Она смотрела на меня с той же теплотой, которую часто проявлял по отношению ко мне Санчес. Когда я согласно кивнул, она немного склонила голову набок и добавила: – У меня вообще-то такое чувство, что мы встретимся скоро.

Мы шагали по каменистой тропке, и я чувствовал, что нужно что-то сказать в ответ, но

ничего не приходило в голову. Когда мы дошли до ее машины, Хулия лишь слегка кивнула и бросила короткое «до свидания». Они с Роландом сели в кабину и покатали на север, откуда приехали мы с Санчесом. Все происшедшее меня несколько озадачило.

Уже в машине Санчес спросил:

– Роландо рассказал вам об Уиле?

– Нет! – воскликнул я. – Они видели его? У Санчеса был смущенный вид:

– Да. Они встретили его в деревушке в сорока милях к востоку отсюда.

– Уил что-нибудь говорил обо мне?

– По словам Хулии, Уил упомянул о том, что вы расстались. Она сказала, что в основном Уил разговаривал с Роландо. Разве вы не сказали Роландо, кто вы?

– Нет, я не знал, могу ли доверять ему. Санчес смотрел на меня в полном изумлении:

– Я же сказал, что с ними можно обо всем говорить. С Хулией я знаком не один год. У нее свое дело в Лиме, но с тех пор, как был обнаружен Манускрипт, она занимается поисками Девятого откровения. Хулия не взяла бы с собой человека, которому нельзя доверять. Никакой опасности не было. Так что вы упустили шанс получить сведения, которые могли оказаться важными для вас. Взгляд Санчеса стал серьезным.

– Вот вам прекрасный пример того, как в нашу жизнь вмешиваются ролевые установки, – проговорил он. – Вы оказались настолько замкнутым, что не позволили произойти важному стечению обстоятельств.

У меня, наверное, был вид человека, приготовившегося защищаться, потому что он тут же добавил-

– Ничего страшного, каждый играет по тому или иному сценарию. По крайней мере теперь вы понимаете, что собой представляет ваш. ибо

– Не понимаю' – проговорил я с досадой – – Что именно я делаю?

– Ваш способ подчинения себе людей и контроля ситуации для того, чтобы направлять энергию в свою сторону, предполагает возникновение в вашем сознании такого сценария, по которому вы замыкаетесь в себе и выглядите человеком непонятным и таинственным. Себя вы убеждаете, что поступаете осмотрительно, а на самом деле уповаете на то, что кто-то окажется вовлеченным в эту схему и будет пытаться выяснить, что с вами происходит. Когда кто-то так поступает, вы остаетесь таким же загадочным, вынуждая пробиваться к вам, стараться докопаться и выявить ваши подлинные чувства.

При этом внимание человека полностью приковано к вам, и его энергия направлена на вас. Чем дольше вам удастся сохранять его заинтересованность и неведение, тем больше энергии вы получаете. Печально лишь то, что, когда вы изображаете замкнутость, ваша жизненная эволюция крайне замедляется, потому что в ней снова и снова повторяется одна и та же сцена. Если бы вы открылись Роландо, кинолента вашей жизни начала бы прокручиваться в новом, исполненном значимости направлении.

Настроение у меня было подавленное. Все это представляло собой лишь еще один пример того, что отметил Уил, поняв, что мне ничего не хочется рассказывать Рено. Что верно то верно. Я действительно пытался скрыть свои подлинные мысли. Я посмотрел в окно: машина взбиралась по дороге все выше к горным вершинам. Санчес, чтобы не оказаться в пропасти, снова полностью переключился на дорогу. Когда крутые повороты закончились, священник несколько раз коротко взглянул на меня и затем заговорил:

– Чтобы избавиться от этого, первым делом необходимо осознать собственную схему ролевого контроля. Пока мы не присмотримся к себе как следует и не выясним, как мы захватываем энергию, дело дальше не пойдет. Сейчас как раз это с вами и произошло.

– А в чем заключается следующий шаг? – поинтересовался я.

– Каждый должен вернуться в прошлое и проследить, как формировалась эта привычка в детстве, в семье родителей. Понимание того, как она зарождалась, даст возможность и дальше сознательно контролировать ее. Не забывайте, что члены нашей семьи преимущественно и сами действовали по определенной схеме, стараясь вытянуть энергию из нас, детей. Вот прежде всего почему мы вынуждены создавать свою ролевую установку. Нам необходимо было выработать способ возмещения энергии. Именно по отношению к членам своей семьи мы и вырабатываем свое ролевое поведение. Поэтому, выяснив, как обстояли дела с обменом энергией в семье, мы можем пойти дальше и понять, что в ней происходило на самом деле.

– Что значит «происходило на самом деле»?

– Каждый должен рассмотреть свою жизнь с родителями с точки зрения эволюции и духовности и выяснить, что он в действительности собой представляет. Когда мы сделаем это, необходимость в ролевой установке будет изжита, и у нас начнется настоящая, свободная жизнь.

– Так с чего же мне начать?

– Сначала нужно понять, как сложилась ваша роль. Расскажите о своем отце.

– Он человек добропорядочный, весельчак и умница, но... – Я осекся, не желая показаться неблагодарным по отношению к отцу.

– Но что? – не отступал Санчес.

– Ну... – замялся я. – Он все время критиковал меня. Все, что я ни делал, получалось не так, как надо.

– А как он критиковал вас? – продолжал расспрашивать Санчес.

Перед моими глазами возник образ отца – молодого, сильного.

– Он задавал вопросы, но ему не нравилось, как я отвечал на них.

– И что происходило с вашей энергией?

– Помнится, я чувствовал себя опустошенным, поэтому старался ничего ему не рассказывать.

– То есть вы стали скрытным и начали отдаляться от отца, стараясь говорить так, чтобы ваши слова привлекали внимание, но не давали ему пищи для критики. Он был для вас «следователем», а вы ходили вокруг да около в своей замкнутости?

– Наверное, так. Но что значит «следователь»?

– «Следователь» – это еще одна разновидность ролевой установки. Роль тех, кто таким образом получает энергию, заключается в том, что они целенаправленно задают вопросы, чтобы вторгнуться в мир другого человека и выявить его недостатки. Обнаружив неладное, они подвергают этот недостаток критике. Когда подобный подход срабатывает, критикуемый оказывается вовлеченным в данную ролевую игру. Он вдруг осознает, что в присутствии «следователя» начинает испытывать смущение и обращать внимание на то, что делает «следователь» и что у него на уме, чтобы не допустить оплошности, которую тот может заметить. Такое настороженное отношение, вызванное давлением на психику, и дает «следователю» желанную энергию.

Вспомните моменты, когда вы сталкивались с подобными людьми, оказываясь вовлеченным, в эту ролевую игру. Разве вы не были склонны поступать таким образом, чтобы этот человек не критиковал вас? Он заставляет вас свернуть с вашего собственного пути и выкачивает из вас энергию, так как вы судите о себе по тому, что может подуматься о вас «следователь».

Я вспомнил, что чувствовал себя именно таким образом, когда на меня давил Дженсен.

– Значит, мой отец был «следователем»? – спросил я.

– Судя по вашим словам, да.

На какое-то время я погрузился в размышления о роли моей матери. Если отец был

«следователем», то кем была она?

Санчес поинтересовался, о чем я думаю. – Размышляю о роли матери, – сказал я. – Сколько вообще существует ролей и чем они отличаются друг от друга?

– Давайте, я объясню, как они подразделяются в Манускрипте. – начал Санчес. – Чтобы овладеть энергией, люди стараются действовать или агрессивно, напрямую заставляя других обращать на себя внимание, или пассивно, пытаясь для привлечения к себе внимания сыграть на сострадании или любопытстве. Если, например, кто-то угрожает вам на словах или физически, вы, боясь, как бы чего не случилось, вынуждены обратить на этого человека внимание и таким образом передать ему энергию. Угрозами вас вовлекают в наиболее агрессивную разновидность ролевого контроля – «шантажист», как она называется в Шестом откровении.

С другой стороны, если вам рассказывают обо всех ужасах, которые испытывает этот человек, да еще, может быть, утверждая, что виноваты в этом вы и что, если вы откажетесь помочь, весь этот кошмар будет продолжаться, то этот человек пытается подчинить вас себе на самом пассивном уровне с помощью роли, которая в Манускрипте называется «бедный я». Подумайте об этой роли. Встречался ли вам человек, одно присутствие которого вызывало у вас чувство вины, хотя вы и знали, что для этого нет причин?

– Да, я знаком с таким человеком.

– Значит, вы побывали в ролевом мире «бедный я». Что бы эти люди ни говорили и ни делали, вам всегда приходится оправдываться, словно вы так мало сделали для этого человека. Поэтому-то вы и чувствуете себя виноватым, даже просто находясь рядом с ним.

Я согласно кивнул.

– Роль каждого можно рассматривать в зависимости от того, какое место она занимает между агрессивностью и пассивностью. Если человек действует агрессивно, но исподволь, придираясь к вам и постепенно подрывая ваш мир, чтобы овладеть вашей энергией, то, как мы видели на примере вашего отца, его роль – «следователь». Менее пассивна по сравнению с ролью «бедный я» ваша роль замкнутости в себе. Таким образом, порядок распределения ролей следующий: «шантажист», «следователь», «замкнутый» и «бедный я». Это понятно?

– Думаю, что да. И вы, полагаете, что каждый может найти среди этих ролей свою?

– Совершенно верно. Бывает, что в определенных обстоятельствах люди не ограничиваются единственной ролью, но у большинства из нас преобладает одна, в зависимости от того, насколько успешно эта роль срабатывала на членах родной семьи, затем мы склонны ее придерживаться.

Тут меня осенило. Мать вела себя по отношению ко мне точно так же, как и отец. Я посмотрел на Санчеса:

– Моя мать. Я знаю, кто она. Она тоже была «следователем».

– Значит, вы получали двойную дозу, – проговорил Санчес. – Неудивительно, что вы такой замкнутый. Но они, по крайней мере, не угрожали вам. Во всяком случае, вам никогда не приходилось волноваться за свою безопасность.

– А что было бы тогда?

– Тогда вы остановились бы на роли «бедный я». Вам понятно, как это получается? Если вы ребенок, и кто-то выкачивает из вас энергию, угрожая телесным наказанием, то замкнутость не поможет. Прикидываясь скромнягой, вам не удастся заставить родителей отдать вам энергию. Их не волнует, что там у вас в душе. Их напор слишком силен. Поэтому вы вынуждены перейти на более пассивный уровень и попробовать подход «бедный я», взывая к милосердию этих людей, чтобы они ощутили свою вину в том зле, которое вам причиняют.

Если это не получается, вам, ребенку, приходится терпеть до тех пор, пока вы не станете достаточно взрослым, чтобы воспротивиться насилию и ответить агрессивностью на

агрессивность. – Священник помолчал. – Как та пода 165авшая вам ужин девочка из перуанской семьи, о которой вы рассказывали.

Чтобы получить выраженную в виде внимания энергию, человек готов на любые крайности. А впоследствии эта стратегия становится для него основным способом подчинения себе любого другого человека для овладения его энергией, ролью, к которой он постоянно прибегает.

– С «шантажистом» понятно, – сказал я. – А вот как формируется «следователь»?

– А как бы вы поступили, будучи ребенком, если члены вашей семьи заняты собой и не обращают на вас внимания, потому что главное для них – карьера или они целиком поглощены чем-нибудь еще?

– Не знаю.

– Если вы замкнетесь в себе, то своего не добьетесь: они не обратят на это внимания. Разве тогда вам не придется прибегнуть к тому, чтобы вмешиваться, лезть в чужие дела и в конце концов начать придирается к этим людям с целью заставить их уделить вам внимание и энергию? Этим как раз и занимается «следователь».

До меня стало доходить это откровение:

– Те, кто замкнут в себе, творят «следователей»!

– Совершенно верно.

– А «следователи» заставляют замыкаться в себе! А от «шантажистов» получается «бедный я» или, если это не происходит, еще один «следователь»!

– Именно. Таким образом, ролевая установка становится явлением постоянным. Но не следует забывать, что стремление подмечать эти роли у других вовсе не говорит о том, что сами мы свободны от подобного. Нам необходимо избавиться от этой иллюзии, и лишь тогда мы сможем идти дальше. Почти каждому из нас свойственно, по крайней мере, какое-то время, придерживаться определенной роли, и нужно достаточно долго присматриваться к себе со стороны, чтобы выяснить, что это за роль.

Некоторое время я молчал. Наконец, снова поднял взгляд на Санчеса-

– А что потом, когда мы поймем, в чем наша роль? Санчес притормозил машину, чтобы взглянуть мне прямо в глаза:

– Ничто не мешает нам стать выше этой безотчетной игры, в которую мы играем. Как я уже говорил, нам дано прийти к более высокому смыслу собственной жизни, к духовному объяснению того, почему мы появились на свет именно в своей семье. Мы сможем хотя бы отчасти разобраться в том, кто мы такие на самом деле.

– Ну вот, почти приехали, – проговорил Санчес. Лорога шла вверх между двумя вершинами. Когда мы миновали нависавший справа исполинский утес, впереди показался небольшой домик. За ним возвышалась еще одна величественная скала.

– Грузовика падре Карла нет на месте, – заметил Санчес.

Мы поставили машину и направились к дому. Санчес открыл входную дверь и вошел, а я остался ждать снаружи. Я несколько раз глубоко вдохнул. Воздух был холодный и очень разреженный. Темно-серое небо было плотно закрыто тучами. Похоже, собирался дождь.

В двери появился Санчес:

– В доме никого. Лолжно быть, он на развалинах.

– И как нам туда добраться?

Я вдруг заметил, как он вымотался.

– Они дальше по этой дороге, примерно в полумиле отсюда, – проговорил он, передавая мне ключи от машины. – Если подняться на ближайший перевал, увидите развалины внизу. Езжайте один. Я хочу остаться здесь и поразмышлять.

– Хорошо, – согласился я и пошел к машине.

Сначала дорога спустилась в небольшое ущелье, а потом стала взбираться на перевал. Я предвкушал картину, которую мне предстояло увидеть, и не обманулся в своих ожиданиях. На вершине перевала моему взору открылись развалины на Мачу Пикчу во всем своем великолепии. Наклоне горы расположился целый комплекс храмов. Они были сложены из поставленных друг на друга тщательно обработанных многотонных камней. Даже при неярком свете пасмурного дня было так красиво, что дух захватывало.

Я остановил машину и минут пятнадцать вбирал в себя энергию. По развалинам бродило несколько групп людей. Я заметил, как человек с воротничком католического священника выбрался из развалин одного из строений и направился к стоявшей неподалеку машине. Издалека казалось, что на нем кожаная куртка, а не сутана священника, поэтому я не мог с уверенностью сказать, что это падре Кард.

Заведя машину, я подъехал поближе. Он услышал звук двигателя, посмотрел вверх и улыбнулся, видимо, признав. грузовичок Санчеса. Когда падре Карл заметил в кабине меня, на его лице выразился интерес, и он подошел ко мне. Неяркий шатен, он был невысок и коренаст. Пухлое лицо, глубоко посаженные голубые глаза. На вид ему было лет тридцать.

– Со мной падре Санчес, – сказал я, выйдя из машины и представившись. – Он там, в вашем доме. Он протянул мне руку:

– Падре Карл.

Я перевел взгляд на развалины позади него. При ближайшем рассмотрении тесаный камень производил еще большее впечатление.

– Вы здесь впервые? – спросил священник.

– Да, – ответил я. – Уже не в первый раз слышу об этом месте, но такого не мог и предположить.

– Это один из центров с самой высокой в мире энергетикой.

Я пристально взглянул на него. Было очевидно, что он говорил об энергии в том же значении, что и Манускрипт. Согласно кивнув, я проговорил:

– Я сейчас занимаюсь тем, что пытаюсь сознательно наращивать запас энергии и справиться со своей ролевой установкой. – Эти слова прозвучали несколько претенциозно, но зато я был доволен, что сказал правду.

– Вы не производите впечатление слишком замкнутого человека, – проговорил он. Я был поражен:

– Как вы узнали, что это моя ролевая установка?

– Выработалось какое-то чутье. Поэтому-то я и здесь.

– Вы помогаете людям распознать их ролевую игру?

– Ла, и их истинную сущность. – Его глаза светились искренностью. Он говорил со всей прямоотой, и было видно, что он ничуть не испытывает неловкости, полностью раскрывая себя перед незнакомым человеком.

Я промолчал, поэтому он поинтересовался:

– Вы разбираетесь в первых пяти откровениях?

– Большую часть читал, – сказал я, – и говорил кое с кем.

Тут до меня дошло, что я выражаюсь слишком туманно.

– Вроде бы первые пять мне ясны, – поспешил добавить я. – А вот с Шестым еще не все понятно. Падре Карл кивнул, а потом сказал:

– Большинство из тех, с кем я беседую, даже не слышали о Манускрипте. Они приезжают сюда, и энергия приводит их в восторг. Одно это заставляет переосмыслить свою жизнь.

– А как вам встречаются эти люди? Он посмотрел на меня со значением:

– Похоже, они сами находят меня.

– Вы говорите, что помогаете им распознать их истинную сущность. Каким образом?

Падре глубоко вздохнул, а потом начал:

– Существует лишь один способ. Каждому из нас необходимо перенестись в детство, туда, где мы жили вместе с родителями, и вспомнить, что тогда происходило. Как только мы осознаем свою ролевую установку, появляется возможность сосредоточиться на высшей истине своей семьи, которая лежит за пределами борьбы за энергию. Так что, как говорится, нет хула без добра. И эта обретенная истина может сделать нашу жизнь энергетически более полной, ибо с ней мы познаем, кто мы, куда направляемся и что мы делаем.

– Как раз об этом и говорил Санчес, – подтвердил я. – Хочется побольше узнать о том, как обрести эту истину.

Падре застегнул молнию на куртке: день клонился к вечеру и становилось прохладно.

– Надеюсь, об этом мы сможем поговорить попозже, – сказал он. – А сейчас мне хотелось бы поздороваться с падре Санчесом.

Я окинул взглядом развалины, и он тут же добавил:

– Не торопитесь и осматривайте здесь все, сколько вам будет угодно. До встречи у меня дома.

Потом в течение полутора часов я бродил по древним руинам. Кое-где я испытывал прилив бодрости и задерживался там подольше. Зачарованный, я размышлял о цивилизации, которая возвела эти храмы. Как им удалось поднять сюда такие камни и уложить их один на другой? Казалось, это невозможно.

Когда первый интерес к развалинам прошел, я обратился мыслями к собственной ситуации. Хотя ничего в моем положении не изменилось, я не испытывал прежнего страха. Подействовала уверенность Санчеса. С моей стороны было глупо сомневаться в нем. И мне сразу понравился падре Карл.

С наступлением темноты я вернулся к грузовичку и двинулся к дому падре Карла. Когда я подъехал, с улицы было видно, что оба священника стоят рядом. Войдя, я услышал на кухне смех. Они были заняты приготовлением ужина. Падре Карл подошел ко мне, чтобы встретиться и проводить до кресла. Я неторопливо уселся перед камином, в котором гудел огонь, и осмотрелся вокруг.

Просторная комната была облицована широкими, слегка окрашенными деревянными панелями. Узкий коридор соединял две другие комнаты – по всей видимости, спальня. Свет в доме был неярко, и мне показалось, что я слышу еле различимое гудение генератора.

Когда все было готово, меня пригласили за стол, сколоченный из струганых досок. Санчес прочитал короткую молитву, мы принялись за еду. Священники продолжили свою беседу. Потом мы уселись вместе у камина.

– Падре Карл говорил с У илом, – сообщил Санчес.

– Когда? – взволнованно спросил я.

– У ил проезжал здесь несколько дней назад, – сказал падре Карл. – Я знаком с ним уже год, и он заехал, чтобы доставить мне кое-какую информацию. По его словам, он якобы знает, кто стоит за действиями властей, направленными против Манускрипта.

– И кто же это?

– Кардинал Себастьян, – вставил Санчес.

– А что он предпринимает?

– По всей видимости, он использует свое влияние в правительстве для того, чтобы усилить давление на сторонников Манускрипта с помощью военных. Он всегда предпочитал действовать исподтишка через правительство, а не нагнетать раскол внутри Церкви. Теперь он активизировал свои действия по отношению к древней рукописи. К сожалению, может быть,

они уже принесли результаты.

– Что вы хотите сказать?

– За исключением нескольких священников Северного совета Церквей и нескольких людей вроде Хулии и Уила, похоже, ни у кого не осталось списков Манускрипта.

– А ученые в Висьенте?

Священники на миг умолкли, а потом падре Карл проговорил:

– Уил сообщил, что усадьба закрыта властями. Ученые арестованы, а данные их исследований конфискованы.

– Неужели научное сообщество потерпит это? – возмутился я.

– А что они могут сделать? – задумчиво произнес Санчес. – К тому же большинство ученых все равно нежелали признавать эти исследования. Власти, скорее всего, попытаются убедить всех, что эти люди нарушили закон.

– Трудно поверить, что подобные действия сойдут властям с рук.

– По всей видимости, так оно и есть. – сказал падре Карл. – Для проверки я заезжал в несколько мест, и везде рассказывают то же самое. Хотя это и держится в тайне, власти предпринимают все более решительные меры против Манускрипта.

– Что же будет дальше, как вы считаете? – обратился я к моим собеседникам.

Падре Карл пожал плечами, а Санчес ответил:

– Не знаю. Это будет зависеть от того, что обнаружит Уил.

– Почему? – допытывался я.

– Похоже, он близок к тому, чтобы найти оставшуюся часть Манускрипта, Девятое откровение. Когда оно будет найдено, то, возможно, к нему будет проявлен такой интерес, что станет возможным вмешательство мировой общественности.

– А Уил говорил, куда собирается? – обратился я к падре Карлу.

– Он не мог сказать, куда именно, но упомянул, что интуиция ведет его на север, ближе к Гватемале.

– Его ведет интуиция?

– Да, это станет понятно, когда вы уясните для себя, кто вы такой, и перейдете к Седьмому откровению.

На лицах обоих священников было выражение удивительной безмятежности.

– Как вы можете оставаться такими спокойными? – поразился я. – А если они ворвутся сюда и арестуют нас всех?

Они по-прежнему терпеливо взирали на меня, а потом заговорил падре Санчес:

– Не путайте спокойствие с беспечностью. Мир на наших лицах указывает, насколько мы приобщены к энергии. Мы сохраняем эту связь потому, что это лучшее, что мы можем сделать, вне зависимости от обстоятельств. Это понятно?

– Да, конечно, – проговорил я. – Дело в том, что мне трудно сохранять эту приобщенность самому. Священники улыбнулись.

– Будет легче, когда выясните, кто вы такой. Тут падре Санчес встал и, заявив, что идет мыть посуду, удалился.

Я взглянул на падре Карла:

– Хорошо. Так с чего же начать, чтобы выяснить, кто я такой?

– Падре Санчес утверждает, что вы уже уяснили для себя ролевые установки своих родителей.

– Верно. Они оба были «следователями» – отсюда и моя замкнутость.

– Хорошо, теперь вы должны отрешиться от происходившей в вашей семье борьбы за энергию и отыскать настоящую причину вашего появления в этой семье.

Я взглянул на него в недоумении.

– В процессе обретения своей действительной духовной сути необходимо, кроме всего прочего, обзреть всю свою жизнь как единое повествование и попытаться выяснить ее более возвышенное назначение. Начните с того, что задайте себе вопрос: «Почему я родился именно в этой семье?»

– Не знаю, – признался я.

– Ваш отец – «следователь». А что еще он собой представляет?

– Вы имеете в виду, за что он ратует?

– Да.

На какой-то миг я задумался, а потом ответил:

– Отец искренне верит, что нужно жить в свое удовольствие, жить честно, но использовать все возможности, предоставляемые жизнью. Понимаете, жить полной мерой.

– И ему это удастся?

– До какой-то степени – да, однако полоса неудач у него почему-то всегда наступает, когда он близок к тому, чтобы пожить припеваючи.

Падре Карл насмешливо прищурился:

– Он считает, что жизнь дана для веселья и наслаждения, но осуществить это в полной мере ему не удалось?

– Да.

– А вы не задумывались – почему?

– Вообще-то нет. Я всегда считал, что ему не везет.

– Может быть, он еще не пришел к тому, как это нужно делать?

– Может быть, и так.

– Ну а ваша мать?

– Ее уже нет в живых.

– А вы можете сказать, чем жила она?

– Мама жила своей верой. Она считала, что нужно жить по-христиански.

– И в чем это выражалось?

– Она верила, что нужно служить обществу и жить по Божьим законам.

– И она следовала законам Господа?

– Она соблюдала их в точности, по крайней мере так, как учила ее Церковь.

– А ей удавалось убедить отца поступать так же?

– Вообще-то нет, – рассмеялся я. – Мать хотела, чтобы он каждую неделю ходил в церковь и принимал участие в жизни городка, где мы жили. Но, как я уже сказал, он был слишком вольнолюбив для этого.

– Ну а с чем при этом остались вы?

– Никогда над этим не задумывался, – признался я, взглянув на него.

– А разве они оба не хотели, чтобы вы были привержены их идеалам? Не поэтому ли они мучали вас расспросами: чтобы увериться – не склоняетесь ли вы к жизненным ценностям другого? Разве они не хотели, чтобы вы почитали лучшим образ жизни каждого из них?

– Да, вы правы.

– Как же вы на это реагировали?

– Наверное, я просто старался не принимать сторону ни того, ни другого.

– Значит, они оба наставляли вас, чтобы вы соответствовали их представлениям, а вы, не имея возможности угодить обоим, уходили в себя?

– Примерно так, – подтвердил я.

– Что случилось с вашей матерью?

– У нее развилась болезнь Паркинсона, она долго болела, а потом умерла.

– Она оставалась верна своим убеждениям?

– Абсолютно. Она не изменила своим идеалам во время болезни.

– Так какое же она вам оставила «значение»?

– Что-что?

– Вы хотите выяснить, какое значение имела для вас ее жизнь, причину того, почему вы родились именно у нее, и что вам суждено было узнать. Жизнь каждого – осознает он это или нет – наглядно иллюстрирует, как, по его или ее мнению, должен жить человек. Вы должны попытаться понять, чему вас научила она и, в то же время, что в ее жизни могло бы быть лучше. То, что вы захотели бы изменить в жизни матери, является частью того, на чем вы сейчас работаете сами.

– Почему только частью?

– Потому что другой частью является то, что вы изменили бы в жизни отца.

Я так ничего и не понял.

Он положил мне руку на плечо:

– Мы не только физическое творение своих родителей, но и их духовное творение. Вы родились у конкретных матери и отца, и жизнь каждого из них оказала на вас неизгладимое воздействие. Для того чтобы выяснить, кто вы на самом деле, вам необходимо предположить, что ваше действительное «я» начиналось где-то между истинами отца и матери. Вы родились у них, чтобы вывести на более высокий уровень то, за что ратовали они. Ваш путь в том, чтобы обрести истину, которая представляет собой сочетание устремлений этих двух людей, но на более высоком уровне. Я кивнул.

– Так как же вы определили бы то, чему научили вас родители?

– Не могу сказать наверняка.

– А что думаете по этому поводу?

– Отец считает, что жизнь дана, чтобы прожить ее во всей полноте, чтобы наслаждаться тем, что ты есть, и он пытался добиться этого. Мать больше верила в жертвенность и посвящение себя службе ближнему, забывая при этом о себе. Она считала, что это как раз и заповедано в Писании.

– А вы, что вы думаете об этом?

– Честно говоря, не знаю.

– Уходите от ответа, – засмеялся падре Карл.

– Мне кажется, что я не знаю.

– А если бы вам пришлось выбирать из двух? Я помолчал, искренне пытаюсь думать, и тут неожиданно в голову пришел ответ.

– Они оба правы, – сказал я. – и не правы. Его глаза просияли:

– Как это?

– Я не совсем уверен, как именно. Но считаю, что верный жизненный путь должен включать оба этих взгляда.

– Для вас, – проговорил падре Карл, – вопрос заключается в том – «как»? Как человеку прожить жизнь, в которой присутствуют обе эти точки зрения? От матери вы получили знание того, что жизнь – это духовность. От отца узнали, что жизнь в том, чтобы расти в своих глазах, в развлечениях, приключениях.

– Значит, моя жизнь, – перебил я, – состоит в сочетании этих двух подходов?

– Да, для вас все дело в духовности. Вся ваша жизнь будет посвящена тому, чтобы обрести такую духовность, благодаря которой вы выросли бы в своих глазах. Эту задачу оказались не в состоянии решить ваши родители и оставили ее вам. Вот вопрос вашей эволюции,

предмет ваших исканий на время, отпущенное вам в жизни.

Эта мысль заставила меня погрузиться в задумчивость. Падре Карл говорил еще о чем-то, но я был не в состоянии сосредоточиться на его словах. Да и угасавший огонь в камине действовал убаюкивающе. Я понял, что устал.

Падре Карл выпрямился в кресле:

– Думаю, на сегодня вам уже не хватит энергии. Но позвольте на прошение высказать одну мысль. Вы можете ложиться спать и больше не думать о том, что мы обсуждали. Можете возвратиться к своей прежней ролевой установке или, наоборот, проснувшись завтра утром, придерживаться нового представления о том, кто вы есть. Если вы выберете последнее, у вас появится возможность сделать следующий шаг в этом направлении и пристально взглядеться во все остальное, что происходило с вами с самого рождения. Если вы охватите взглядом всю жизнь как единое повествование, с рождения до настоящего момента, то поймете, что все это время вы пытались ответить на этот вопрос. Вы осознаете, как получилось, что вы оказались здесь, в Перу, и что вам следует делать дальше.

Я кивнул, пристально всматриваясь в него. В глазах, которые лучились теплом и заботой, было то же выражение, какое мне часто приходилось видеть и у Уила, и у Сан-чеса.

– Спокойной ночи. – С этими словами падре Карл прошел в спальню и закрыл за собой дверь. Я расстелил на полу спальный мешок и быстро заснул.

Пробудился я с мыслью об Уиле. Мне хотелось спросить падре Карла, что еще ему известно о планах Уила. Пока я, не вылезая из мешка, размышлял, в комнату тихо вошел падре Карл и стал разводить огонь.

Я расстегнул застежку спального мешка, и он обернулся на звук.

– Доброе утро! Как спалось?

– Хорошо, – ответил я, вставая.

«77Он положил на угли тоненькие дощечки, а потом поленья побольше.

– У ил говорил о своих планах? – спросил я. Падре Карл встал и повернулся ко мне:

– Он сказал, что направляется к своему приятелю, чтобы у него дожидаться каких-то сведений, на которые он рассчитывает, по всей видимости, сведений о Девятом откровении.

– А что он еще сказал? – допытывался я.

– Он говорил, что, по его мнению, кардинал Себастьян сам рассчитывает найти последнее откровение и, похоже, близок к цели. У ил считает, что от человека, в руках которого окажется последнее откровение, будет зависеть, суждено ли Манускрипту получить когда-либо широкое распространение и понимание.

– Почему?

– Мне, честно говоря, трудно судить об этом. У ил одним из первых собрал откровения и ознакомился с ними. Возможно, он разбирается в этом лучше, чем кто-либо другой из ныне здравствующих людей. Он, как мне кажется, считает, что с последним откровением все прочие станут более понятными и приемлемыми.

– Вы думаете, У ил прав?

– Не знаю. – ответил падре Кард. – Я не настолько разбираюсь в этом. Мне понятно лишь то, что требуется от меня.

– И что же именно?

После небольшой паузы священник ответил:

– Как я уже говорил, моя истина заключается в том, чтобы помогать людям разобраться, кто они есть на самом деле. Когда я читал Манускрипт, мне стало ясно моя миссия. Я специализируюсь на Шестом откровении. Моя истина в том, чтобы помочь ближнему уяснить это откровение. И у меня получается, потому что я прошел через это сам.

– А какова была ваша ролевая установка? Он весело глянул на меня:

– Я был «следователем».

– Вы подчиняли себе людей, выявляя их недостатки и просчеты?

– Совершенно верно. Мой отец был «бедный я», а мать была «замкнутой». Они не обращали на меня никакого внимания. Чтобы получить хоть какую-то энергию внимания, мне оставалось лишь совать нос в то, чем они занимались, а потом отмечать, что не так.

– И когда вы избавились от этой установки?

– Примерно года полтора назад, когда познакомился с падре Санчесом и начал изучать Манускрипт. После того, как я посмотрел на своих родителей со стороны, я осознал, к чему меня готовил опыт жизни с ними. Понимаете, мой отец ратовал за то, чтобы доводить все до конца. Он всегда был нацелен на достижение результата. Все время у него было распланировано, и он судил о себе по тому, что ему удавалось сделать. Мать в большей степени полагалась на интуицию и была склонна к мистике. Она веровала, что каждый из нас сподобился наставления в духе и что смысл жизни в том, чтобы следовать в заданном направлении.

– А как относился к этому ваш отец?

– Он считал, что это сухая ерунда. Я улыбнулся, но ничего не сказал.

– Вам понятно, с чем меня оставили? – спросил падре Карл.

Я покачал головой: в полной мере мне этого было не уяснить.

– Благодаря отцу, – стал объяснять падре Карл, – я привык к мысли, что главное в жизни – завершенность: это значит, что необходимо заниматься чем-то важным и доводить дело до конца. Но в то же время рядом была мать, которая говорила, что главное – то, чем живет человек в душе, то, чем мы руководствуемся интуитивно. Мне стало ясно, что в моей жизни сочетаются оба этих мировоззрения. Я пытался найти путь внутрь себя, к той миссии, выполнить которую способен только я, зная, что следовать ей крайне важно, если я хочу испытать счастье и полноту жизни.

117/9Я кивнул.

– И вы можете себе представить. – продолжал он. – насколько меня взволновало Шестое откровение. Прочитав его, я тут же осознал, что моя задача заключается в том, чтобы помогать людям разобраться в этом откровении и дать каждому человеку возможность обрести чувство своего предназначения.

– А вы знаете, что привело Уила на путь, которым он следует теперь?

– Ла, он сообщил мне кое-какие сведения об этом. Как и у вас. ролевая установка Уила заключалась в уходе в себя, Как и в вашем случае, его родители были «следователями», у каждого из них было четкое мировоззрение, и каждый хотел, чтобы У ил принял его. Отец Уила, немей, был писателем и стоял на том, что человеку суждено стать совершенным и что весь род людской рано или поздно придет к совершенству. Отец Уила ратовал лишь за этот самый чистый из всех человеческих принципов, однако нацисты использовали его основную мысль о совершенстве для того, чтобы с ее помощью оправдать безжалостное уничтожение «низших рас».

Из-за такого извращения основной идеи своего творчества старый писатель пережил страшное потрясение, и это побудило его переехать вместе с женой и маленьким Уилом в Южную Америку. Его жена была перуанка, она выросла в Америке и там получила образование. Она тоже писала, но в своем мировоззрении придерживалась в основном философских взглядов Востока. Она считала, что жизнь дана для того, чтобы достичь внутреннего просветления, выйти на высшую ступень сознания, для которой характерны умиротворение духа и отрешенность от всего мирского. По ее убеждению, смысл жизни не в совершенствовании, а в отказе от необходимости что-либо совершенствовать, к чему-либо стремиться... Вы понимаете, где при

этом оказался Уил?

Я отрицательно покачал головой.

– Он оказался в затруднительном положении, – продолжал падре Карл. – Его отец отстаивал западноевропейскую идею о необходимости трудиться во имя прогресса и совершенствования, а мать придерживалась восточного представления о том, что жизнь дана лишь для обретения мира в душе. Родители подготовили Уила к работе над слиянием в одно целое отличных друг от друга основных философских взглядов восточной и западной цивилизаций, хотя на первых порах он этого не понимал. Сначала он стал инженером, посвятив себя прогрессу, а потом простым проводником, чтобы обрести мир в душе, показывая людям прекрасные, волнующие своей красотой уголки нашей страны.

Но когда Уил обнаружил Манускрипт, все это ожило в нем. В откровениях содержался прямой ответ на его главный вопрос. В них ему открылось, что идеи Востока и Запада, по сути дела, могут соединиться, образуя некую более возвышенную истину. Знакомясь с откровениями, мы видим, насколько правомочна точка зрения Запада, согласно которой смысл жизни в прогрессе, в устремленности к еще более высокой ступени развития. Однако Восток тоже прав, когда подчеркивает, что нам необходимо отказаться от подчинения себе других при помощи своего «я». Мы не в состоянии идти дальше, руководствуясь одной лишь логикой. Нам нужно обрести большую полноту сознания, сподобиться внутреннего единения в Господе, потому что лишь тогда, став более возвышенными, мы сможем направлять свою «устремленность к чему-то лучшему».

Когда Уил начал уяснять эти откровения, вся жизнь его оказалась вовлеченной в какой-то поток. Он познакомился с Хосе, тем самым священником, который первым нашел и перевел Манускрипт. Вскоре после этого он встретился с владельцем Висьенте и помог организовать там исследования. Примерно в это же время у него завязалась дружба с Хулией, которая, как и он, показывала людям дорогу в девственные леса.Ё! – ' if

Именно Хулия стала для Уила наиболее близким человеком. Они оба сразу почувствовали эту близость из-за схожести стоявших перед ними вопросов. Хулия выросла в семье, где отец вел беседы о духовном, но делал это как-то странно, с причудами. Мать, с другой стороны, преподавала риторику в колледже и была неутомимой спорщицей, ратовавшей за ясность мышления. Естественно, Хулия поняла, что ей необходимо больше знать о духовном, но при этом она хотела, чтобы эти знания были доходчивыми и четко сформулированными.

Уил искал слияния восточного и западного, которое давало бы понимание духовного мира человека, а Хулии нужно было, чтобы объяснение этого давалось в абсолютно четкой форме. Все это они нашли для себя в Манускрипте.

– Завтрак готов! – донесся из кухни голос Санчеса.

Я удивленно обернулся. Мне и в голову не приходило, что Санчес уже встал. Прервав беседу, мы с падре Карлом встали и прошли на кухню, где нас ждал завтрак, состоящий из фруктов и кукурузных хлопьев. Потом падре Карл предложил мне прогуляться вместе с ним на развалины. Я согласился, так как мне очень хотелось побывать там снова. Мы посмотрели на падре Санчеса, но тот вежливо отказался: ему нужно было съездить в долину и сделать несколько телефонных звонков.

Когда мы вышли из дома, небо было кристально чистым и над вершинами ярко сияло солнце. Мы шли размашистым шагом.

– Как вы думаете, можно ли связаться с Уилом? – спросил я.

– Лумаю, что нет, – ответил падре Карл. – Он не назвал имен своих друзей. Единственное, что можно было бы сделать, – это отправиться в Икитос, городок близ северной границы, но мне кажется, что сейчас это может быть небезопасным.

– А почему именно туда?

– Уил сказал, что, по его соображениям, поиски приведут его именно в этот городок. Там в окрестностях много развалин. Да и миссия кардинала Себастьяна расположена неподалеку.

– Вы считаете, Уил найдет последнее откровение?

– Не знаю.

Несколько минут мы шли молча. Потом падре Карл

СПРОСИЛ:

– А для себя вы уже решили, каким путем идти?

– О чем вы?

– Падре Санчес рассказывал, что поначалу вы говорили, будто сразу вернетесь в Штаты, но потом вроде бы проявили большой интерес к знакомству с откровениями. Какие чувства вы испытываете теперь?

– Сомнения, – сказал я. – Однако почему-то мне хочется идти дальше.

– Насколько мне известно, у вас на глазах убили человека?

– Совершенно верно.

– И вы все-таки хотите остаться?

– Нет, – неуверенно ответил я. – Я хочу бежать, спасти свою жизнь... и все же я здесь.

– Как по-вашему, почему так происходит? Я всмотрелся в его лицо:

– Не знаю. А вы знаете?

– Помните, на чем мы прервали беседу вчера вечером?

Я вспомнил все до мелочей:

– Мы выяснили главный вопрос в жизни, который оставили мне родители: найти такую духовность, которая предоставляла бы возможность вырасти в своих глазах, привносила бы в бытие ощущение риска и полноты жизни. И вы сказали, что если я пристально взглянусь в ход своей жизни, то этот вопрос позволит мне увидеть свою жизнь во всей полноте и уяснить, что происходит со мной сейчас.

Священник таинственно улыбнулся:

– Да, по Манускрипту все именно так и произойдет.

– А как это происходит? – Каждый из нас должен присмотреться к значительным поворотам своей судьбы и осмыслить их по-новому, в связи со своим развитием.

Я непонимающе покачал головой.

– Постарайтесь понять, как менялись ваши интересы, как в вашу жизнь входили значимые для вас друзья, в какой последовательности происходили стечения обстоятельств. Разве все это не вело вас куда-то?

Я принялся вспоминать свою жизнь начиная с детских лет. но мне никак было не найти какого-нибудь примера.

– Как вы проводили время, когда росли? – спросил падре.

– Не знаю... Наверное, я был обычным ребенком. Много читал.

– А что вы читали?

– В основном детективы, научную фантастику, рассказы о привидениях и все такое.

– И что же было в вашей жизни потом? Я подумал о том влиянии, которое оказал на меня дед, и рассказал падре Карлу о своем озере в горах. Он многозначительно кивнул:

– А что было, когда вы выросли?

– Уехал учиться в колледже. Дед умер, когда меня не было дома.

– Что вы изучали в колледже?

– Социологию.

– А почему?

– Познакомился с одним преподавателем, который мне понравился. Меня заинтересовали его знания человеческой природы. И я решил учиться у него.

– А что было потом?

– Закончил колледж и стал работать.

– Работа вам нравилась?

– Ла, и довольно долго.

– Затем что-то переменялось?

– У меня появилось ощущение, что того, что я делаю, далеко не достаточно. Я работал с подростками с нарушенной психикой и считал, что знаю, каким образом они могли бы преодолеть перенесенное в прошлом и отказаться от своего вызывающего поведения, которое было им далеко не на пользу. Я думал, что сумею помочь им жить дальше. В конце концов я понял, что в моем подходе к ним чего-то недостает.

– И что тогда?

– Я бросил это дело.

– И?..

– Мне позвонила моя приятельница и рассказала про Манускрипт.

– Тогда вы и решили отправиться в Перу?

– Ла.

– Как вы оцениваете произошедшее с вами здесь?

– Думаю, что я свихнулся, – честно признался я. – Мне кажется, я дождусь, что меня убьют.

– А что вы думаете о том, каким образом все это с вами происходило?

– Не понимаю.

– Когда падре Санчес рассказал мне, что случилось с вами после приезда в Перу, – стал объяснять падре Карл, – я был поражен тем, что в результате целой цепи стечений обстоятельств вы оказались лицом к лицу с откровениями Манускрипта как раз в нужный для вас момент.

– И что, по-вашему, это значит? – спросил я. Он остановился и повернулся ко мне:

– Это значит, что вы готовы. У вас есть то же, что и у всех нас. Вы пришли к тому, что вам нужен Манускрипт, чтобы ваша жизнь не остановилась в своем развитии.

Только подумайте, насколько удачно складываются события в вашей жизни. Вас с самого начала интересовало таинственное, и этот интерес в конце концов привел вас к изучению человеческой природы. Почему, по-вашему, вам довелось встретить того преподавателя социологии? Он выкристаллизовал ваши интересы и подвел к тому, чтобы охватить взглядом тайну из тайн: положение человечества на этой планете, вопрос о смысле жизни. Потом вы в какой-то степени познали, что смысл жизни связан с преодолением прошлого и устремленностью вперед. Именно поэтому вы работали с трудными детьми.

Однако, как вы теперь понимаете, нужно было познакомиться с откровениями, чтобы стало ясно, чего не хватало в вашем подходе к этим детям. Для того чтобы дети с нарушениями психики могли развиваться дальше, им нужно проделать то же, что и всем нам: приобщиться к достаточно мощному источнику энергии, понять, что стоит за обостренной ролевой установкой каждого, за тем, что вы называете «вызывающим поведением», и устремиться дальше в духовном развитии, развитии, которое вы все это время силились постичь.

Взгляните на все эти события более широко. Интересы, которые вели вас по жизни в прошлом, все эти стадии роста лишь готовили вас к тому, чтобы сейчас вы оказались здесь и изучали откровения. Вы были вовлечены в последовательный поиск духовности, которая позволила бы вам подняться над самим собой, и в конечном счете, благодаря энергии, почерпнутой в природном окружении, где вы выросли, энергии, видеть которую вас пытался научить дед, вы набрались смелости и приехали в Перу. Вы здесь потому, что вам необходимо

быть здесь, чтобы продолжить свое развитие. Вся ваша жизнь – это долгий путь, который привел вас прямо к тому, что происходит с вами в настоящий момент.

Падре Карл улыбнулся:

– Когда вы в полной мере воспримете такой взгляд на жизнь, вы обретете то, что в Манускрипте называется незамутненным пониманием своего духовного пути. По Манускрипту, мы должны затратить на выяснение своего прошлого столько времени, сколько будет необходимо. У большинства из нас есть ролевая установка, которую нужно превозмочь, и когда нам это удастся, мы сможем уразуметь высший смысл того, почему мы родились именно в семье наших; родителей и к чему нас готовили все неожиданные повороты судьбы. У всех нас есть духовное предназначение, своя миссия, и все мы выполняем ее, не вполне осознавая этого, и как только это предназначение целиком овладеет нашим сознанием, в нашей жизни произойдет небывалый подъем.

Что касается вас, вы выяснили это предназначение. Теперь вы должны идти вперед, позволяя стечениям обстоятельств приводить вас ко все более ясному представлению о том, как дальше выполнять свою миссию и что еще нужно сделать здесь. С того момента, как вы оказались в Перу, вы выезжали за счет энергии У ила и падре Санчеса. Но теперь пора учиться, как двигаться дальше самому... сознательно.

Священник собирался сказать что-то еще, но наше внимание привлек нагонявший нас на всей скорости грузовичок Санчеса. Остановившись на обочине, Санчес опустил стекло дверцы.

– Что-то случилось? – спросил падре Карл.

– Мне нужно срочно возвращаться в миссию, вот только соберу вещи, – проговорил Санчес. – Там правительственные войска... и кардинал Себастьян.

Мы оба вскочили в грузовичок, и Санчес повел его обратно к дому падре Карла. По дороге он рассказал, что военные прибыли к нему в миссию, чтобы изъять все списки Манускрипта и, возможно, закрыть ее.

Подъехав к дому, мы торопливо зашли в него. Падре Санчес тут же стал упаковывать вещи. Я стоял и размышлял, как быть. Падре Карл подошел к Санчесу и сказал:

– Думаю, что мне нужно ехать с вами.

– Вы уверены? – обернулся к нему Санчес.

– Да, я считаю, что должен ехать.

– С какой целью?

– Пока не знаю.

Санчес какое-то время пристально всматривался в него, а потом снова принялся укладывать вещи:

– Ну, если вы считаете, что так лучше... Я стоял, прислонившись к дверному косяку:

– А как быть мне?

Они посмотрели в мою сторону.

– Это решать вам, – сказал падре Карл. Я по-прежнему молча смотрел на них.

– Вы должны принять решение, – спокойно проговорил Санчес.

Я не мог поверить: неужели им настолько безразлично, что я скажу? Ехать с ними означало верный арест перуанскими военными. И в то же время, как я мог оставаться здесь один?

– Послушайте, – произнес я. – Я не знаю, как мне быть. Вы должны помочь мне. Могу ли я укрыться где-нибудь в другом месте?

Священники переглянулись.

– Думаю, что нет. – проговорил падре Карл. Я смотрел на них, и внутри у меня, как снежный ком, разрасталось чувство тревоги. Падре Карл улыбнулся мне:

– Не падайте духом. Помните, кто вы. Санчес подошел к одной из сумок и вытащил оттуда

какую-то папку.

– Это список Шестого откровения, – сказал он. – Может, познакомившись с ним, вы решите, как вам поступить.

Я взял список, а Санчес обратился к падре Карлу:

– Когда вы сможете отправиться?

– Мне нужно кое с кем встретиться, – ответил падре. – Наверное, через час.

Санчес повернулся ко мне:

– Почитайте и подумайте, а потом поговорим.

Оба священника снова принялись готовиться к отъезду, а я вышел из дома и, усевшись на большой камень, открыл Манускрипт. Он в точности повторял то, о чем говорили падре Санчес и падре Карл. Разбираясь в своем прошлом, мы уясняем свои собственные способы подчинения себе других, которыми овладеваем в детстве. И как только мы сможем преодолеть в себе эту привычку, говорилось в откровении, мы откроем в себе свою высшую суть, наше «я» в развитии.

Я одолел Шестое откровение буквально за полчаса, и мне сразу стала ясна суть прочитанного. Прежде чем обрести ощущение, что жизнь движется вперед благодаря непостижимым стечениям обстоятельств, человек должен осознать, кто он есть на самом деле. Об этом состоянии духа в наши дни свидетельствовало уже немало людей.

В это время появился падре Карл. Заметив меня, он подошел.

– Закончили? – спросил он. по обыкновению тепло и дружелюбно.

– Ла.

– Не будете возражать, если я посижу тут с вами?

– Прошу вас.

Священник устроился рядом и, помолчав немного,

СПРОСИЛ:

– Вы поняли, что идете путем открытий?

– Думаю, что да. Ну и что?

– Теперь вам нужно твердо поверить в это.

– Каким образом, если мне так страшно?

– Вы должны понять, что поставлено на карту. Истина, к которой вы стремитесь, так же важна, как и сама эволюция Вселенной, ибо делает возможным ее продолжение.

Неужели не понимаете? Падре Санчес рассказывал мне о вашем видении эволюции на горной вершине. Вы проследили все развитие материи от простого колебания водорода до появления человека. Вам хотелось узнать, как люди продолжают этот процесс. Теперь вы нашли ответ: человек рождается, чтобы занять свое место в истории, чтобы что-то обрести и отстаивать. Он создает союз с другим человеком, тоже обретшим свое предназначение.

От этого союза появляются на свет дети, которые устремлены к сочетанию в себе на более высоком уровне истин отца и матери, и направляют их к этому стечения обстоятельств. Как вы, без сомнения, уже поняли из Пятого откровения, всякий раз, когда мы наполняемся энергией, происходит стечение обстоятельств, которое ведет нас дальше. Мы сами устанавливаем этот уровень энергии для себя, получая таким образом возможность существования на более высоком уровне колебания. Наши лети воспринимают уровень колебания от нас и выводят его на еще большую высоту. Так мы, люди, продолжаем эволюцию.

Сегодня разница заключается в том, что мы готовы сознательно осуществлять этот процесс и ускорять его. Как бы вы ни были напуганы, теперь у вас нет выбора. Когда вы узнали, в чем смысл жизни, это знание уже невозможно стереть. Если вы попытаетесь посвятить свою жизнь чему-нибудь другому, вас никогда не покинет ощущение, что вам чего-то не хватает.

– Но как мне быть теперь?

– Не знаю. Это можете знать только вы. Но я предложил бы вам сначала вобрать в себя немного энергии.

Из-за угла дома показался падре Санчес, который подошел, старательно отводя глаза в сторону и стараясь не шуметь, словно ему не хотелось прерывать нас. Я попытался сосредоточиться сам и сконцентрировать свой взгляд на окружавших дом скалистых вершинах. Глубоко вдохнув, я понял, что с того времени, как вышел на улицу, был полностью погружен в себя, словно у меня сузился кругозор. Я отсекал себя от красоты и величественности гор.

Вглядываясь в окружающую меня природу и сознательно пытаюсь насладиться ею, я испытал уже знакомое ощущение сопричастности. Казалось, все стало выступать более отчетливо и испускать едва заметное мерцание. Пришло ощущение легкости и бодрости во всем теле.

Я взглянул сначала на падре Санчеса, потом на падре Карла. Они пристально смотрели на меня, и мне стало ясно, что они следят за моим энергетическим полем.

– Ну, как я выгляжу? – спросил я.

– Вы выглядите так, словно вам стало лучше, – ответил Санчес. – Оставайтесь здесь и накапливайте как можно больше энергии. Нам еще минут двадцать собираться.

Священник лукаво улыбнулся.

– После этого, – добавил он, – вы будете готовы начать.

Приобщение к потоку

Священники вернулись в дом, а я провел еще несколько минут, любясь красотой гор и пытаюсь накопить побольше энергии. Затем я утратил сосредоточенность и стал рассеянно размышлять об Уиле. Где он? Близок ли к тому, чтобы найти Девятое откровение?

Я представил Уила бегущим через джунгли с зажатым в руке Девятым откровением, его преследовали солдаты. Мне пришло в голову, что руководит погоней кардинал Себастьян. Однако даже в этом видении было ясно, что Себастьян, несмотря на всю свою власть, неправ: кардинал совершенно неверно представляет воздействие, которое окажут откровения на людей. Мне показалось, что кто-то должен заставить его изменить точку зрения, если только нам удастся выяснить, какая часть Манускрипта так страшит его.

Пока я раздумывал над этим, мне вспомнилась Марджори. Где она сейчас? Я попытался представить нашу встречу. Как это произойдет?

Хлопнула входная дверь, и этот звук вернул меня к действительности. Я снова почувствовал слабость и нервозность. Из-за угла вышел Санчес и направился ко мне. Он шел быстрым, целеустремленным шагом.

Подсев ко мне, он спросил:

– Вы решили, как вам быть? Я покачал головой.

– По вашему виду не скажешь, что вы полны сил.

– А я и не чувствую этого.

– Может быть, набираясь энергии, вы действуете несколько бессистемно?

– Что вы имеете в виду? – Позвольте, я расскажу, как я набираюсь энергии. Возможно, мой метод пригодится вам, чтобы выработать собственный.

Я согласно кивнул, и священник принялся объяснять:

– Первым делом я сосредоточиваюсь на окружающем, что, как мне кажется, делаете и вы. Затем стараюсь представить, как выглядит мир вокруг, когда я наполнен энергией. Для этого я восстанавливаю в памяти красоту природы, особенно растений, их необыкновенно яркие цвета и исходящее от них мерцание. Вы следите за тем, что я говорю?

– Да, и стараюсь делать то же самое.

– Затем, – продолжал священник, – я стараюсь испытать чувство сопричастности, чувство

того, что я могу притронуться ко всему существу, соединиться с ним, как бы далеко это ни было. А потом делаю вдох и вбираю все это в себя.

– Делаете вдох и вбираете?..

– А разве падре Джон не объяснял вам этого?

– Нет.

Вид у Санчеса был смущенный:

– Возможно, он хотел вернуться и рассказать об этом позже. Этот юноша нередко так делает. Уходит и оставляет ученика поразмыслить над тем, чему только что научил, а потом, в самый нужный момент, появляется, чтобы добавить к своим наставлениям что-нибудь еще. Полагаю, Джон собирался еще раз поговорить с вами, но мы слишком быстро уехали.

– Хотелось бы узнать об этом соединении со всем сущим, – сказал я.

– Помните ощущение радости жизни, которое вас охватило на вершине?

– Помню.

– Чтобы вновь испытать это ощущение, я стараюсь вобрать в себя энергию, к которой только что приобщился.

Я старался ничего не упустить из рассказа Санчеса. Слушая объяснения священника, я почувствовал, что приобщаюсь к энергии все больше и больше. Мир вокруг меня расцвел необыкновенной красотой. Даже от камней, казалось, исходило беловатое свечение, а широко раздавшееся в стороны энергетическое поле Санчеса начало отливать голубым. Теперь священник сосредоточенно делал глубокие вдохи и задерживал секунд на пять дыхание перед тем, как выдохнуть. Я последовал его примеру.

– Когда мы представляем себе, – говорил Санчес, – что с каждым вдохом вбираем в себя энергию и наполняем ею как воздушный шар, нас охватывает необыкновенный подъем, мы чувствуем, что становимся значительно легче и бодрее.

Сделав несколько вдохов, я начал ощущать себя именно так.

– Вобрав в себя на вдохе энергию, – продолжал падре, – я проверяю, то ли самое чувство я испытываю. Как я уже говорил, я считаю это верным знаком того, что действительно приобщился.

– Вы имеете в виду любовь?

– Совершенно верно. В миссии мы уже говорили, что любовь – это не то, что создается силой разума, не моральный долг и не что-либо еще. Это чувство существует в виде фона и возникает у того, кто приобщается к энергии Вселенной, которая, несомненно, есть энергия Господа.

Падре Санчес пристально смотрел на меня, несколько сместив угол зрения.

– Ну вот, – проговорил он, – вы его и достигли. Это и есть тот уровень энергии, который вам необходим. Я вам немного помог, но вы уже готовы к тому, чтобы выходить на него самостоятельно.

– А что значит «немного помог»? Падре Санчес покачал головой:

– Пусть сейчас это вас не занимает. Узнаете об этом позже, в Восьмом откровении.

В эту минуту показался падре Карл. У него было такое выражение, словно ему доставляло удовольствие смотреть на нас. Подойдя, он обратился ко мне:

– Вы уже приняли решение?

7 Зак N» 104Его вопрос вызвал у меня раздражение; мне пришлось приложить все усилия, чтобы в результате этого не утратить энергию.

– Не поддавайте опять под свою ролевую установку и не уходите в себя, – предупредил падре Карл. – Вам не избежать выбора. Как, вы думаете, следует поступить?

– Ла никак я не думаю, – сказал я. – В этом-то и проблема.

– Вы уверены? Когда приобщишься к энергии, начинаешь мыслить уже по-другому.

Я удивленно посмотрел на него.

– Мысли, – принялся растолковывать он, – которые вы обыкновенно прокручиваете в голове, пытаясь контролировать происходящее, коренным образом меняются, ко г– – да отказываешься от своей ролевой установки. Как только вы наполняетесь внутренней энергией, ваше сознание по-сещают совершенно иные мысли, из какой-то возвышенной части вашего существа. Это ваша интуиция. Новые помыслы несут и новые ощущения. Они просто возникают в глубине души, иногда это видения или мимолетные картины, и приходят они на ум, чтобы направлять, вести вас.

Я так ничего и не понял.

– Расскажите, о чем вы размышляли, когда мы оставили вас одного, – попросил падре Карл.

– Я не уверен, что все помню.

– А вы постарайтесь вспомнить. Я попытался сосредоточиться:

– Мне кажется, я думал об У иле, близок ли он к тому, чтобы найти Девятое откровение, и еще я размышлял об ополчившемся на Манускрипт кардинале Себастьяне.

– А еще о чем?

– Я вспоминал Марджори – что с ней? Но как при помощи этого я узнаю, что мне делать?

– Позвольте мне объяснить, – начал падре Сан-чес. – Обретя достаточно энергии, вы готовы к сознательному участию в эволюции, к тому, чтобы самому задавать движение ее потоку, создавать стечения обстоятельств, которые будут вести вас вперед. Выражается ваше участие в своей же эволюции совершенно необычно. Сначала, как я уже говорил, вы накапливаете необходимое количество энергии, затем обращаетесь к своему основному жизненному вопросу – тому, с которым вас оставили родители, – потому что именно этот вопрос определяет направление вашей эволюции. Потом вы сосредоточиваетесь на своем жизненном пути, для чего обращаетесь к менее значительным вопросам, стоящим перед вами прямо сегодня. Эти вопросы непременно имеют отношение к вашему главному вопросу и определяют, на каком этапе жизненных исканий вы сейчас находитесь.

Осознав, какие вопросы вам необходимо решить в ближайшее время, вы при помощи интуиции непременно почувствуете, как быть и куда идти. Что-то обязательно подскажет вам, каким должен быть следующий шаг. Этого не произойдет лишь в том случае, если вы пришли не к тому вопросу. Понимаете, главное в жизни – не получать ответы. Главное – выяснить, в чем сегодня заключаются ваши вопросы. Если вы правильно сформулируете вопросы, ответы непременно найдутся.

После того как вы интуитивно почувствуете, что может произойти дальше, ваш следующий шаг в том, чтобы быть начеку и смотреть в оба. Рано или поздно возникнет стечение обстоятельств, благодаря которому вы начнете двигаться в направлении, подсказанном интуицией. Понимаете, о чем я говорю?

– Думаю, что да.

– Так вот, – продолжал священник, – не кажется ли вам, что эти мысли об Уиле, Себастьяне и Марджори имеют большое значение? Подумайте, исходя из пережитого вами в жизни, почему вы вспомнили об этих людях именно сейчас? Из своего детства вы вынесли желание узнать, каким образом сделать жизнь в духе увлекательным занятием, которое позволило бы вам вырасти в собственных глазах, верно?

– Верно.

«Повзрослев, вы заинтересовались таинственным, изучали социологию и работали с людьми, хотя еще не понимали, почему занялись именно этим. Затем, когда в вас что-то стало просыпаться, вы узнали о Манускрипте и поехали в Перу, нашли для себя, одно за другим,

откровения и постепенно из каждого выяснили, какой духовности вы разыскуете. С пониманием этого, если вы определите стоящие перед вами вопросы и уясните предлагаемые на них ответы, вы сможете обрести сверхсознание эволюции.

Я смотрел на него не говоря ни слова.

– Какие вопросы стоят сейчас перед вами? – спросил падре Карл.

– Думаю, мне хочется узнать, что таится в остальных откровениях, – признался я. – Особенно хочется выяснить, найдет ли Уил Девятое откровение. Я хочу знать, что с Марджори. И я должен разобраться, что представляет собой кардинал Себастьян.

– И что же подсказывает вам интуиция?

– Не знаю. Я думал о том, как встретиться с Марджори, об Уиле, которого преследовали солдаты. Что это значит?

– А где солдаты гнались за Уилом?

– В джунглях.

– Возможно, это говорит о том, куда вы должны отправиться. В джунглях расположен Икитос. А что насчет Марджори?

– Я видел, что снова встречу с ней.

– А Себастьян?

– Я подумал, что он противоборствует Манускрипту потому, что не понимает его, и что его можно переубедить, выяснив, что именно так страшит его в Манускрипте.

Оба священника переглянулись в полнейшем изумле нии.

– Ну и что же это значит? – спросил я. Падре Карл ответил вопросом на вопрос:

– А как вы считаете?

Впервые после испытанного на вершине я снова ощутил, что полон энергии и уверен в себе. Взглянув на них, я произнес:

– Думаю, это значит, что я должен отправиться в джунгли и попытаться выяснить, что пугает Церковь в Манускрипте.

– Совершенно верно! – улыбнулся падре Кард. – Можете взять мою машину.

Я кивнул, и мы пошли к дому, где прямо перед входом стояли машины. Мои вещи вместе с запасом еды и воды уже были уложены в автомобиль падре Карла. Грузовичок падре Санчеса тоже был готов.

– Вот что мне хочется вам сказать, – обратился ко мне Санчес. – Не забывайте останавливаться, сколько будет необходимо, и подзаряжаться энергией. Пусть вас не покидает ощущение полноты, не оставляет чувство любви. Помните, что как только вы сподобитесь состояния бесконечной любви, ваш запас энергии всегда будет восполнен, сколько бы ее у вас ни забирали. По сути дела, истекающая из вас энергия будет образовывать поток, который в том же объеме будет наполнять вас ею же. Вашей энергии уже не суждено иссякнуть, но только в том случае, если вас никогда не будет покидать чувство полноты и любви. Это особенно важно, когда вы взаимодействуете с людьми..._. Священник умолк. В это же время, словно они сговорились, ко мне подошел падре Карл:

– Вы познакомились со всеми откровениями, кроме двух – Седьмого и Восьмого. В Седьмом речь идет о сознательной эволюции человека, о постоянной готовности к любому стечению обстоятельств, ко всем ответам, которые посылает нам Вселенная.

Он вручил мне тоненькую папку:

– Это Седьмое откровение. Оно очень краткое и носит общий характер. В нем говорится, что нам часто бросаются в глаза такие вещи и приходят на ум такие мысли, которые наставляют нас на путь истинный. Что касается Восьмого откровения, в свое время вы сами придете к не 1197/му. В нем объясняется, как мы можем помочь другим людям, которые доставляют нам

искомые ответы. Более того, там описывается целый свод этических правил, которыми должны руководствоваться люди в своих отношениях, чтобы облегчить друг другу эволюцию.

– Почему же вы не можете передать мне Восьмое откровение прямо сейчас?

Падре Карл улыбнулся и положил мне руку на плечо:

– Потому что, по нашему мнению, этого не следует делать. Мы тоже должны следовать тому, что нам подсказывает интуиция. Вы обретете Восьмое откровение, как только верно поставите вопрос.

Я сказал, что мне все понятно. Священники обняли меня и пожелали всяческих благ. Падре Карл подчеркнул, что вскоре нам суждено встретиться вновь и что я действительно найду ответы, ради которых здесь и нахожусь.

Мы уже собирались разойтись по машинам, когда Сан-чес вдруг обернулся ко мне:

– Интуиция подсказывает, что я должен сказать вам следующее. Пусть на вашем пути вас ведет восприятие красоты и воображение. Те места и те люди, которые дадут вам нужные ответы, будут выглядеть светозарными и необыкновенно привлекательными. Более подробно узнаете об этом позже.

Кивнув, я сел в машину падре Карла и следовал за ними по каменистой дороге несколько миль, пока мы не подъехали к развилке. Санчес помахал мне рукой из заднего окна машины, и они с падре Карлом направились на восток. Я какое-то время смотрел им вслед, а потом повернул старый грузовичок на север, в сторону бассейна Амазонки.

Я чувствовал, как во мне растет раздражение. За три с лишним часа я преодолел немалое расстояние, а теперь стоял на развилке и никак не мог решить, которую из двух дорог выбрать.

Одна дорога уходила налево. Судя по карте, она на протяжении ста миль шла на север у подножия гор, а потом уходила на восток, к Икитосу. Другая вела направо и пролегла через тропический лес, чтобы в конце концов соединиться с первой дорогой.

Я глубоко вздохнул и попытался расслабиться, потом бросил взгляд в зеркало заднего вида. Никого. В самом деле, я уже больше часа никого не встречал – ни машин, ни бредущих по дороге местных жителей. Я попытался стряхнуть охватившее меня беспокойство, понимая, что должен расслабиться и сохранять сопричастность, если хочу принять верное решение.

Я сосредоточил внимание на том, что меня окружало. Дорога справа, проходя между несколькими огромными деревьями, вокруг которых из земли выступали массивные валуны, уходила вдаль к лесу. Громадные камни были окружены густыми зарослями тропических растений. Другая дорога – через горы – казалась голой. Там росло лишь одно дерево, другой растительности было очень немного, весь остальной пейзаж составляли скалы.

Я опять перевел взгляд на дорогу, ведущую к лесу, и попробовал вызвать состояние любви. Там ярко зеленели деревья и кустарники. Я обратил взгляд налево и попытался проделать то же самое. Тут же бросилась в глаза полоска цветущих трав на обочине. Сами травинки были блеклые и в пятнышках, однако белые цветы, если охватить сразу всех взглядом, создавали неповторимый узор. «Интересно, – думал я, – как это я раньше их не заметил?» Теперь они- уже чуть ли не светились. Я попытался охватить взглядом, то, что там было. Небольшие камни и коричневатые участки гравия, казалось, приобрели необычно четкие очертания, и их цвета стали значительно ярче. Все переливалось янтарными, фиолетовыми и даже темно-красными отблесками.

Я снова бросил взгляд на путь, ведущий в джунгли. Сама дорога, деревья и кустарники были красивы, но теперь не шли ни в какое сравнение с видом напротив. «Как это может быть, – недоумевал я. – Ведь сначала лесная дорога казалась более привлекательной». Я бросил еще один взгляд налево, и мое интуитивное впечатление стало еще ярче. Изящество форм и богатство красок просто поражали.

Это меня убедило. Я завел машину и двинулся по горной дороге, уверенный в том, что принял верное решение. Машину трясло: на дороге было полно камней и выбоин. Меня подбрасывало на сиденье – весь вес приходился на ягодицы, спина и шея – прямые, и ощущение было такое, что тело стало легче. Руки лежали на руле, но не опирались на него.

Часа два я ехал без происшествий, то и дело доставая что-нибудь из корзинки, которую собрал падре Карл. Дорога была совершенно пустынна и петляла то вверх, то вниз среди невысоких холмов. Забравшись на один из них, я заметил среди небольших деревьев две машины, которые выглядели просто развалинами. Они прижались к самому краю обочины. Людей не было видно, и я решил, что машины брошены. Дальше дорога резко поворачивала влево и серпантинном спускалась в широкое ущелье. С вершины холма было видно на несколько миль вокруг.

И тут я резко затормозил. На пути в ущелье по обеим сторонам дороги притаилось несколько военных машин. Рядом стояли солдаты. По спине пробежал холодок: дорога перекрыта. Я дал задний ход, чтобы убраться с вершины холма, поставил машину между двух больших валунов, затем вышел из нее и вернулся к месту, где ущелье было видно как на ладони, чтобы еще раз взглянуть, что там делается. Одна из военных машин двинулась в противоположную сторону.

Неожиданно позади послышались какие-то звуки, я резко обернулся. Это был Фил, эколог, с которым я познакомился в Висьенте.

Он был поражен не меньше меня.

– Что вы здесь делаете? – воскликнул ученый, бросаясь ко мне.

– Пытаюсь попасть в Икитос.

На липе Фила была написана явная тревога:

– Мы тоже, только власти совсем с ума посходили с этим Манускриптом. Пытаемся вот решить, стоит ли рискнуть и попробовать пробраться через этот заслон. Нас четверо. – Фил кивнул в сторону. За деревьями я действительно заметил несколько человек.

– А вам зачем в Икитос? – поинтересовался он.

– Пытаюсь разыскать Уила. Мы потеряли друг друга в Кула. Но, по слухам, он направился в Икитос на поиски оставшейся части Манускрипта.

От моих слов ученый, похоже, пришел в ужас:

– Он не должен делать этого! Военные запретили иметь у себя списки. Вы слышали о том, что произошло в Висьенте?

– Да, кое-что слышал, а что вам известно об этом?

– Меня самого там не было, но, насколько мне известно, военные ворвались туда и арестовали всех, кто имел списки. Были задержаны и допрошены все туристы. Дейла и других ученых куда-то увезли. Никто не знает, что с ними.

– А вы не знаете, отчего власти придают такое значение Манускрипту? – спросил я.

– Не знаю. Но когда я выяснил, насколько здесь становится опасно, я решил вернуться в Икитос, чтобы забрать результаты своих исследований и сразу же уехать из страны.

Я подробно рассказал о том, что случилось со мной и Уилом после отъезда из Висьенте, не забыв и о перестрелке в горах.

– Черт возьми, – проговорил он. – И вы по-прежнему играете во все это?

Его слова немного смутили меня, но я сказал:

– Послушайте, если мы ничего не предпримем, власти не оставят от Манускрипта и следа. Мир лишится знаний, которые несут откровения, а я считаю, что это очень важно.

– Настолько важно, что за это можно отдать жизнь? В это мгновение до нас донесся шум моторов. Машины военных двинулись по ущелью в нашу сторону.

– О, черт! – выругался Фил. – Вот и они.

Не успели мы и пошевелиться, как послышался рев двигателей и с другой стороны.

– Мы окружены! – закричал Фил. Казалось, его охватила паника.

Я подбежал к машине и быстро переложил содержимое корзины с продуктами в небольшой пакет. Вынув папки с Манускриптом, я тоже было положил их в пакет, но потом передумал и засунул под сиденье.

Рев моторов нарастал, и я метнулся за Филом через дорогу. Буквально скатившись по склону, я наткнулся на прижавшихся за камнями Филадельфия и его спутников. Я присоединился к ним. Оставалось уповать на то, что военные проедут мимо, посчитав, как и я, что машины брошены. Моего грузовичка видно не было.

Первыми подъехали военные, которые двигались с юга, и, к нашему ужасу, остановились у якобы брошенных машин.

– Не двигаться! Полиция! – раздался громкий голос. Мы замерли, сзади к нам подошли несколько военных. Все были вооружены до зубов и вели себя очень настороженно. Они обыскали нас с ног до головы, забрали все, что у нас было, а затем заставили выйти обратно на дорогу. Солдаты уже обыскивали наши машины. Филадельфия и его спутников посадили в один из армейских грузовиков. Когда он проезжал мимо, я успел заметить Филадельфия, бледного как смерть.

Меня отвели в другую сторону и предложили подождать на вершине холма. Рядом встали несколько человек с автоматами наизготовку. Через некоторое время подошел офицер, который швырнул/и к моим ногам папки со списками откровений. Сверху он бросил ключи от грузовичка падре Карла.

– Ваши списки? – осведомился офицер. Я взглянул на него, но ничего не ответил.

– Эти ключи были у вас, – сказал он. – В машине мы обнаружили списки. Спрашиваю еще раз, они ваши?

– Я не собираюсь отвечать, пока не увижу адвоката, – пробормотал я, запинаясь. Мои слова вызвали у офицера саркастическую усмешку. Он что-то сказал солдатам и ушел. Меня отвели в один из джипов и посадили вперед, рядом с водителем. На заднее сиденье сели двое конвоиров с автоматами. Несколько солдат расположились в другой машине. Вскоре оба джипа уже спускались в ущелье.

В голове мелькали тревожные мысли. Куда меня везут? Почему я повел себя так неосторожно? Даром меня готовили священники-, меня не хватило даже на один день. Там, на развилке, я был абсолютно убежден, что выбрал верную дорогу. Этот путь показался мне более заманчивым. Я был так уверен в своем решении. Где я допустил ошибку?

Глубоко вздохнув, я попытался расслабиться, думая о том, как вести себя. Буду говорить, что ничего не знаю, думал я, и представляться сбившимся с пути безобидным туристом. Скажу, что просто попал не в ту компанию. Отпустите, мол, домой.

Руки у меня лежали на коленях и слегка дрожали. Один из сидевших позади конвоиров предложил мне флягу с водой. Я взял ее, но пить не смог. Солдат был молодой парень, и когда я возвращал флягу, он улыбнулся. На лице его не было и тени враждебности. На мгновение я вспомнил панический взгляд Филадельфия. Что-то будет с ним?

Мне пришло в голову, что эта встреча с Филом – стечение обстоятельств. Но что оно может значить? О чем мог пойти разговор, если бы нас не прервали? По сути дела, я лишь отметил исключительную важность Манускрипта, а он предупредил, что здесь опасно, и посоветовал выбираться отсюда, пока меня не схватили. К сожалению, он опоздал с советом.

Мы ехали уже несколько часов, и никто не произнес ни слова. Местность за окном становилась все более ровной. Потеплело. Самый молодой из солдат передал мне открытую банку консервов – что-то вроде тушеной говядины, – но мне снова ничего не лезло в горло.

Зашло солнце, и стало быстро темнеть.

Я ехал, ни о чем не думая и тупо глядя вперед, на дорогу, освещенную светом фар, а потом незаметно погрузился в беспокойный сон. Мне снилось, что я от кого-то скрываюсь. Я бежал изо всех сил, спасаясь от неведомого врага; вокруг пылали сотни громадных костров, и я знал, что где-то здесь наверняка есть тайный ключ, который откроет путь к знанию и спасет меня. Вдруг я увидел этот ключ посреди одного из гигантских костров и рванулся, чтобы вытащить его.

Я дернулся и проснулся весь в поту. Солдаты с подозрением глядели на меня. Встряхнув головой, я прислонился к дверце машины. Всматриваясь в выступающие сквозь темноту очертания местности, я боролся с подступающей паникой. Я был совсем один, меня куда-то везли под конвоем во мраке ночи, и никому не было дела до моих кошмарных снов.

Около полуночи мы подъехали к большому, тускло освещенному зданию. Двухэтажное, оно было сложено из каменных блоков. Мы прошли по дорожке мимо главного входа и вошли в боковую дверь. Ступеньки вели вниз в узкий коридор. Внутри здания стены тоже были каменные, а потолок был устроен из грубо оструганных досок, прибитых к широким балкам. Дорогу освещали подвешенные к потолку электрические лампы. Миновав еще одну дверь, мы попали в помещение, где располагались камеры. Нас догнал солдат, который по дороге на некоторое время куда-то исчез. Он открыл дверь одной из камер и жестом предложил мне зайти.

Внутри было три койки, деревянный стол и ваза с цветами. Удивило то, что в камере было очень чисто. Когда я входил, из-за двери на меня робко глянул молодой перуанец лет восемнадцати. Конвоир запер за мной дверь и ушел. Я присел на одну из коек, а юноша достал керосиновую лампу и зажег ее. Когда она осветила его лицо, я увидел, что он – индеец.

– Вы говорите по-английски? – спросил я.

– Да, немного, – отозвался паренек.

– Где мы находимся?

– Недалеко от Пуллкупа.

– Это тюрьма?

– Нет, сюда привозят, чтобы допрашивать о Манускрипте.

– Вы здесь давно?

Юноша застенчиво поднял на меня карие глаза:

– Два месяца.

– И что они с вами делают?

– Пытаются заставить разувериться в Манускрипте и рассказать о тех, у кого есть списки.

– И как же они это делают?

– Они со мной беседуют.

– Просто беседуют, не угрожают?

– Просто беседуют, – повторил он.

– Они не говорили, когда отпустят вас?

– Нет.

На какой-то миг я замолчал, и мой собеседник вопросительно посмотрел на меня.

– Вас задержали со списками Манускрипта? – спросил он.

– Да. А вас?

– Тоже. Я живу здесь неподалеку, в приюте. Директор приюта учил тому, о чем говорится в Манускрипте. Он разрешал мне учить детей. Ему удалось скрыться, а меня арестовали.

– Сколько же откровений вы прочитали? – поинтересовался я.

– Все, что найдены. А вы?

– Э-э, я прочел все, кроме Седьмого и Восьмого. У меня было Седьмое, но не было времени

прочитать, а тут нагрянули солдаты.

Юноша, зевнув, спросил:

– Может, ляжем спать?

– Да, – рассеянно согласился я. – Конечно.

Я лег на койку, закрыл глаза, а в голове не переставая вертелись мысли. Что теперь делать? Как же я так попался? Удастся ли бежать? Я набросал не один стратегический план и сценарий действий, и лишь потом задремал.

205 Мне снова приснился сон, в котором все было как наяву. Я опять искал тайный ключ, но на этот раз заблудился в дремучем лесу. Я долго шел напропалую, и мне очень хотелось, чтобы что-нибудь помогло найти верный путь. Через какое-то время налетела страшная гроза, и все вокруг затопило. Поток воды меня смыло в глубокое ущелье, а потом – в реку, которая понесла меня туда, где я стал тонуть. Я изо всех сил выгребал против течения и барахтался в реке, как мне казалось, не один день. В конце концов мне удалось выбраться из потока и прибиться к скалистому берегу. Я стал карабкаться вверх по камням и обступавшим реку отвесным утесам, забираясь все выше. Подниматься становилось все опаснее. Я собрал всю силу воли и мобилизовал весь свой опыт, чтобы преодолеть эти утесы, но в какой-то момент почувствовал, что стою, прижимаясь к поверхности скалы, и не могу двинуться дальше. Посмотрев вниз, я, пораженный, понял, что река, с которой я столько боролся, вытекает из леса и величаво разливается среди великолепия берегов и пойменного луга. На лугу среди цветов я увидел ключ. Неожиданно оступившись, я с криком рухнул вниз, в реку, и ушел под воду.

Задыхаясь, я резко подскочил на койке. Юный индеец, который, по всей видимости, уже не спал, подошел ко мне.

– Что случилось?! – спросил он.

Я отдышался и огляделся, соображая, где я. Я успел заметить, что в комнате есть окно и что снаружи уже светло.

– Всего лишь дурной сон, – проговорил я. Юноша улыбнулся, будто ему понравилось то, что я сказал.

– В дурных снах – самые важные вести, – заметил он.

– Вести? – переспросил я, вставая и накидывая рубашку.

Казалось, он озадачен тем, что это нужно объяснить.

– О снах говорится в Седьмом откровении, – проговорил он.

– И что же там о них говорится?

– Там рассказывается, как... э-э...

– Толковать сны?

– Ла. С ' . ' \,

– И как же?

– Нужно сравнивать происходящее во сне с тем, что происходит в вашей жизни.

На какое-то мгновение я задумался, не совсем понимая, что это значит.

– Что значит – сравнивать с тем, что происходит? Юный индеец отвел взгляд:

– Хотите, истолкуем ваш сон?

Утвердительно кивнув, я рассказал ему о приснившемся.

Он внимательно выслушал, а потом предложил:

– Сравните главные события сна с тем, что у вас было в жизни.

Я посмотрел на него:

– Ас чего начать?

– С самого начала. Что вы сначала делали во сне?

– Искал ключ в лесу.

– И что вы при этом чувствовали?

– Чувствовал, что заблудился.

– Сравните эту ситуацию с вашей сегодняшней.

– Может, они и на самом деле как-то связаны, – предположил я. – Я ищу ответы, касающиеся Манускрипта, и на самом деле, черт возьми, чувствую, что заблудился.

– А что еще произошло с вами в действительности?

– Меня задержали. Как я ни старался, меня заключили в тюрьму. Единственное, на что я могу теперь надеяться, – это уговорить кого-нибудь отпустить меня домой.

– Вы не хотели, чтобы вас поймали?

– Конечно нет.

– Что было во сне после этого?

– Я боролся с течением.

– А почему?

Тут я стал соображать, куда он клонит:– Лумал, что утону.

– А если бы не боролсь?

– То меня вынесло бы к ключу. Вы хотите сказать, что даже не пытаюсь изменить сложившуюся ситуацию, я смогу все же получить искомые ответы?

Мой собеседник озадаченно произнес:

– Я ничего не хочу сказать. Говорит сон. Я задумался. Верно ли это толкование? Юный индеец снова поднял на меня глаза:

– Если бы вы снова очутились в этом сне, что бы вы сделали по-другому?

– Я не стал бы бороться с течением, даже если бы мне казалось, что я тону. Я уже понимал бы, что к чему.

– Что представляет для вас угрозу сейчас?

– Наверное, военные и то, что я арестован.

– Так в чем же состоит посланная вам весть?

– Вы считаете, весть этого сна в том, что нужно положительно отнестись к аресту?

Он ничего не сказал в ответ, а только улыбнулся.

Я сидел на койке, прислонившись к стене. Это толкование взволновало меня. Если оно точно, то, значит, в конце концов никакой ошибки на развилке я не допустил, это лишь часть того, что должно было произойти.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Пабло.

Улыбнувшись, я тоже представился, а потом вкратце рассказал, почему оказался в Перу и что из этого вышло. Пабло сидел на койке, упершись локтями в колени. У него были коротко подстриженные черные волосы, и он был очень худым.

– Почему вы оказались здесь? – спросил он.

– Я пытался выяснить все насчет Манускрипта.

– А конкретнее?

– Чтобы узнать о Седьмом откровении и о моих друзьях – Уиле и Марджори... и, я думаю, чтобы понять, отчего Церковь так настроена против Манускрипта.

– Священников здесь хватает, есть с кем поговорить.

Какое-то время я размышлял над его последними словами, а потом спросил:

– А что еще говорится о снах в Седьмом откровении?

Пабло стал рассказывать, что сны посылаются для того, чтобы мы узнали, чего нам не хватает в жизни. Потом он говорил о чем-то еще, но я не слушал, а отдался мыслям о Марджори. Мне ясно представлялось ее лицо, я подумал – где же она может быть, и тут же увидел, что она,

улыбаясь, бежит ко мне.

Ло меня вдруг дошло, что Пабло перестал рассказывать. Я взглянул на него:

– Прошу прощения, задумался. О чем вы сейчас говорили?

– Ничего, ничего. – успокоил меня юноша. – А вот о чем вы задумались?

– Так, о своем приятеле. Ничего особенного.

У Пабло был такой вид, будто он собирается настоять на своем вопросе, но в это мгновение мы услышали, что кто-то подошел к двери. Через решетку было видно охранника, который отпирал засов.

– Пора завтракать, – пояснил Пабло.

Стражник распахнул дверь и кивнул головой, предлагая выйти. Я пошел за Пабло по каменному коридору. Мы дошли до лестницы и, поднявшись на один пролет, очутились в небольшой столовой. В углу стояло человек пять солдат, а в очереди за завтраком – люди в гражданском: двое мужчин и женщина.

Я остановился, не веря своим глазам. Эта женщина была Марджори. Она тоже увидела меня и, прикрыв рукой рот, широко раскрыла глаза от удивления. Я бросил взгляд на сопровождавшего нас солдата. Он с беззаботным видом направился к другим военным, улыбаясь на ходу и обращаясь к ним по-испански. Пабло прошел через столовую и встал в конец очереди. Я последовал за ним.

Подошла очередь Марджори. Лвое мужчин уже взяли свои подносы и, о чем-то разговаривая, сели за один столик. Марджори несколько раз оглядывалась и, встречая мой взгляд, еле сдерживалась, чтобы не сказать что-нибудь. Когда она обернулась во второй раз, Пабло догадался, что мы знакомы, и вопросительно посмотрел на меня. Марджори отнесла свой завтрак за пустой стол, и мы, получив еду, подошли туда же и подсели к ней. Солдаты по-прежнему разговаривали между собой и, похоже, не обращали на нас внимания.

– Господи, как я рада увидеть вас! – проговорила Марджори. – Как вы здесь очутились?

– Я некоторое время скрывался у одних священников, – ответил я. – Потом поехал искать Уила, а вчера меня арестовали. Вы уже давно здесь?

– С тех пор, как меня обнаружили тогда на склоне. Я заметил, что Пабло пристально наблюдает за нами, и представил его девушке.

– Насколько я понимаю, это должна быть Марджори, – проговорил он.

Они обменялись несколькими фразами, а затем я спросил ее:

– Что с вами произошло еще?

– Не так уж много. Я даже не знаю, почему меня арестовали. Каждый день приводят на допрос к одному из священников или офицеров. Они хотят знать, с кем я была связана в Висьенте и известно ли мне, у кого еще имеются списки. Раз за разом одно и то же!

Марджори улыбнулась и показалась мне такой беззащитной, что я снова ощутил сильное влечение. Она незаметно бросила на меня внимательный взгляд. Мы оба негромко рассмеялись. За завтраком все молчали, под коней распахнулась дверь и в сопровождении военного, по всей видимости старшего офицера, вошел священник в парадном облачении.

– Этот у священников самый главный, – пояснил Пабло.

Офицер что-то бросил солдатам, вытянувшимся по стойке «смирно», после чего он со священником направился через столовую в кухню. Священник посмотрел прямо на меня, наши взгляды встретились на миг, который показался мне вечностью. Я отвернулся и продолжил трапезу, не желая привлекать к себе внимания. Офицер со священником вышли на кухне через какую-то дверь.

– Это один из тех, с кем вы говорили? – обратился я к Марджори.

– Нет, – ответила она. – Я его в первый раз вижу.

– Я знаю этого священника, – проговорил Пабло. – Он приехал вчера. Его зовут кардинал Себастьян. Я так и подскочил на стуле:

– Это был Себастьян?

– Похоже, вы о нем слышали, – заметила Марджори.

– Слышал, – подтвердил я. – Он – главный, кто стоит за противодействием Церкви Манускрипту. Я считал, что он находится сейчас в миссии падре Санчеса.

– А кто такой падре Санчес? – заинтересовалась Марджори.

Я хотел было рассказать о нем, но в это время к столику подошел наш конвоир и жестом предложил мне и Пабло следовать за ним.

– Время прогулки, – проговорил Пабло. Мы с Марджори переглянулись. В ее глазах была ' скрытая тревога.

– Не волнуйтесь, – успокоил я ее. – Поговорим за обедом. Все будет хорошо.

Шагая на прогулку, я задумался: а обоснован ли мой оптимизм? Эти люди могли в любой момент сделать так, что мы исчезнем бесследно. Солдат провел нас через небольшой холл, вывел на лестницу и встал у выхода. Мы спустились во дворик, окруженный высокой каменной стеной. Пабло кивком предложил мне пройтись по периметру дворика. Пока мы прогуливались, он несколько раз наклонялся, чтобы сорвать цветок с разбитых около стен клумб.

– О чем еще говорится в Седьмом откровении? – спросил я.

Он наклонился и сорвал еще один цветок. – В нем говорится, что не только сны подсказывают нам, как быть. Наставления посылаются и в помыслах, и в ^видениях. – – .», рју да^ Qg этом Говорил падре Карл. Расскажите, каким образом наставления посылаются в видениях.

– Вам могут привидеться определенные события, которые укажут на все, что может произойти с вами. Если отнестись к этому со вниманием, то можно быть готовым к любому повороту в своей жизни. ^"~~ Я посмотрел на него:

– Знаете, Пабло, мне привиделось, что я встречу Марджори. И я встретил ее.

Он улыбнулся.

По спине у меня пробежал холодок. Похоже, я на самом деле оказался там, где нужно. То, что я интуитивно предвидел, сбылось. Мне не раз приходила в голову мысль, что я найду Марджори, и вот теперь это случилось. Произошло стечение обстоятельств. Я почувствовал себя легче.

– Такие мысли приходят нечасто, – признался я. Пабло отвернулся в сторону:

– В Седьмом откровении говорится, что таких мыслей у всех нас гораздо больше, чем мы это сознаем. Для того чтобы распознать их, мы должны быть очень наблюдательны. Когда что-то приходит в голову, необходимо задать вопрос – почему? Почему сейчас я подумал именно об этом? Какое это имеет отношение к стоящим передо мной в жизни вопросам? Если мы постараемся думать таким образом все время, то это поможет избавиться от необходимости за всем постоянно следить. Таким образом, мы оказываемся в потоке эволюции.

– А как насчет черных мыслей? – спросил я. – Например, страха перед тем, что может случиться что-то плохое: пострадает любимый человек или не удастся достичь чего-то очень желанного?

– Очень просто, – объяснил Пабло. – В Седьмом откровении сказано, что видениям, вызванным страхом, как только они появляются, нужно ставить заслон. После этого, необходимр» волевым усилием представить, что все кончается хорошо. И черные мысли практически перестанут одолевать вас. Ваша интуиция будет настроена на положительное. Если же будет представляться что-то плохое и после этого, то, говорится в Манускрипте, к этому следует подойти со всей серьезностью и не следовать за воображением. Если, например, вам

пришло в голову, что вы попадете в автомобильную катастрофу, то следует ответить отказом на предложение подвезти вас на машине.

Мы обошли дворик кругом и приближались к конвоиру. Когда мы проходили мимо, ни один из нас не произнес ни слова. Пабло сорвал цветок, а я глубоко вздохнул. Было тепло, воздух был влажный. Стены нашей тюрьмы окружала густая тропическая растительность. Я заметил москитов.

– Пошли! – неожиданно скомандовал солдат. Он проводил нас в здание, и мы вернулись в свою камеру. Пабло вошел первым, а мне солдат загородил дорогу рукой.

– Тебе нет, – сказал он и кивком велел следовать за ним по коридору. Потом мы поднялись вверх по какой-то лестнице и вышли на улицу там, где меня ввели в здание вчера вечером. На стоянке перед домом на заднее сиденье большого лимузина усаживался падре Себастьян. Водитель захлопнул за ним дверцу. На какое-то мгновение Себастьян 'взглянул на меня, потом отвернулся и что-то сказал водителю. Машина рванула с места.

Конвоир подтолкнул меня к главному входу. Мы вошли, и он привел меня в какой-то кабинет. Мне было предложено сесть на деревянный стул, стоявший напротив белого металлического стола. Через несколько минут вошел невысокий светловолосый священник лет тридцати и, не' обращая на меня внимания, расположился за столом. В течение минуты он листал какую-то папку, а потом поднял глаза. В своих круглых очках в золотой оправе он производил впечатление интеллигентного человека.

– Вы арестованы за то, что имени при себе документы, запрещенные по закону, – проговорил он невыразительным голосом. – Я здесь для того, чтобы разобраться,

212 правильно ли вам предъявлено обвинение. Надеюсь, вы мне в этом поможете.

Я согласно кивнул.

– Откуда вы взяли эти переводы?

– Не понимаю, – сказал я, – почему считаются незаконными списки старинной рукописи?

– У правительства Перу свои соображения на этот счет, – проговорил он. – Пожалуйста, отвечайте на вопрос.

– А какое отношение к этому имеет Церковь? – спросил я.

– Потому что этот Манускрипт идет вразрез с традициями нашей веры, – начал священник. – В нем в ложном свете представлен дух нашей Церкви. Где...

– Послушайте, – перебил я его. – Я только пытаюсь понять это. Я всего лишь турист, и мне показался интересным этот Манускрипт. Я ни для кого не представляю угрозы. Мне лишь хочется узнать, почему он вызывает такую тревогу?

Следователь, похоже, растерялся и словно пытался решить, какую тактику лучше применить по отношению ко мне. Я же сознательно давил на него, чтобы выведать подробности.

– Церковь считает, что этот Манускрипт сбивает наш народ с толку, – старательно выговаривал священник. – Он создает впечатление, что люди сами в состоянии решить, как им жить, пренебрегая тем, о чем говорится в Писании.

– Где в Писании?

– Например, в заповеди о том, что должно почитать отца своего и мать свою.

– И что при этом имеется в виду?

– В Манускрипте, если с человеком что-то не так, вся вина перекладывается на родителей, а это подрывает устои семьи.

– А мне казалось, в нем говорится о том, что нужно покончить со старыми обидами и по-новому, более положительно, оценить свое детство.

– Нет, – отрезал следователь. – Манускрипт уводит с пути истинного. Начнем с того, что никаких отрицательных чувств никогда не должно и быть.

– Разве родители не могут ошибаться?

– Родители делают для детей все, что в их силах. Дети должны прощать их.

– Но ведь это как раз и растолковывается в Манускрипте! Разве не желание простить приходит, когда мы осознаем все хорошее в своем детстве?

– Но от чьего имени говорится все это в Манускрипте? – повысил он голос, выйдя из себя. – Как можно верить какой-то рукописи?

Священник обошел вокруг стола и рассерженно уставился на меня сверху вниз:

– Вы ведь даже не понимаете, что говорите. Вы что, ученый богослов? Лумаю, что нет. Вы сами являете пример того, какое смятение в умах производит Манускрипт. Неужели не понятно, что в мире существует порядок только потому, что есть закон и власть? Как же вы можете подвергать сомнению действия властей в этом вопросе?

Я ничего не ответил, и от этого мой следователь, похоже, разъярился еще больше.

– Вот что я вам скажу, – заявил он. – Наказание за совершенное вами преступление предусматривает не один год тюрьмы. Вы не бывали в перуанской тюрьме? Может быть, вы, как все янки, сгораете от любопытства и хотите узнать, что собой представляют наши тюрьмы? Я могу вам это устроить! Понятно? Я могу это устроить!

Он с глубоким вздохом умолк. Потом поднес руку к глазам, по всей видимости, стараясь успокоиться, – Я здесь для того, чтобы выяснить, у кого имеются списки и откуда они поступают. Спрашиваю еще раз: откуда у вас эти переводы?

Вспышка его гнева заставила меня всерьез встревожиться. Своими вопросами я лишь усугублял свое положение. Что предпримет этот человек, если я не стану отвечать? Но ведь не мог же я назвать имена падре Санчеса и падре Карла!

– Мне нужно немного подумать, прежде чем я все вам расскажу, – наконец нашелся я.

На какой-то миг у меня создалось впечатление, что сейчас следователь разразится еще одной вспышкой гнева. Но потом внутреннее напряжение у него спало; он, похоже, очень устал.

– Даю вам срок до завтрашнего утра, – произнес он и жестом приказал стоявшему в дверях конвоиру увести меня. Я последовал за солдатом обратно в камеру.

Ни слова не говоря, я прошел к своей койке и лег, чувствуя крайнюю усталость. Пабло смотрел в окно через решетку.

– Вы говорили с падре Себастьяном? – поинтересовался он.

– Нет, это был другой священник. Он хотел узнать, откуда у меня списки.

– И что он говорил?

– Ничего. Я сказал, что мне нужно время подумать, и он дал мне срок до завтра.

– Этот человек что-нибудь говорил про Манускрипт? Я взглянул Пабло в глаза, и на этот раз он не опустил голову.

– Священник говорил, что Манускрипт подрывает освященные традицией истины, – сказал я. – А потом вышел из себя и стал угрожать.

Пабло, похоже, искренне удивился:

– Это был шатен в круглых очках?

– Да.

– Его зовут падре Костус. Что он еще говорил?

– Я не согласился с тем, что Манускрипт подрывает традиции, – ответил я. – Тогда он начал угрожать мне тюрьмой. Как вы считаете, он это серьезно?

– Не знаю, – проговорил Пабло. Он подошел и сел на свою койку напротив меня. Было видно, что у него есть еще какие-то соображения, но я так устал и был настолько напуган, что закрыл глаза. Проснулся я от того, что Пабло тряс меня.

– Время обедать, – сообщил юноша.

Мы поднялись за охранником наверх, где нам подали по тарелке жесткой говядины с картошкой. Двое мужчин, которых мы видели в прошлый раз, вошли после нас. Марджори с ними не было.

– А где Марджори? – обратился я к ним, стараясь говорить шепотом. Они пришли в ужас от того, что я заговорил с ними, а солдаты пристально посмотрели на меня.

– Думаю, они не говорят по-английски, – сказал Пабло.

– Но где же она? – грустно произнес я.

Пабло что-то сказал в ответ, но я опять не слушал его. Мне вдруг представилось, что я куда-то убегаю, мчусь по какой-то улочке, а затем ныряю в дверь, ведущую к свободе.

– О чем вы думаете? – спросил Пабло.

– Мне почудилось, что я вырвался на свободу, – ответил я. – А о чем вы говорили?

– Пойдите, – сказал Пабло. – Не упустите свою мысль. Может быть, это важно. Каким образом вы вырвались на свободу?

– Я бежал по какому-то переулку или улочке, а потом шмыгнул в какую-то дверь. Было такое впечатление, что побег удался.

– И что вы думаете об этом видении?

– Не знаю, – признался я. – Похоже, здесь нет логической связи с тем, что мы обсуждали.

– А вы помните, о чем мы говорили?

– Да. Я спрашивал о Марджори.

– А вам не кажется, что Марджори и ваше освобождение как-то связаны между собой?

– Никакой явной связи я не усматриваю. – А как насчет неявной?

– Не вижу, какая здесь может быть связь. Какое отношение к Марджори могут иметь мои фантазии об освобождении? Вы считаете, она уже на свободе?

Вид у него был задумчивый:

– Вам подумалось, что на свободе оказались вы.

– Ну да, верно. Может быть, я вырвусь на свободу без нее. – Тут я взглянул на Пабло. – А может, вырвусь на свободу с ней.

– Я остановился бы именно на таком предположении, – сказал он.

– Но где же она тогда?

– Не знаю.

Обед мы заканчивали молча. Я был голоден, но пища казалась слишком тяжелой. Почему-то я чувствовал себя усталым и вялым. Чувство голода быстро прошло.

Я обратил внимание, что Пабло тоже не ест.

– Думаю, нам нужно вернуться в камеру, – сказал он.

Я кивнул, и он жестом попросил охранника отвести нас обратно. Придя в камеру, я растянулся на койке, а Пабло сел и стал смотреть на меня.

– У вас, похоже, снизился уровень энергии, – проговорил он.

– Да, – подтвердил я. – Не могу понять, что случилось.

– Вы не пробовали вбирать в себя энергию? – спросил юноша.

– Думаю, что нет. А от этой пищи никакого толку.

– Но если вбирать в себя все, не нужно много пищи. – И Пабло обвел рукой перед собой, чтобы подчеркнуть это «все».

– Это я знаю. Однако в подобном положении для меня непросто излить поток любовью.

Мой собеседник в недоумении посмотрел на меня:

– Но если так не делать, вы причините себе вред.

– Что значит – причиню себе вред?

– Ваше тело колеблется на определенном уровне. И если вы допускаете значительное

снижение своей энергии, то от этого страдает и тело. В этом и заключается связь между подавленным состоянием и болезнью. Дюбовь – способ поддержания энергии. Благодаря ей мы сохраняем здоровье. Вот насколько это важно.

– Дайте мне несколько минут, – попросил я.

Я принялся выполнять то, чему меня учил падре Сан-чес. И тут же почувствовал себя лучше. Все вокруг выступило более отчетливо. Я закрыл глаза и сосредоточился на этом ощущении.

– Вот, хорошо, – донеслось до меня.

Я открыл глаза и увидел, что Пабло расплылся в улыбке. Облик у него был еще совсем мальчишеский, но глаза казались теперь исполненными зрелой мудрости.

– Я вижу, как вы наполняетесь энергией, – сообщил паренек.

Вокруг тела Пабло было различимо чуть заметное поле зеленого цвета. Свежие цветы, поставленные им в вазу на столе, казалось, тоже излучали мерцание.

– Для того чтобы уяснить для себя Седьмое откровение и действительно встать на путь эволюции, – произнес он, – нужно действовать в соответствии со всеми откровениями, превратив их в образ жизни.

Я ничего не ответил, а юный индеец спросил:

– Можете ли вы сказать, как откровения изменили ваше мировоззрение? Я задумался:

– Полагаю, что я проснулся и увидел: мир – это тай-на, где будет послано все, в чем нуждаешься, если сумеешь раскрыться и встать на путь истины.

– И что потом? – продолжал расспрашивать он.

– Потом мы готовы включиться в поток эволюции.

– И как же мы можем сделать это? Я снова задумался:

– Тем, что четко представляем себе вопросы, стоящие перед нами в жизни. А затем стараемся не упустить указа 2)19ia ния, которые посылаются во сне либо приходят к нам в виде интуитивного озарения, а бывает, что мы начинаем просто видеть окружающее в совершенно новом свете, все просто бросается нам в глаза.

Я опять помолчал, пытаясь мысленно охватить все откровения, а потом добавил:

– Мы заряжаемся энергией и целиком сосредоточиваемся на том, что происходит с нами сейчас и какие вопросы стоят перед нами. Затем интуитивно постигаем некое наставление, открывающее нам, куда идти и что делать, и вот тогда-то и происходит стечение обстоятельств, которое позволяет нам реально осуществить наши помыслы.

– Ла! Да! – воскликнул Пабло. – Именно так: стечения обстоятельств приводят нас к чему-то новому, мы растем, наша жизнь становится более наполненной, и в конце концов мы переходим к существованию на более высоком уровне колебаний.

Пабло склонился ко мне, и я заметил вокруг него невероятных размеров энергетическое поле. Он просто лучился и больше не казался юношески застенчивым, от него исходила какая-то мощь.

– Пабло, что с вами произошло? – поразился я. – При нашей первой встрече вы не казались таким уверенным, знающим и совершенным.

Он рассмеялся:

– Когда вы появились, я рассеял свою энергию. Поначалу я полагал, что вы поможете мне с потоком энергии, но потом понял, что вы еще не научились этому. Это знание постигается из Восьмого откровения.

Я был озадачен:

– И чего же я не сделал?

– Вы должны запомнить, что все ответы, которые являются нам каким-то непостижимым образом, на самом деле приходят от других людей. Поразмыслите над всем, что вы узнали с тех

пор, как попали в Перу. Разве все ответы вы получили не через поступки других людей, с которыми непонятно почему встретились?

Я задумался. Юноша был прав. Я встречался именно с теми людьми, которые мне были нужны в самые подходящие для этого моменты, – с Чарлин, Лобсоном, Уилом, Дэйлом, Марджори, Филом, Рено, падре Санчесом и падре Карлом и вот теперь – с Пабло.

– Ведь даже сам Манускрипт написан каким-то человеком. – добавил Пабло. – Однако не у всех, с кем вы встречаетесь, может быть достаточно энергии или ясности мышления, чтобы открыть вам ту весть, которую они несут вам. Вы должны помочь этим людям, посылая им энергию. – Пабло помолчал. – Вы как-то говорили, что научились изливать свою энергию на растение, сосредоточившись на его красоте, помните?

– Помню.

– Так вот. к человеку необходим такой же подход. Когда энергия входит в него, она помогает ему понять свою истину, и тогда этот человек сможет передать эту истину вам.

– В качестве примера можно привести падре Косту-са, – продолжал юноша. – Он должен был сообщить что-то важное, но вы не помогли ему открыть вам это. Вы лишь пытались получить у него ответы, и это превратилось в борьбу между вами за энергию. Когда падре почувствовал это в разговоре, возобладала его детская ролевая установка, его «следователь».

– А что мне нужно было сказать? – спросил я.

Пабло не ответил. Мы снова услышали, что кто-то приблизился к двери.

И в камеру вошел падре Костус.

Он кивнул Пабло, и на лице его промелькнула улыбка. Пабло буквально весь засветился, словно священник на самом деле ему очень нравился. Падре Костус перевел взгляд на меня, и выражение его лица стало суровым. Внутри у меня все сжалось от тревожного предчувствия.

– О вас спрашивал кардинал Себастьян, – проговорил он. – Сегодня днем вас перевезут в Икитос. Я посоветовал бы вам отвечать на все его вопросы. – Зачем я ему? – недоумевал я.

– Затем, что машина, которая была у вас в момент ареста, принадлежит одному из наших священников. Мы понимаем, что вы получили свои списки Манускрипта от него. Если один из священников нашей Церкви пренебрегает законом – это дело серьезное. – И падре Костус с решительным видом посмотрел на меня.

Я бросил быстрый взгляд на Пабло, который ободряюще кивнул, и снова обратился к падре.

– Вы считаете, что Манускрипт подрывает вашу веру? – осторожно спросил я.

Он посмотрел на меня снисходительно:

– Не только нашу, но и веру всех людей. Неужели вы думаете, что не существует предопределения для мира сего? Все в руках Господа. Он определяет, что нам суждено. Наше дело – следовать законам, ниспосланным Господом. Эволюция – это миф. Господь творит будущее по промыслу своему. Утверждать, что люди сами могут прийти к эволюции, – значит, отрицать волю Божию. Это толкает людей к самовозвеличиванию и отчуждению. Они начинают придавать большее значение своей эволюции, а не Божьему предопределению. Друг к другу они станут относиться еще хуже, чем теперь.

Я не знал, о чем еще спросить падре Костуса. Священник какое-то время смотрел на меня, а потом почти добродушно произнес:

– Надеюсь, вы поможете кардиналу Себастьяну.

Он повернулся к Пабло. и в его взгляде чувствовалось, что он горд тем, как ответил на мои вопросы. Пабло лишь улыбнулся и снова кивнул. Священник вышел, и охранник запер за ним дверь. Пабло на своей койке наклонился и посмотрел на меня: он сиял и по-прежнему выглядел совсем другим человеком, и в его взгляде сквозила уверенность.

Я посмотрел на него и улыбнулся.

– Я выяснил, что мое положение хуже, чем я полагал. Юноша рассмеялся:

– А что еще?

– Не совсем понимаю, к чему вы клоните.

– Какие вопросы стояли перед вами, когда вы попали сюда?

– Я хотел найти Марджори и Уила.

– Так, одного из них вы нашли. А другой вопрос?

– У меня было такое чувство, что все эти священники выступают против Манускрипта не по злобе, а потому, что не понимают его. Мне хотелось узнать, что они думают о древней рукописи. Почему-то у меня сложилось представление, что можно убедить священников отказаться от противостояния откровениям. – Сказав это, я вдруг понял, к чему клонил Пабло. Я встретился здесь с падре Костусом для того, чтобы выяснить, что его так страшит в Манускрипте.

– И какую же весть вы получили? – спросил молодой человек.

– Весть?

– Ну да, весть.

Я посмотрел на него:

– Их тревожит мысль об участии в эволюции?

– Да.

– Можно себе представить, – продолжал я. – Мало было идей о физической эволюции. А тут еще это понятие распространяется на повседневную жизнь, на то, что решения принимает каждый из нас, на саму историю. Это совершенно неприемлемо. По их мнению, с таким пониманием эволюции люди сойдут с ума, отношения между ними станут хуже. Неудивительно, что они хотят, чтобы о Манускрипте никто не знал.

– Могли бы вы убедить их, что это не так? – спросил Пабло.

– Нет... То есть я не настолько хорошо в этом разбираюсь.

– А что нужно для того, чтобы убедить их? – Нужно познать истину. Нужно узнать, как люди станут относиться друг к другу, если каждый будет жить по откровениям и эволюционировать.

Казалось, Пабло был доволен.

– В чем дело? – спросил я, тоже улыбаясь вслед за ним.

– О том, как люди будут относиться друг к другу, говорится в следующем, Восьмом откровении. На ваш вопрос, почему священники выступают против Манускрипта, есть ответ, и этот ответ, в свою очередь, стал еще одним вопросом.

– Да, – произнес я в глубокой задумчивости. – Мне необходимо найти Восьмое откровение. Мне нужно выбраться отсюда.

– Не спешите, – предупредил Пабло. – Вы должны убедиться, что в полной мере уяснили для себя Седьмое откровение, прежде чем двигаться дальше.

– А как по-вашему, я уяснил его? Вошел в поток эволюции?

– Вы войдете в этот поток, если никогда не будете забывать о том, что необходимо держать в уме стоящие перед вами вопросы. Даже те, кто до сих пор пребывает в неведении, могут натолкнуться на ответы и осознать происходившие с ними в прошлом стечения обстоятельств. Осознание Седьмого откровения приходит со способностью видеть эти ответы, когда они посылаются нам. Это поднимает наш повседневный опыт на новую высоту.

Мы должны понять, что каждое событие имеет свое значение и несет свою весть, которая каким-то образом имеет отношение к стоящим перед нами вопросам. Особо это относится к тому, о чем мы обычно отзываемся плохо. В Седьмом откровении говорится, что главное – найти хорошее в любом событии, какое бы впечатление оно ни производило. Вы поначалу считали, что раз вас арестовали, то все пропало. Однако теперь вам стало понятно, что вы

должны были оказаться здесь. Именно здесь вам суждено было обрести ответы на ваши вопросы.

Пабло был прав, но если я получаю здесь ответы и поднимаюсь на более высокий уровень, то и с Пабло, несомненно, должно происходить то же самое.

В эту минуту из коридора донеслись шаги. Пабло посмотрел мне прямо в глаза, и лицо его приняло серьезное выражение.

– Послушайте, – сказал он. – Запомните, что я вам скажу. Следующим для вас будет Восьмое откровение. В нем речь идет об этике отношений между людьми, о том, как нужно вести себя с другими, чтобы получить и донести как можно большее количество вестей. Но не забывайте, что торопиться не следует. Будьте всегда начеку: все внимание обращайтесь на то, что происходит вокруг вас. И еще: скажите, какие перед вами стоят вопросы?

– Я хочу выяснить, где Уил. Хочу познать Восьмое откровение. И найти Марджори.

– И что же вам подсказывает интуиция о Марджори? На какой-то миг я задумался:

– Что я обрету свободу... что мы обретем свободу. Было слышно, как кто-то подошел уже к самой двери.

– А я вам принес весть? – торопливо спросил я.

– Конечно. Когда вы появились, я не знал, зачем я здесь. Я понимал, что это каким-то образом связано с передачей кому-то Седьмого откровения, но сомневался в своих способностях. Мне казалось, что я недостаточно хорошо знаю его. Благодаря вам, – продолжал он, – теперь я знаю, что могу это делать. Это была одна из принесенных вами вестей.

– А разве была и другая?

– Да, подсказанная вам интуицией мысль, что священников можно убедить принять Манускрипт, тоже стала для меня вестью. Поэтому я склоняюсь к тому, что нахожусь здесь, чтобы переубедить падре Костуса.

Юноша умолк, и в это время охранник открыл дверь и жестом предложил мне выйти.

Я взглянул на Пабло.

225– Мне хочется сказать вам об одном из положений следующего откровения, – торопливо проговорил он.

Стражник кинул на индейца недобрый взгляд и, схватив меня за руку, вывел за дверь. Он запер ее и куда-то повел меня. Пабло провожал меня глазами через прутья решетки.

– В Восьмом откровении есть одно предупреждение, – крикнул он вдогонку. – Ваш рост может приостановиться... Это может случиться, если вы попадете в зависимость от другого человека.

Этика Взаимоотношений между людьми

Поднявшись за конвоиром по ступенькам, я вышел на яркий солнечный свет. В голове звучало предупреждение Пабло. Зависимость от другого человека? Что он имел в виду? Какая зависимость?

Конвоир вывел меня по дорожке на стоянку, где двое солдат стояли около военного джипа. Пока мы шли, они пристально наблюдали за нами. Подойдя к машине поближе, я заметил, что на заднем сиденье уже кто-то есть. Марджори! Она была бледна и встревожена. Не успел я встретиться с ней взглядом, как стоявший позади солдат схватил меня за руку и подтолкнул на сиденье рядом с ней. Лвое других расположились впереди. Сидевший за рулем обернулся и мельком оглядел нас, потом завел машину и повел ее по дороге, ведущей на север.

– Вы говорите по-английски? – обратился я к солдатам.

Сидевший рядом с водителем здоровяк тупо посмотрел на меня, проговорил что-то непонятное по-испански и тут же отвернулся.

Я переключил внимание на Марджори.

– Как вы? – шепотом спросил я.

– Я... – Тут ее голос дрогнул, и я увидел на ее лице слезы.

– Все будет хорошо, – проговорил я, обнимая ее. Она взглянула на меня, пытаясь улыбнуться, а потом положила голову мне на плечо. Желание волной прокатилось по моему телу.

Мы тряслись по немощеной дороге битый час. Пейзаж за окном машины стал все больше походить на джунгли: растительность была пышная и густая. За одним из поворотов среди зарослей тропического леса нашим взорам открылся небольшой городок. По обеим сторонам дороги стояли в ряд деревянные домики.

Впереди, метрах в тридцати, путь нам перегородила большая машина. Военные на дороге замахали, чтобы мы остановились. Дальше стояло еще несколько машин, некоторые были с желтыми мигалками. Я насторожился. Мы затормозили, к нам подошел один из солдат и что-то сказал. Мне удалось уловить лишь слово «гасолина» – бензин. Наши конвоиры вышли из джипа и вступили в переговоры с военными. Время от времени они поглядывали на нас: оружие у них было при себе.

Я обратил внимание на небольшую улочку, выходящую под небольшим углом на дорогу, и стал разглядывать расположенные на ней магазинчики. Неожиданно мое восприятие изменилось. Очертания и цвет домов стали выступать более явно и четко.

Я шепотом окликнул Марджори и почувствовал, как она встrepенулась, но не успела девушка произнести и слова, как джип буквально подбросило от чудовищного взрыва. Впереди поднялся столб огня, и военные рухнули как подкошенные. Все вокруг тут же окутало дымом и пеплом, так что ничего не было видно.

– Бежим! – крикнул я, выгаскивая Марджори из машины. Среди всей этой неразберихи мы нырнули в небольшую угловую улочку, которую я только что внимательно разглядывал. Сзади слышались крики и стоны. Мы пробежали метров пятнадцать, по-прежнему окутанные клубами дыма. И тут слева я заметил дверь.

– Сюда! – крикнул я. Дверь была не заперта, и мы заскочили в дом. Навалившись на дверь, я плотно захлопнул ее. Обернувшись, я увидел, что на нас смотрит какая-то женщина средних лет. Мы вломились в чье-то жилище.

Глядя на женщину и пытаясь изобразить приветливую улыбку, я обратил внимание, что на лице у нее не отразилось ни страха, ни гнева при виде незнакомых людей, ввалившихся к ней в дом после того, как невдалеке раздался страшный взрыв. Напротив, она с удовольствием, чуть ли не улыбаясь, рассматривала нас, и это было, скорее, выражение покорности судьбе, словно она предполагала, что мы можем появиться, и теперь должна была что-то сделать. Рядом с ней на стуле сидела маленькая девочка лет четырех.

– Скорее! – проговорила женщина по-английски. – Вас будут искать!

Она провела нас через скудно обставленную гостиную, по коридору и дальше вниз по деревянной лестнице в какой-то длинный погреб. Левочка шла рядом с ней. Мы быстро прошли через погреб, поднялись по ступенькам и вышли через заднюю дверь, которая вывела нас в переулок.

Там стоял совсем маленький автомобиль. Женщина открыла дверцу машины и предложила нам быстро забраться в нее. Мы легли на заднем сиденье, она закрыла нас сверху одеялом и повела машину, похоже, на север. Пока все это происходило, я не произнес ни слова, захваченный ее инициативой. Когда я в полной мере осознал, что случилось, целая волна энергии захлестнула меня. Свершилось то избавление, которое было подсказано мне интуицией.

Марджори лежала рядом, крепко зажмурившись.

– Ты как, нормально? – прошептал я.

Она подняла на меня заплаканные глаза и кивнула.

Минут через пятнадцать женщина сказала:

– Теперь, я думаю, вы можете сесть.

Я откинул одеяло и огляделся. Похоже, мы ехали той же дорогой, что и до взрыва, только севернее.

– Кто вы? – обратился я к женщине.

Обернувшись, она чуть улыбнулась мне. Это была статная женщина лет сорока, и темные волосы ниспадали ей на плечи.

– Меня зовут Карла Диас, – назвалась она. – А это моя дочка, Марета.

Девочка, улыбаясь, поглядывала на нас своими большими глазами, в которых сквозило любопытство. У нее тоже были длинные, черные как смоль волосы.

Я рассказал, кто мы такие, а потом спросил:

– Как вы узнали, что нам нужна помощь? Улыбка Карлы стала шире:

– Вы же скрывались от военных из-за Манускрипта?

– Да, но как вы об этом догадались?

– Я тоже знакома с откровениями.

– А куда вы нас везете?

– Этого я не знаю. В этом мне должны помочь вы. Я бросил взгляд на Марджори. Пока я разговаривал, она пристально наблюдала за мной.

– Сейчас я не знаю куда, – проговорил я. – До того, как меня арестовали, я пытался добраться до Икитоса.

– А зачем вам нужно было туда?

– Я хочу найти своего друга. Он ищет Девятое откровение.

– Это дело опасное.

– Знаю.

– Мы доставим вас туда, правда, Марета? Девочка улыбнулась и не по годам рассудительно подтвердила:

– Конечно.

– Что же это взорвалось? – поинтересовался я.

– Думаю, что бензозаправка, – ответила Карла. – Недавно там была авария, утечка бензина. Не переставая удивляться тому, как быстро отважная женщина приняла решение помочь нам, я решил все же

СПРОСИТЬ об ЭТОМ:

– Как же вы узнали, что мы бежали от солдат? Она перевела дух:

– Вчера через поселок прошло на север много машин военных. Раньше такого не было, и это заставило меня вспомнить, как два месяца назад забрали двух моих друзей. Мы вместе изучали Манускрипт. У нас единственных в поселке были все восемь откровений. Потом пришли солдаты, и моих друзей арестовали. И никаких вестей от них до сих пор нет.

А вчера, когда я смотрела на проезжающие машины, я поняла, что военные продолжают охотиться за списками Манускрипта и что другим людям, как и моим друзьям, понадобится помощь. Я сказала себе, что если это будет в моих силах, я помогу этим людям. Конечно, я подумала, что это пришло мне в голову именно тогда не просто так. Поэтому не удивилась, когда вы появились в моем доме.

Помолчав, она спросила:

– А у вас такое бывало?

– Да, – подтвердил я.

Карла притормозила. Впереди была развилка.

– Думаю, нам надо свернуть направо, – сказала она. – Это будет дольше, зато безопаснее.

Когда Карла поворачивала машину, Марете пришлось ухватиться за сиденье, чтобы не свалиться с него. Девочка рассмеялась. Марджори смотрела на нее с восхищением.

– Сколько лет Марете? – спросила она у Карлы. Карлу это, похоже, задело, но она мягко проговорила:

– Пожалуйста, не надо говорить о девочке так, словно ее здесь нет. Если бы она была взрослой, вы адресовали бы этот вопрос прямо к ней.

– О, прошу прощения, – извинилась Марджори.

– Мне пять лет, – с гордостью произнесла Марета.

– Вы изучали Восьмое откровение? – поинтересовалась Карла.

Нет, – ответила Марджори. – Я читала лишь Третье.

– А я остановился на Восьмом, – сказал я. – У вас есть списки?

– Нет. Все списки забрали военные.

– А в Восьмом откровении рассказывается о том, как нужно вести себя с детьми?

– Да, в нем говорится о том, как со временем люди будут относиться друг к другу, и рассказывается о многом другом – как, например, передавать энергию другим людям и как избегать зависимости от них.

Опять это предупреждение. Я собрался было спросить Карлу, что оно означает, но тут к ней обратилась Марджори.

– Расскажите нам о Восьмом откровении, – попросила она.

– В Восьмом откровении, – начала Карла, – речь идет о том, как использовать по-новому энергию при общении с людьми вообще, но начинается все с самого начала, с детей.

– – – И как мы должны подходить к детям? – спросил я.

– Мы должны усматривать в них то, что они являют собой в действительности, рассматривать их как крайние точки эволюции, ведущие нас вперед. Но чтобы научиться эволюционировать, детям постоянно нужна наша бескорыстная энергия. Худшее, что можно причинить детям, это выкачивать из них энергию, говоря, что они делают что-то, не так. Именно из-за этого, как вы уже знаете, у них формируются ролевые установки. Однако ребенок может этого избежать, если взрослые вне зависимости от ситуации будут предоставлять всю необходимую ему энергию. Вот почему дети всегда должны принимать участие в беседе, особенно если речь идет о них самих. И брать на себя ответственность следует лишь за такое число детей, скольким вы сможете уделить внимание.

– В Манускрипте говорится об этом? – спросил я. – Да, – подтвердила Карла. – И особо подчеркивается про число детей.

Меня это повергло в смущение:

– Почему так важно, сколько у тебя детей? Взгляд Карлы был устремлен на дорогу, и она только мельком глянула на меня:

– Потому что любой взрослый способен одновременно сосредоточиться лишь на одном ребенке, чтобы уделить ему внимание. Если детей больше, чем взрослых членов семьи, то взрослые оказываются перегружены и не могут отдавать достаточное количество энергии. Дети начинают соперничать между собой за то, чтобы взрослые уделили им больше времени.

– Детская ревность, – проговорил я.

– Да, но в Манускрипте отмечается, что эта проблема гораздо важнее, чем мы привыкли думать. Взрослые зачастую приукрашивают представление о больших семьях и о детях, растущих вместе. Но ведь дети должны познавать мир от взрослых, а не от других детей. Слишком много стало стран, где дети собираются в шайки. Люди постепенно осознают, говорится в Манускрипте, что не следует производить детей на свет, если нет хотя бы одного взрослого, который был бы готов сосредоточить все внимание на ребенке, отдавать ему все свое время.

– Но погодите, – возразил я. – Нередко зарабатывать на жизнь приходится и отцу, и матери. Получается, что они не имеют права заводить детей.

– Необязательно, – ответила Карла. – Манускрипт утверждает, что люди будут жить большими семьями, не ограничиваясь кровными узами. Так, чтобы внимание каждому ребенку мог предоставить взрослый. Необязательно, чтобы вся энергия исходила лишь от родителей. По сути дела, даже лучше, если это будет не так. Но тот, кто будет заботиться о детях, должен обеспечивать это индивидуальное внимание.

– Ну что ж, – проговорил я. – В чем-то у вас получилось как надо. Марета действительно выглядит взрослее.

– Не нужно говорить этого мне, – нахмурилась Карла. – Скажите ей.

– Ну да, верно. – Я повернулся к ребенку. – Ты ведешь себя как большая, Марета.

Девочка на миг застенчиво отвернулась, а потом сказала:

– Спасибо.

Карла ласково обняла ее, а потом с гордостью посмотрела на меня:

– Последние два года я старалась строить отношения с Маретой в соответствии с наставлениями Манускрипта, правда, Марета?

Девочка, улыбнувшись, кивнула.

– Я старалась отдавать дочке всю энергию и всегда говорила правду в любой ситуации на понятном ей языке. Когда она задавала вопросы, какие задает маленький ребенок, я относилась к ним очень серьезно, избегая соблазна ответить ей надуманно, как иногда поступают взрослые, очевидно, для своего развлечения.

– Вы имеете в виду выдумки вроде таких, как «детей приносят аисты» – что-нибудь в этом духе? – улыбнулся я.

– Да, но в этих народных выражениях нет ничего плохого. Дети быстро соображают, что они значат, потому что дети есть дети. Хуже, когда взрослые тут же начинают передергивать все подряд только потому, что хотят развлечься, и потому, что считают истину слишком сложной для детского понимания. А ребенку нужно всего лишь немного подумать.

– И что же говорится об этом в Манускрипте?

– В нем говорится, что взрослому необходимо найти способ сказать ребенку правду.

Во мне что-то противилось этому соображению. Я был из тех, кто любит дурачиться с детьми.

– А разве дети обычно не понимают, что взрослые просто играют? – спросил я. – Не кажется ли вам, что от всего этого они слишком быстро повзрослеют и отчасти окажутся лишены радости детства? Карла строго посмотрела на меня:

– Марета – девочка очень веселая. Мы с ней играем в пятнашки, возимся и занимаемся всем, что может придумать ребенок. Разница лишь в том, что когда мы что-нибудь придумываем, она знает об этом.

Я согласно кивнул. Конечно, женщина была права.

– Марета кажется уверенной в себе, – продолжала Карла, – потому что с ней была я. Когда это было необходимо, я уделяла все внимание только ей одной. Если я отсутствовала, с ней была моя сестра, которая живет неподалеку. Кто-то из взрослых всегда мог ответить на ее вопросы, и, так как она всегда была окружена неподдельным вниманием, она никогда не чувствовала необходимости что-то из себя изображать или притворяться. У моей девочки всегда было достаточно энергии, и это дает основание полагать, что и в дальнейшем ее у нее будет достаточно. Это, в свою очередь, значительно облегчит для нее переход от получения энергии взрослых к восприятию ее из Вселенной, и об этом мы с ней уже беседуем.

Я обратил внимание на места, где мы ехали. Теперь это уже были густые заросли

тропического леса, и хотя солнца не было видно в послеполюденном небе, я чувствовал, что оно уже клонится к закату.

– К вечеру доберемся до Икитоса? – спросил я.

– Нет, – сказала Карла. – Но можем остановиться в одном доме, который я здесь знаю.

– Это недалеко?

– Да, это дом моего приятеля. Он работает в службе охраны дикой природы.

– Это правительственная организация?

– Под охраной государства находится только часть бассейна Амазонки. Мой знакомый представляет здесь эту службу и пользуется влиянием. Его зовут Хуан Хинтон. Не волнуйтесь. Он разделяет идеи Манускрипта, но его еще ни разу не потревожили.

К тому времени, когда мы добрались до места, стало уже совсем темно. В окружавших нас джунглях началась ночная жизнь, наполненная своими таинственными звуками. Было душно. В конце просеки, проложенной среди густых зарослей, виднелся большой, ярко светящийся в темноте дом. Рядом расположились две просторные пристройки, и стояли несколько машин. Одна машина была поднята на блоках, и под ней при свете ламп работали двое мужчин.

Карла постучала в дверь дома, и ей открыл худощавый перуанец в дорогом костюме. Он встретил ее улыбкой, но потом заметил на ступеньках Марджори, Марету и меня и принялся что-то выговаривать Карле по-испански, а на лице его появилось нервное и недовольное выражение. Женщина отвечала с мольбой в голосе, – судя по тому, как он вел себя, наше пребывание было нежелательным.

И тут через приоткрытую дверь я заметил в прихожей женскую фигуру и немного сдвинулся в сторону, чтобы увидеть лицо женщины. Это была Хулия. Пока я смотрел на нее, она повернулась, тоже увидела меня и быстро направилась к нам. Казалось, она была поражена. Она тронула Хинтона за плечо и что-то вполголоса сказала ему на ухо. Тот кивнул и с выражением покорности распахнул дверь. Мы все представились, и хозяин повел нас в свой кабинет.

– Ну вот, снова встретились, – проговорила Хулия, взглянув на меня. На ней были брюки защитного цвета с карманами на бедрах и ярко-красная футболка.

– Да, встретились, – отозвался я.

Хинтона остановил слуга-перуанец, и, переговорив с минуту, оба направились в другую часть дома. Хулия села на стул возле кофейного столика и жестом пригласила всех располагаться на кушетке напротив. Марджори, похоже, охватила паника. Она не отрывала от меня глаз. Карла тоже поняла, в каком подавленном состоянии находится Марджори. Она подошла к ней и взяла за руку.

– Пойдемте выпьем горячего чая, – предложила она.

Когда они уходили, Марджори оглянулась. Я улыбнулся ей и проводил женщин взглядом. Потом повернулся к Хулии.

– Так что же, по-вашему, это означает? – спросила она.

– Что это означает?.. – эхом повторил я, еще не собравшись с мыслями.

– То, что наши пути вновь пересеклись.

– О-о... Не знаю.

– Как же вы оказались вместе с Карлой, и куда вы направляетесь?

– Она спасла нас. Марджори и я были арестованы. Она пришла к нам на помощь именно там, где нам удалось бежать.

Хулия, похоже, была охвачена неподдельным волнением:

– Расскажите, что произошло.

Я откинулся на стуле и рассказал ей все начиная с моей поездки на машине падре Карла, потом о своем аресте и том, как, в конце концов нам удалось бежать.

– И Карла согласилась отвезти вас в Икитос?

– Да.

– Зачем вам туда?

– Именно туда, по словам падре Карла, собирался Уил. По всей видимости, У ил напал на след Левятого откровения. И Себастьян почему-то там.

Хулия кивнула:

– Да, у Себастьяна в тех местах миссия. Именно там он стал известен, обращая индейцев.

– Ну а вы? – спросил я. – Что вы здесь делаете?

Хулия рассказала, что тоже пыталась найти Девятое откровение, но ей никак не удавалось напасть на его след. В этот дом она приехала после того, как ей не раз приходили в голову мысли о ее старом друге Хинтоне.

Я почти не слушал ее. Марджори с Карлой вышли из кухни и разговаривали, стоя в коридоре с чашками в руках. Марджори поймала мой взгляд, но ничего не сказала.

– Она много прочитала из Манускрипта? – спросила Хулия, кивнув в сторону девушки.

– Только Третье откровение.

– Вероятно, мы сможем помочь ей выбраться из Перу, если ей хочется именно этого. Я снова повернулся к ней:

– Каким образом?

– Завтра Роландо уезжает в Бразилию. У нас там друзья в американском посольстве. Они могут отправить ее назад в Штаты. Мы уже помогали американцам подобным образом.

Я посмотрел на нее и неуверенно кивнул. После ее слов меня охватило смятение. С одной стороны, я понимал, что Марджори лучше всего было бы уехать. Но другая моя часть хотела, чтобы она осталась со мной. Рядом с ней я ощущал себя другим человеком, чувствовал, что полон сил.

– Думаю, что мне нужно переговорить с ней, – проговорил я после некоторого замешательства.

– Конечно, – согласилась Хулия. – С вами мы побеседуем позже.

Я встал и направился к Марджори. Карла вернулась на кухню. Марджори прошла по коридору и свернула за угол. Когда я подошел, она стояла, прислонившись к стене.

Я заключил ее в свои объятия, трепеща всем телом.

– Чувствуешь, какая энергия? – прошептал я ей на ухо.

– Невероятно, – проговорила она. – К чему бы это?

– Не знаю. Между нами есть какая-то связь.

Я огляделся. Никто не видит. Мы слились в страстном поцелуе.

Когда я оторвался от девушки, чтобы взглянуть на нее, она была какой-то другой, более сильной, и мне вспомнился день, когда мы познакомились в Висьенте, разговор в ресторанчике в Кула. С ней рядом, когда она касалась меня, я ощущал в себе столько энергии, что просто трудно было поверить.

Марджори крепко прижалась ко мне:

– С того самого дня в Висьенте мне хотелось быть вместе с тобой. Тогда я не знала, что об этом и подумать, но эта энергия – просто чудо. Я никогда не испытывала ничего подобного.

Уголком глаза я заметил, что к нам, улыбаясь, подходит Карла. Она сообщила, что ужин готов, и мы прошли в столовую, где на стойке возвышалась целая гора свежих фруктов, овощей и прочей снеди. Каждый наполнил себе тарелку, и все расселись за большим столом. После того как Марета произнесла нараспев слова молитвы, мы целых полтора часа провели за едой и непринужденной беседой. Хинтон больше не нервничал, и с его легкой руки воцарилось какое-то беззаботное настроение, которое помогло нам снять напряжение после нашего побега.

Марджори непринужденно болтала и смеялась. Я сидел рядом и чувствовал, что одно это наполняет меня теплом любви.

После ужина Хинтон пригласил нас снова в свой кабинет, где был подан десерт с заварным кремом и сладкий ликер. Мы с Марджори сидели на кушетке, углубившись в беседу о том, что у нас было в прошлом и что в нашей жизни произошло значительного. Было такое впечатление, что мы становимся все ближе друг другу. Единственная сложность заключалась в том, что она жила на западном побережье, а я на юге. Через некоторое время Марджори уже махнула на эту проблему рукой и от души рассмеялась.

– Жду не дождусь, когда мы вернемся в Штаты, – сказала она. – Вот будет весело кататься туда-сюда.

Я отодвинулся от девушки и посмотрел на нее серьезным ВЗГЛЯДОМ:

– Хулия сказала, что может отправить тебя домой прямо сейчас.

– Ты имеешь в виду нас обоих, да?

– Нет, я... я не могу.

– Почему? Я не поеду без тебя. Но и оставаться здесь больше не в состоянии. Я сойду с ума.

– Тебе придется ехать. Мне тоже скоро представится такая возможность.

– Нет! – громко заявила она. – Я так не могу!

В кабинет вошла Карла, которая укладывала Марету спать. Она бросила быстрый взгляд в нашу сторону и тут же отвернулась. Хинтон с Хулией продолжали беседовать, по всей видимости, не обратив никакого внимания на выходку Марджори.

– Пожалуйста, – умоляла Марджори. – Ну давай просто поедem домой. Я отвернулся.

– Ладно, хорошо, – бросила она. – Оставайся! – Вскочив, она быстро вышла из комнаты.

Я смотрел ей вслед, внутри у меня все переворачивалось. Обретенной с нею энергии как не бывало, и я внезапно ощутил слабость и растерянность. Я попытался встряхнуться. В конце концов, говорил я себе, мы не так уж давно знакомы. С другой стороны, в голову приходили мысли о том, что, возможно, она права. Может быть, мне нужно просто вернуться домой. Все равно, что я могу здесь изменить? Дома мне, возможно, удастся организовать какую-то поддержку Манускрипту и к тому же остаться в живых. Я встал и хотел пойти за ней, но почему-то опустился обратно на кушетку. Мне было никак не решить, как теперь быть.

– Можно подсесть к вам на минутку? – неожиданно послышался голос Карлы. Я и не заметил, что она стоит рядом.

– Конечно.

Она села и участливо посмотрела на меня.

– Я поневоле слышала, что у вас произошло с Марджори, – сказала она. – И подумала: может быть, прежде чем принять решение, вы захотите услышать, что говорится, в Восьмом откровении о зависимости от других людей?

– Да, пожалуйста, объясните, что это значит.

– Когда впервые познаешь, как обрести просветленность и начать свою эволюцию, то преградой для любого из нас на этом пути может стать привязанность к другому человеку.

– Вы говорите о нас с Марджори? – Позвольте, я объясню, как это происходит. А вы уже сами будете судить.

– Хорошо.

– Прежде всего я должна сказать, что мне самой эта часть пророчества далась очень непросто. Не думаю, что мне когда-нибудь удалось бы разобраться в этом, если бы не встреча с профессором Рено.

– Рено! – воскликнул я. – Я знаю его. Мы познакомились, когда я изучал Четвертое откровение.

– Ну вот. А мы познакомились, когда оба дошли до Восьмого. Он провел в моем доме несколько дней. Я в изумлении кивнул.

– Он сказал, что понятие зависимости, как оно дается в Манускрипте, отвечает на вопрос, почему любовные отношения перерастают в борьбу за власть. Нас всегда интересовало, отчего блаженство и упоение любви заканчиваются и затем превращаются в противостояние. Теперь мы знаем, что это следствие перетекания энергии от одного влюбленного к другому.

Когда приходит первая любовь, двое передают друг другу энергию бессознательно, ощущая жизнерадостность и окрыленность. Это и есть тот невероятный подъем, который мы называем «влюбленностью». К сожалению, люди полагают, что это чувство исходит от другого человека, и поэтому отсекают себя от энергии Вселенной, целиком рассчитывая на энергию друг друга. Только теперь ее вроде бы становится недостаточно, поэтому они перестают посылать энергию друг другу и снова скатываются на свои ролевые установки, пытаясь подчинить своего партнера и вынудить его посылать энергию в свою сторону. При этом их отношения деградируют до обычной борьбы за власть.

Она на мгновение умолкла, словно желая удостовериться, что я понял сказанное, а потом добавила:

– Рено утверждал, что можно психологически объяснить, почему мы подвержены подобной зависимости. Если это поможет понять, что с вами происходит, я могу продолжить.

Я нетерпеливо кивнул, чтобы она рассказывала дальше.

– По словам Рено, проблема эта зарождается в семье, где мы провели детство. Из-за того, что каждый в ней старается отнять у другого энергию, никто из нас не получил возможности пройти до конца очень важный психологический процесс. Мы не смогли добиться целостности нашего аспекта противоположного пола.

– Нашего чего?

– В моем случае, – продолжала она, – я не смогла дополнить свой мужской аспект. Вы не смогли добиться завершенности вашего женского аспекта. Наша привязанность к представителю другого пола объясняется тем, что нам еще предстоит получить доступ к этой энергии другого пола. Дело в том, что неведомая энергия, к которой мы можем приобщиться как к внешнему источнику, несет в себе и мужское, и женское начало. С течением времени мы сможем открыться для нее, но когда мы только начинаем эволюционировать, нужно быть осторожными. Если мы раньше, чем нужно, подключимся к человеку для обретения своей женской или мужской энергии, то перекроем тем самым ее поступление из вселенского источника.

Я признался, что ничего не понимаю.

– Представим, как обретение этой целостности должно происходить в идеальной семье, – продолжала объяснять Карла, – и тогда вам, возможно, станет ясно, что я под этим понимаю. В каждой семье ребенок в первые годы жизни должен получать энергию от взрослых. Как правило,; отождествление себя с родителем того же пола и слияние с его энергией не представляет сложности, однако получение энергии от родителя противоположного пола может проходить значительно труднее.

Возьмем, к примеру, девочку. При первых попытках добиться целостности своего мужского аспекта маленькая девочка может понять лишь то, что испытывает чрезвычайно сильное влечение к отцу. Она хочет, чтобы он всегда был где-нибудь поблизости или рядом с ней. В Манускрипте

241объясняется, что на самом деле ей нужна мужская энергия, которая дополняет ее женский аспект. Из этой мужской энергии она черпает ощущение полноты и упоения. Однако она ошибочно полагает, что единственный способ обретения этой энергии заключается в сексуальном обладании своим ОТЛИОМ и в сохранении физической близости к нему.

Интересно то, что она интуитивно чувствует: в действительности эта энергия предназначена для нее, и она должна иметь возможность распоряжаться ею как угодно. Дочь стремится повелевать отцом так, словно он является частью ее самой. Ей кажется, что он способен творить чудеса, что он существо совершенное и может исполнить любую ее прихоть. В менее идеальной семье из-за этого возникают трения между маленькой девочкой и ее папой. Когда же она сможет поставить себя таким образом, чтобы иметь возможность управлять отцом и получать от него желанную энергию, у девочки формируется ролевая установка.

А вот в идеальной семье отец сумеет остаться в стороне от борьбы. Он найдет способ по-прежнему относиться к дочери искренне и сохранит достаточный запас энергии, чтобы предоставлять его девочке безоговорочно, даже если у него нет возможности выполнить все ее запросы. На примере того, как это должно происходить в идеале, важно понять, что отец должен оставаться открытым и общительным. Пусть маленькая девочка считает его совершенством и чародеем, но если он честно объяснит, кто он такой, чем и почему занимается, то она может принять как должное присущий ему образ жизни и его способности и избежать далекого от реальности представления о своем отце. В конце концов девочка увидит в нем лишь живого человека с его достоинствами и недостатками. Когда это соперничество завершится так, как должно, для ребенка не составит труда перейти от получения энергии противоположного пола от своего отца к обретению ее как части всеобъемлющей энергии, существующей во Вселенной в целом.

– Проблема, – продолжала Карла, – заключается в том, что до сегодняшнего дня большинство родителей вели соперничество со своими собственными детьми за энергию, и это наложило отпечаток на всех нас. Из-за этого соперничества людям пока не удалось полностью разрешить вопрос отношения к противоположному полу. Мы застряли на той ступени, когда по-прежнему ищем энергию противоположного пола вне себя, в мужчине или женщине, которых мы считаем идеалом, чудом, и которыми можем обладать физически. Вам понятно, в чем дело?

– Ла, – ответил я. – Думаю, что да.

– Что касается о нашей способности к сознательной эволюции, – продолжала она, – тут мы сталкиваемся с критической ситуацией. Как я уже упоминала, в Восьмом откровении говорится, что когда мы только начинаем эволюционировать, мы тут же начинаем получать энергию противоположного пола. Она поступает к нам естественным образом с энергией Вселенной. Однако следует соблюдать [осторожность, потому что, если нам встречается человек, непосредственно предлагающий эту энергию, мы можем отсечь себя от истинного источника и откатиться назад. – Тут она усмехнулась каким-то своим мыслям.

– Над чем вы смеетесь? – спросил я.

– Рено как-то провел следующую аналогию, – ответила моя собеседница. – Он заявил, что пока мы не научимся избегать подобных ситуаций, мы будем напоминать собой незавершенную окружность. Понимаете, мы выглядим, как буква «С». Мы легко можем поддаться личности противоположного пола, еще одной незавершенной окружности, которая, встретившись, может соединиться с нами, образовав таким образом полный круг, обдать нас волной упоения и энергии и заставить испытать чувство, подобное ощущению, которое появляется при полном единении со Вселенной. На деле же мы лишь соединяемся с другим человеком, который тоже ищет во внешнем пространстве свою вторую половинку.

Рено назвал это классическим образцом взаимозависимых отношений и сказал, что заложенные в них проблемы начинают проявляться незамедлительно. Она осеклась, словно ожидая, что я возражу. Но я лишь кивнул.

– Понимаете, проблема этой завершенной личности, этого «О», к чему, по мнению обоих, пришли эти половинки, в том и состоит, что для возникновения целой личности понадобились

две, одна из которых несет женскую энергию, а другая – мужскую. Соответственно у этой целой личности две головы, или два «я». Они желают распоряжаться созданной ими целой личностью и поэтому, как в детстве, хотят повелевать другим словно самим собой. Подобная иллюзия полноты всегда выливается в борьбу за превосходство над другим. В конце концов каждому приходится принять другого таким каков он есть, даже в ущерб себе, чтобы иметь возможность вести эту целую личность в нужном ему направлении. Но это, конечно же, не получается, по крайней мере, больше уже не получается. В прежние времена один из партнеров, возможно, и изъявлял желание подчинить себя другому – обычно это была женщина, иногда – мужчина. Однако теперь мы пробуждаемся. Никто больше не хочет быть в подчинении у кого бы то ни было.

Я вспомнил, что говорилось в Первом откровении о борьбе за превосходство в любовных отношениях, и мне на ум пришла выходка женщины в ресторане, когда мы были там с Чарлин.

– Вот вам и вся любовь, – произнес я.

– О, любовь для нас все же может быть, – воодушевленно ответила Карда. – Однако для начала нам необходимо завершить эту окружность самим. Мы должны сделать устойчивой нашу связь со Вселенной. На это потребуются время, но потом эта проблема больше никогда не возникнет, и мы сможем обрести то, что в Манускрипте называется высшими отношениями. Соединившись после этого в любовном союзе с другой целостной личностью, мы создадим некую сверхличность... причем это уже никогда не собьет нас с пути индивидуальной эволюции.

– Что, по вашему мнению, и делаем мы с Марджори по отношению друг к другу, да? Сбиваем друг друга с пути?

– Верно.

– И как же избежать подобного противостояния?

– Нужно какое-то время не поддаваться «любви с первого взгляда», научиться поддерживать платонические отношения с представителями противоположного пола. Но не забывайте о том, как это происходит. Эти отношения можно поддерживать лишь с теми, кто может полностью открыться вам и объяснить, как и почему они делают то, чем сейчас заняты, – так, как поступил бы родитель противоположного пола для того, чтобы детские годы ребенка были действительно детством. Уясняя, что собой представляет на самом деле внутренний мир друзей противоположного пола, человек преодолевает свои собственные надуманные представления о другом поле, и при этом открывается возможность снова приобщиться ко Вселенной.

– Не забывайте также, – продолжала она, – что это нелегко, особенно если приходится рвать отношения взаимной зависимости. Это настоящее отторжение энергии. Это причиняет боль. Но сделать это необходимо. Взаимозависимость – это не какая-то новая болезнь, которой подвержены лишь немногие. Мы все взаимозависимы, и все теперь избавляемся от этого.

Идея в том, чтобы, оставшись одному, вновь испытать ощущение подъема и упоения, которые чувствуешь в первые минуты взаимозависимых отношений. Вы должны загнать его или ее внутрь. После этого вы продолжаете эволюционировать и можете найти ту особую любовь, которая действительно подходит вам.

Карла на некоторое время умолкла.

– И кто знает, если и вы, и Марджори будете эволюционировать дальше, то, может быть, выяснится, что вы поистине созданы друг для друга. Однако поймите одно: сейчас вашим отношениям некуда развиваться.

Нашу беседу прервал подошедший Хинтон. Он сообщил, что идет спать и что нам приготовлены комнаты. Мы поблагодарили за гостеприимство, а после того, как он ушел, Карла

сказала:

– Наверное, я тоже пойду. Поговорим после.

Я кивнул и смотрел на нее, пока она не вышла из комнаты. В эту секунду я почувствовал у себя на плече чью-то руку. Это была Хулия.

– Я иду в свою комнату, – проговорила она. – Вы знаете, где ваша? Могу показать.

– Покажите, пожалуйста, – попросил я. А потом спросил: – А где комната Марджори?

Она улыбнулась, и мы пошли по коридору, пока не остановились у одной из дверей.

– Во всяком случае, не возле вашей, – сказала она. – Мистер Хинтон – человек очень консервативных взглядов.

Я улыбнулся в ответ и пожелал ей спокойной ночи. Потом вошел в свою комнату и боролся с обуревавшими меня желаниями, пока не заснул.

Меня разбудил запах ароматного кофе. Им был пропитан весь дом. Я оделся и прошел в кабинет. Там я выпил стакан свежего сока грейпфрута, предложенный пожилым слугой.

– Доброе утро! – раздался позади голос Хулии. Я обернулся к ней:

– Доброе утро!

Пристально оглядев меня, она спросила:

– Вы уже поняли, почему мы снова встретились?

– Нет, – признался я. – Мне было не до того. Я пытался разобраться в зависимостях.

– Ну да, – проговорила она. – Я видела.

– Что значит – видела?

– Я поняла, что с вами происходит, по виду вашего энергетического поля.

– Ну и как же оно выглядело?

– Ваша энергия была соединена с энергией Марджори. Когда вы сидели здесь, а она была в другой комнате, ваше поле простиралось туда и было связано с ее полем.

Я покачал головой.

Она с улыбкой положила мне руку на плечо:

– Вы утратили связь со Вселенной. Вы заменили ее привязанностью к энергии Марджори. Так получается со всеми привязанностями: нужно пройти через привязанность к кому-то или к чему-то, чтобы обрести связь со Вселенной. Справиться с этим можно, лишь подняв свой энергетический уровень и вновь сосредоточившись на том, чем вы действительно здесь занимаетесь.

Кивнув, я вышел из дома. Хулия осталась ждать в кабинете. Около десяти минут я накапливал энергию так, как меня обучал Санчес. Постепенно чувство красоты вернулось, и я почувствовал себя значительно легче. После этого я вернулся в дом.

– Вы выглядите получше, – сказала Хулия.

– Я и чувствую себя получше, – ответил я.

– Так какие же вопросы стоят сейчас перед вами?

Минуту-другую я размышлял. Марджори я обрел. Ответ на этот вопрос найден. Но по-прежнему хотелось выяс-нить, где Уил. И все так же хотелось понять, как поведут себя люди друг с другом, когда начнут следовать Манускрипту. Если Манускрипт оказывает такое положительное воздействие на людей, то почему он так страшит Себастьяна и других священнослужителей?

Я поднял глаза на Хулию. – Мне необходимо уяснить для себя оставшуюся часть Восьмого откровения, и я по-прежнему хочу найти Уила. Может быть, у него уже есть Девятое.

– Я завтра еду в Икитос, – проговорила она. – Хотите со мной?. Я заколебался.

– Думаю, что Уил там, – добавила она.

– Откуда вы знаете? – Потому что вчера вечером мне пришла в голову эта мысль.

Я промолчал.

– Я подумала и о вас, – продолжала Хулия. – О том, что мы оба направляемся в Икитос. Вы тоже каким-то образом вовлечены в это.

– Вовлечен во что? Она улыбнулась:

– В то, чтобы найти последнее откровение прежде, чем это сделает Себастьян.

Пока она говорила, я представил, что мы с Хулией приезжаем в Икитос, но затем почему-то направляемся в разные стороны. Я чувствовал, что за этим что-то стоит, но что именно – оставалось неясным.

Я снова сосредоточил внимание на Хулии.

– Где вы были? – улыбаясь, спросила она.

– Прощу прощения. Я тут кое о чем размышлял.

– Что-нибудь важное?

– Не знаю. Мне представилось, что, приехав в Икитос, мы отправимся в разные стороны. В комнату вошел Роландо.

– Я привез необходимые припасы, – сообщил он Хулии. Узнав меня, он вежливо кивнул.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарила Хулия. – Вам по дороге встретились военные?

– Не видел ни одного.

В комнату вошла Марджори и отвлекла меня, но мне было слышно, как Хулия говорит Роландо о желании Марджори поехать вместе с ним в Бразилию, где Хулия договорится о том, чтобы Марджори помогли вернуться в Штаты.

Я подошел к Марджори.

– Как спала?

Она посмотрела на меня, словно решая, продолжать сердиться или нет:

– Не очень.

– Это друг Хулии, – кивнул я в сторону Роландо. – Сегодня утром он уезжает в Бразилию. Оттуда он поможет тебе добраться до Штатов.

Казалось, она боится.

– Послушай, – сказал я. – Все будет хорошо. Они уже помогали другим американцам. У них есть знакомые в американском посольстве в Бразилии. Очень скоро ты будешь дома.

Она согласно кивнула:

– Я о тебе беспокоюсь.

– У меня все будет в порядке. Не переживай. Как только вернусь в Штаты, позвоню.

Хинтон у меня за спиной объявил, что завтрак подан. Мы прошли в столовую и принялись за еду. После завтрака Хулия с Роландо, похоже, заторопились. Хулия объяснила, что для Роландо и Марджори важно пересечь границу до наступления темноты, а ехать им еще целый день.

Марджори уложила кое-какую одежду, предоставленную Хинтоном, и после этого, пока Хулия с Роландо разговаривали у дверей, я отвел Марджори в сторону.

– Ни о чем не беспокойся, – сказал я. – Просто смотри в оба, и тебе, возможно, явятся другие откровения.

Она улыбнулась, но ничего не сказала. Вместе с Хулией я смотрел, как Роландо помогает ей уложить вещи в свою небольшую машину. Когда они тронулись, наши взгляды на какой-то миг встретились.

– Как вы считаете, они доберутся без приключений? – спросил я у Хулии.:

– Конечно, – подмигнула мне она. – А теперь и нам, • пожалуй, тоже пора отправляться. У меня есть для вас кое-что из одежды. – Она подала мне сумку с вещами, и мы уложили ее вместе с несколькими коробками продуктов в пикап. Потом попрощались с Хинтоном, Карлой,

Маретой и направились на северо-восток в сторону Икитоса.

Пейзаж по дороге становился все более похожим на джунгли, и очень мало что говорило о присутствии людей. Я погрузился в размышления о Восьмом откровении. Было ясно, что оно представляет собой новое понимание того, как относиться к людям, но я никак не мог уразуметь его полностью. Карла рассказала о том, как нужно относиться к детям, и о том, как опасна зависимость от другого человека. Однако и Пабло, и Карла намекали на то, что существует способ сознательного излияния энергии на других. О чем здесь идет речь?

– Я не совсем разобрался в Восьмом откровении, – признался я, поймав взгляд Хулии.

– Наш подход к другим определяет скорость нашей эволюции, быстроту поиска ответов на стоящие перед нами в жизни вопросы, – сказала она.

– А как это получается?

– Поразмыслите над своей собственной ситуацией. Каким образом вы получали ответы на ваши вопросы?

– Лумаю, на них отвечали встречавшиеся мне люди.

– Были ли вы полностью открыты вести, которую нес каждый из них?

– Вообще-то нет. В основном я оставался замкнутым в себе.

– А те, кто нес вам весть, тоже отвергали вас?

– Нет, они вели себя очень открыто и хотели помочь. Они... – Тут я осекся, не зная, как правильно выразить свою мысль.

– Вам помогли тем, что дали возможность раскрыться? – спросила она. – У вас не было ощущения, что они как-то наполняют вас теплом и энергией?

При этих словах на меня нахлынул целый поток воспоминаний. Я вспомнил, как успокаивающе подействовал на меня Уил, когда я был на грани отчаяния в Лиме; вспомнил отеческое гостеприимство Санчеса и заботливые советы падре Карла, Пабло и Карлы. А теперь и Хулии. Гдаза этих людей лучились одинаковым светом.

– Ла, – произнес я. – Вы все так и поступали.

– Совершенно верно, – подтвердила она. – Мы так поступали и делали это сознательно, следуя Восьмому откровению. Воодушевляя вас и помогая вам уяснить неясное, мы вели поиск той истины, той вести, которую несли нам вы. Это понятно? Придать вам энергии – это было лучшее, что мы могли сделать для себя же.

– И что же конкретно говорится обо всем этом в Манускрипте?

– В нем говорится, что каждый, кого бы мы ни встретили на пути, непременно несет нам весть. Случайных встреч не бывает. Но то, как мы реагируем на эти встречи, зависит от нашей способности принять эту весть. Если мы кого-то встречаем и в разговоре не усматриваем вести, имеющей отношение к нашим насущным вопросам, это не значит, что вести нет. Это лишь означает, что в силу каких-то причин мы упустили ее.

На миг она задумалась, а потом заговорила дальше:

– Вам когда-нибудь приходилось сталкиваться со старым другом или знакомым, чтобы, поговорив минуту, разойтись, а потом снова столкнуться с ним или с ней в тот же день или на той же неделе?

– Да, приходилось, – ответил я.

– И что вы при этом обычно говорили? Что-нибудь вроде «надо же, опять ты», чтобы потом, пошутив об этих встречах, идти дальше?

– Что-то в этом духе.

– В Манускрипте говорится, что в подобной ситуации следует бросить все дела и выяснить, какую весть мы несем этому человеку и какая весть есть у него для нас. В Манускрипте предсказывается, что когда люди осознают это, наше воздействие друг на друга станет более

размеренным, целенаправленным и взвешенным.

– Но это будет не так просто осуществить, особенно с теми, кто и понятия не имеет, о чем вы говорите.

– Ла, но в Манускрипте объясняется, как это делать.

– То есть как конкретно мы должны относиться друг к другу?

– Совершенно верно.

– И что же там говорится? – Помните, в Третьем откровении упоминается, что уникальность человеческой энергии проявляется в способности человека сознательно направлять свою энергию?

– Помню.

– А помните, как это делается?

Я стал вспоминать, чему меня учил Джон:

– Да, нужно любоваться красотой предмета, пока в нас не накопится достаточно энергии, чтобы испытать чувство любви. В этот момент мы можем посылать энергию обратно.

– Верно. Этот принцип справедлив и по отношению к людям. Любуясь человеком, мы так сосредоточиваемся на нем, что он буквально притягивает наш взор и начинает выглядеть более отчетливо. Тогда мы можем направлять на него свою энергию, чтобы он почувствовал воодушевление.

В первую очередь необходимо, конечно, поддерживать на высоком уровне свою собственную энергию: тогда мы сможем обратить поток энергии на себя, а затем через себя на другого человека. Чем больше мы будем любоваться целостностью других людей, их внутренней красотой, тем больше энергии пристоичет в них, и, естественно, тем больше ее пристоичет в нас.

При этих словах Хулия рассмеялась:

– Вот уж когда мы поистине что-то делаем больше ради своего удовольствия. Чем больше нам дано испытать к другим людям чувство любви, чем больше мы будем любоваться ими, тем больше энергии вольется в нас. Поэтому лучшее, что мы можем сделать для себя, – это любить и наполнять энергией других.

– Я уже слышал нечто подобное, – сказал я. – Так нередко говорит падре Санчес.

Я пристально взгляделся в Хулию. Было такое чувство, будто впервые удалось заглянуть в нее глубже. Она тоже бросила на меня пристальный взгляд, а потом опять сосредоточилась на дороге.

– Эффект от этой направленной энергии огромен, – проговорила она. – Вот сейчас, например, я чувствую, как вы наполняете меня энергией, и это позволяет мне мыслить более четко и ясно, когда я собираюсь заговорить.

Вы прибавляете свою энергию к моей, и я начинаю понимать, в чем состоит моя истина, которую с готовностью передаю вам. Мои слова звучат для вас откровением, это приводит вас к более глубокому пониманию моей высшей сути и к более сильному восхищению мною, что, в свою очередь, заставляет вас сосредоточиться. Ваше пристальное внимание придает мне еще больше энергии и позволяет еще глубже осознать мою истину. Затем весь цикл начинается заново. Когда это проделывают вместе несколько человек, они способны испытывать невероятный подъем, наполняя друг друга энергией и тут же получая ее обратно. Хотя следует понять, что это единение совершенно отлично от взаимозависимых отношений. Начинаются взаимозависимые отношения так же, но вскоре превращаются в подчинение себе, потому что зависимость отсекает от источника энергии, и энергия иссякает. Действительное излияние энергии не обусловлено привязанностью и происходит без умысла. Два человека лишь ждут, когда им откроется весть.

Пока она говорила, у меня возник еще один вопрос. По словам Пабло, при первой встрече я

не получил вести от падре Костуса, потому что вынудил его прибегнуть к ролевой установке, сформированной в детские годы.

– А как быть, – спросил я, – если собеседник уже действует в рамках своей ролевой установки, пытаюсь и вас втянуть в это? Как это преодолеть?

Хулия ответила незамедлительно:

– В Манускрипте говорится, что если мы не станем подыгрывать его ролевой установке, то у него ничего не выйдет.

– Что-то не очень мне это понятно, – проговорил я. Хулия смотрела вперед, на дорогу. Было видно, что она задумалась.

– Где-то в этих местах можно купить бензин. Я взглянул на индикатор уровня топлива. Он показывал, что бак наполовину полон.

252– У нас еще полно бензина.

– Знаю, – ответила она. – Но мне представилось, что мы останавливаемся и заправляемся, думаю, так и нужно поступить.

– Ну хорошо.

– А вот и дорога к этому дому, – сказала она, указывая направо.

Мы повернули и углубились почти на целую милю в джунгли, прежде чем добрались до домика, который смахивал на базовый лагерь рыбаков и охотников. Сам домик стоял у самой реки, и у причала было привязано несколько рыбацких лодок. Мы остановились у заржавелой заправочной колонки, и Хулия отправилась в дом искать хозяина.

Я вышел из машины, потянулся и, зайдя за угол, подошел к воде. Воздух был пропитан влагой. Хотя солнца и не было видно за густыми кронами деревьев, можно было судить, что оно стоит прямо над головой. Скоро оно будет палить беспощадно.

Неожиданно сзади послышалась сердитая испанская речь. Обернувшись, я увидел невысокого коренастого перуанца. Он грозно посмотрел на меня и опять что-то злобно проговорил.

– Я не понимаю, что вы говорите. Он перешел на английский:

– Кто ты такой? Что ты здесь делаешь?

Я попытался не обращать на него внимания:

– Мы только за бензином. Через несколько минут нас здесь не будет. – Я снова отвернулся к воде в надежде, что он уйдет.

Он зашел сбоку:

– Мне кажется, янки, тебе лучше сказать, кто ты такой.

Я снова взглянул на него. Похоже, он был настроен серьезно.

– Я – американец. Куда направляюсь, точно не знаю. Я еду с другом.

– Заблудившийся американец, – произнес он тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

– Совершенно верно.

– И чего тебе здесь надо, американец?

– Ничего не надо. – Я попытался пройти назад к машине. – Я ничего вам не сделал.

Оставьте меня в покое.

Тут я заметил, что возле машины стоит Хулия. Стоило мне взглянуть на нее, как перуанец тотчас перехватил мой взгляд.

– Пора ехать, – сказала Хулия. – Здесь уже не заправишься.

– Ты кто такая? – обратился к ней перуанец с той же враждебностью.

– А чем вы так рассержены? – вопросом на вопрос ответила Хулия.

В его лице что-то переменилось:

– Потому что присматривать за этим местом – моя работа.

– Уверена, что вы – хороший работник. Однако людям трудно разговаривать с вами, если вы нагоняете на них такой страх.

Тот уставился на нее, силясь понять, что она за птица.

– Мы направляемся в Икитос, – сказала Хулия. – Работаем с падре Санчесом и падре Карлом. Знаете их?

Он покачал головой, но при упоминании имен двух священников еще больше успокоился. В конце концов он кивнул нам и зашагал прочь.

– Поехали, – сказала Хулия.

Мы сели в машину и покинули этот лагерь. Я ощутил, насколько разволновался и разнервничался, и попытался стряхнуть это с себя.

– Что-нибудь было внутри? – спросил я.

– Что значит «было внутри»? – повернулась ко мне Хулия.

– Я имею в виду, было ли внутри что-нибудь, объясняющее, почему вам пришло в голову остановиться? Она рассмеялась, а потом сказала:

255– Нет, все происходило снаружи. Я в недоумении уставился на нее.

– Не догадались, в чем дело? – спросила она.

– Нет.

– А о чем вы размышляли перед тем, как мы сюда заехали?

– О том, что хочется вытянуть ноги.

– Нет, до этого. О чем вы спрашивали, когда мы разговаривали?

Я задумался. Мы говорили о ролевых установках. И тут я вспомнил:

– Вы сказали что-то смутившее меня. Мол, человек не сможет воздействовать на нас, если не подыгрывать его ролевой установке. Это было непонятно.

– А теперь понятно?

– Не совсем. А что вы хотите сказать?

– То, что произошло снаружи, ясно продемонстрировало, что происходит, если подыгрывать ролевой установке.

– Как это?

Она мельком взглянула на меня:

– Какую установку проигрывал на вас этот человек?

– По всей видимости, он – «шантажист».

– Верно. А какая роль была у вас?

– Я просто хотел, чтобы он отстал от меня.

– Я знаю, но какова была ваша роль?

– Ну, сначала я был замкнут, но этот тип не отставал.

– И что тогда?

Разговор действовал мне на нервы, но я старался сосредоточиться и не уходить от него. Посмотрев на Хулию, я проговорил:

– Наверное, я играл роль «бедный я».

– Совершенно верно, – улыбнулась она.

– А вы, похоже, без труда разделались с ним.

– Только потому, что не стала играть роль, на которую он рассчитывал. Не забывайте, что ролевая установка каждого сформировалась в детстве по отношению к другой роли. Поэтому, чтобы полностью проиграть какую-нибудь роль, необходима соответствующая ей. «Шантажисту» для получения энергии необходим или «бедный я», или другой «шантажист».

– И как же вы справились? – Я еще до конца не понимал этого.

– В ответ я могла бы сама сыграть «шантажиста» и попытаться переиграть его. Конечно, это

скорее всего привело бы к насилию. Но я вместо этого поступила так, как требует Манускрипт. Я назвала его роль. Каждую ролевою установку можно рассматривать как скрытую тактику, направленную на получение энергии. В роли «шантажиста» он пытался лишить вас энергии. Когда же он попытался проделать это со мной, я определила его и назвала то, что он делает.

– Вот почему вы спросили, почему он так рассержен?

– Да. В Манускрипте говорится, что скрытые неосознанные попытки овладеть энергией перестают существовать, если довести их до сознания, сказав о них вслух. Они перестают быть скрытыми. Способ этот очень прост. В разговоре благодаря ему обязательно выявится истинная цель беседы. После этого человеку приходится придерживаться того, о чем идет речь на самом деле, и быть честнее.

– Тогда понятно, – сказал я. – По-моему, я и сам раньше давал определение ролевым установкам, хотя и не понимал этого.

– Не сомневаюсь. Это делает каждый из нас. Мы просто больше узнаем, что за этим стоит. А главное, что нужно сделать для того, чтобы это сработало, – это посмотреть, что собой представляет в действительности скрытая за ролью личность человека, с которым вы имеете дело, и послать ему как можно больше энергии. Если он почувствует, _ что энергия и так поступает к нему, ему будет проще отказаться от своего способа овладения ею.

– И что же вам удалось увидеть в этом типе?

– Мне удалось увидеть маленького, неуверенного в себе мальчика, который отчаянно нуждается в энергии.

9 За•41 'If

Кроме того, он ведь доставил вам очень своевременную весть, верно?

Я посмотрел на нее. Казалось, она вот-вот рассмеется.

– Вы считаете, мы остановились там именно для того, чтобы я мог уяснить, как следует вести себя с тем, кто пытается разыграть роль?

– Вы ведь об этом спрашивали, верно? Я улыбнулся и почувствовал, что ко мне начинает возвращаться хорошее настроение:

– Ла, думаю, что об этом.

Меня разбудил жужжавший над ухом mosquito. Я посмотрел на Хулию. Она улыбалась, словно думая о чем-то смешном. Покинув лагерь на реке, мы несколько часов ехали молча, иногда перекусывая тем, что было приготовлено Хулией в дорогу.

– Проснулись? – проговорила Хулия.

– Да, – отозвался я. – Далеко еще до Икитоса? _ – До самого города миль тридцать, а вот до Стюарт Инн всего несколько минут езды. Это небольшая гостиница и приют для охотников. Владелец – англичанин и сторонник Манускрипта. – Она снова улыбнулась. – У нас с ним было немало добрых встреч. Если ничего не случилось, он должен быть на месте. Надеюсь, это поможет нам выяснить, где теперь Уил.

Она остановила машину на обочине и повернулась ко мне:

– Давайте-ка, сосредоточимся на том, где мы сейчас находимся. Перед тем как встретить вас, я долго бродила вокруг да около, желая помочь найти Девятое откровение и не представляя, где его искать. Как-то я поймала себя на том, что все время думаю о Хинтоне. Приезжаю к нему, и тут появляется не кто иной, как вы. Вы сообщаете, что ищите Уила и что, по слухам, он находится в Икитосе. Интуиция подсказывает мне, что мы оба будем искать Девятое откровение, а вам – что потом на каком-то этапе мы расстанемся и разойдемся в разные стороны. Все ли я перечислила?

– Да.

– Так вот, хочу, чтобы вы знали: после этого мне стали приходить в голову мысли о Вилли

Стюарте и этой гостинице. Здесь что-то должно произойти.

Я согласно кивнул.

Она снова вырулила на дорогу, которая впереди делала крутой поворот.

– А вот и гостиница, – сказала она, когда мы его проехали.

Метрах в шестидесяти от нас. там, где дорога вновь круто поворачивала вправо, виднелся двухэтажный дом в викторианском стиле.

Мы въехали на усыпанную гравием стоянку и остановились. На веранде беседовало несколько мужчин. Я открыл дверцу и собрался было выходить, когда Хулия тронула меня за плечо.

– Не забывайте, – проговорила она, – здесь нет случайных людей. Будьте начеку и ждите весть.

Я последовал за ней, и мы вместе поднялись на веранду. Мужчины, хорошо одетые перуанцы, рассеянно кивнули, когда мы проходили мимо. Когда мы очутились в просторном вестибюле, Хулия показала мне столовую, попросив занять столик и подождать ее там, пока она ищет хозяина.

Я огляделся. В столовой было около дюжины столиков, и стояли они в два ряда. Выбрав место в центре, я уселся спиной к стене. Следом за мной вошли трое мужчин – все перуанцы – и сели напротив. Вскоре появился еще один человек и занял столик справа, метрах в шести от меня. Он сел так, что оказался спиной ко мне. Я обратил внимание, что он – иностранец, возможно, европеец.

В столовую вернулась Хулия, которая, заметив меня, подошла и села за мой столик напротив.

– Хозяина нет, – сообщила она. – А его служащий ничего не знает об Уиле. – Ну и что теперь?

Взглянув на меня, она пожала плечами:

– Не знаю. Следует полагать, что у кого-то здесь есть весть для нас.

– И кто же это, по-вашему?

– Не знаю.

– Откуда вам известно, что это должно произойти? – спросил я, вдруг исполнившись скептицизма. Даже после всех необъяснимых стечений обстоятельств, которые случились со мной с того времени, как я очутился в Перу, мне по-прежнему было трудно поверить, что обстоятельства сложатся определенным образом и в нужное время только потому, что нам этого хочется.

– Не забывайте, о чем говорится в Третьем откровении, – ответила Хулия. – Вселенная есть энергия, энергия, которая реагирует на наши упования. Люди составляют часть этой энергетической Вселенной, так что если перед нами стоит вопрос, появляются люди, у которых есть ответ.

Хулия покосилась на присутствовавших в столовой:

– Я не знаю, кто эти люди, но если мы не пожалеем времени на разговор с ними, то выясним, что у каждого есть для нас некая истина, которая является частью ответа на наши вопросы.

Я недоверчиво посмотрел на нее. Она перегнулась ко мне через стол:

– Усвойте это для себя. В каждом, кто встречается нам на пути, есть весть для нас. В противном случае они выбрали бы другую дорогу или рано или поздно свернули бы с нее. Присутствие этих людей свидетельствует о том, что они здесь не просто так.

Я смотрел на Хулию, по-прежнему не зная, можно ли верить, что все так просто.

– Самое сложное, – сказала она, – выяснить, с кем стоит тратить время на разговор, так как

со всеми невозможно перекинуться даже парой слов.

– Ну и как вы определяете это?

– В Манускрипте говорится, что на это существуют знаки.

Я хотя и слушал со всем вниманием, но, неизвестно почему, окинул окружающих беглым взглядом и остановил его на человеке, сидящем справа от нас. Он обернулся и тоже посмотрел на меня. Когда наши взгляды встретились, мужчина снова уткнулся в тарелку. Я тоже отвернулся.

– Какие знаки? – спросил я.

– Вот такие.

– Какие такие?

– Такие, какой вы только что подали. – И она кивнула в сторону нашего соседа справа.

– Что вы имеете в виду?

Хулия снова перегнулась ко мне через стол:

– В Манускрипте говорится, что внезапный обоюдный зрительный контакт двух людей является знаком того, что им необходимо поговорить.

– А разве это не происходит постоянно?

– Происходит. Но после того, как это случается, большинство людей просто забывают об этом и продолжают заниматься своими делами.

Я кивнул:

– А о каких еще знаках упоминается в Манускрипте?

– О чувстве узнавания. Когда кто-то кажется знакомым, хотя и знаешь, что никогда раньше этого человека не встречал.

При этих словах я вспомнил Лобсона и Рено, которых, как мне показалось при первой встрече, я уже когда-то видел.

– А есть ли в Манускрипте что-нибудь о том, почему некоторые люди кажутся такими знакомыми?

– Есть, но немного. Просто упоминается, что по типу мышления мы делимся на группы. Они обычно образуются по интересам. Некоторые люди думают об одном и том же, а поэтому одинаково выражают себя и имеют похожий жизненный опыт. Мы интуитивно распознаем тех, кто входит в нашу группу, и очень часто они несут нам весть.

Я еще раз посмотрел на соседа справа. Он на самом деле смутно напоминал кого-то. И удивительное дело: когда я смотрел на него, он повернулся и снова мельком взглянул на меня. Я быстро перевел взгляд на Хулию.

– Вам обязательно нужно поговорить с этим человеком, – сказала она.

Я промолчал. Смущала сама мысль о том, чтобы просто подойти к нему. Хотелось уйти отсюда, чтобы ехать дальше в Икитос. Я уже собрался предложить это вслух, когда Хулия опять заговорила:

– Вот где нам нужно быть, а не в Икитосе. Необходимо пересмотреть наши планы. А ваша беда в том, что вы сопротивляетесь, вместо того чтобы подойти к этому человеку и завязать разговор.

– Как вам это удалось? – удивился я.

– Что удалось?

– Прочитать мои мысли.

– Никакой тайны в этом нет. Я лишь внимательно следила за выражением вашего лица.

– Ну и что же?

– Когда воспринимаешь какого-то человека более глубоко, чем других, то можно разглядеть его сокровенную суть, как бы снаружи она ни была прикрыта. А если вы действительно

сосредоточите свое внимание на таком уровне, то сможете понимать мысли этого человека по едва заметным изменениям выражения лица. И это совершенно естественно.

– Для меня это звучит как телепатия, – признался я.

– А телепатия – абсолютно естественное явление, – со смехом сказала она.

Я снова взглянул на нашего соседа. На этот раз он не посмотрел в мою сторону.

– Вы бы лучше собрали всю свою энергию да поговорили с ним, – предложила Хулия. – А то упустите эту возможность.

Я сосредоточился и принялся наращивать энергию, пока не почувствовал себя сильнее, а потом спросил:

– Что же мне сказать ему?

– То, что есть. Только преподнесите истину в том виде, в каком он, по-вашему, признает ее таковой.

– Хорошо.

Отодвинув свой стул, я пошел к столику, за которым сидел этот человек. Казалось, он чего-то боится и нервничает – совсем как Пабло в тот вечер, когда я познакомился с ним. Я попробовал заглянуть в него поглубже, чтобы выяснить, что стоит за этой нервозностью. После этого мне показалось, что у него на лице появилось другое выражение, исполненное большей энергии.

– Хэлло, – обратился к нему я. – Вы, похоже, не местный житель. Хотелось бы надеяться, что вы мне поможете. Я разыскиваю своего друга, Уила Джеймса.

– Садитесь, пожалуйста. – Говорил он со скандинавским акцентом. – Я – профессор Эдмонд Коннор. – И он протянул мне руку. – Очень сожалею. Я не знаю вашего друга Уила.

Я представился и объяснил, что Уил ищет Девятое откровение – у меня было предчувствие, что для него это могло что-то значить.

– Я знаком с Манускриптом, – сказал профессор. – Я здесь для того, чтобы выяснить подлинность этого документа.

– Вы один?

– Я должен был встретиться здесь с профессором Добсоном. Но он пока не приехал. Непонятно, что могло его задержать. Профессор уверял, что, когда я приеду, он уже будет здесь.

– Вы знакомы с Добсоном?!

– Да. Именно он организовал освидетельствование Манускрипта.

– С ним все в порядке? Он приедет сюда? Коннор вопросительно посмотрел на меня:

– Он так планировал. Разве что-нибудь случилось?

Моя энергетическая заряженность упала. Я понял, что Коннор с Добсоном договорились о встрече до ареста последнего.

– Я познакомился с ним в самолете, когда летел в Перу, – объяснил я. – Его арестовали в Лиме. Я понятия не имею, что с ним случилось потом.

– Арестовали? Боже мой!

– Когда вы в последний раз говорили с ним?

– Несколько недель тому назад, но о времени нашей встречи в этой гостинице существовала твердая договоренность. Он сказал, что позвонит, если что-нибудь изменится.

– Вы не помните, почему он хотел встретиться с вами здесь, а не в Лиме?

– Профессор говорил, что поблизости есть какие-то развалины и что ему нужно побывать здесь еще для того, чтобы встретиться с одним ученым.

– А он не называл места, где должен был состояться разговор с этим ученым?

– Называл. Он говорил, что ему нужно в... э-э... Сан-Луис, мне кажется. А что?

– Да нет. Просто спросил.

Когда я произносил эти слова, одновременно случились две вещи. Во-первых, я стал думать о Добсоне и представил, что мы снова встретились. Наша встреча произошла на дороге, вдоль которой росли гигантские деревья. Кроме того, бросив взгляд в окно, я, к своему изумлению, увидел, что по ступенькам веранды поднимается падре Санчес. У него был усталый вид, и он был весь в грязи. На стоянке в какой-то старой машине его дожидался другой священник.

– Кто это? – поинтересовался Коннор.

– Это падре Санчес! – воскликнул я, еле сдерживая радость.

Обернувшись, я поискал глазами Хулию, но за нашим столиком ее уже не было. Я поднялся, и как раз в это время в столовую вошел Санчес. Увидев меня, он резко остановился, и на лице у него выразилось полное изумление. Он подошел, и мы обнялись.

– Как вы, в порядке? – спросил падре.

– Да, нормально, – ответил я. – А что вы здесь делаете?

Несмотря на усталость, он слегка усмехнулся:

– Да вот, не знаю, куда еще податься. Сюда-то еле добрался. Сотни военных направляются в эту сторону.

– Что здесь нужно военным? – услышал я позади голос Коннора, который подошел к нам с Санчесом.

– Прошу прощения, – ответил Санчес, – но я не знаю, что у солдат на уме. Знаю лишь, что их очень много.

Я представил их друг другу и рассказал падре Санчесу о том положении, в котором оказался Коннор. Профессор, похоже, очень нервничал.

– Я должен уехать отсюда, – заявил он. – Но у меня нет водителя.

– Там, на улице, дожидается падре Пол, – сказал Санчес. – Он сейчас направляется в Лиму. Если хотите, можете ехать с ним.

– Конечно, хочу, – обрадовался Коннор.

– Постойте, а если они наткнутся на военных? – засомневался я.

– Не думаю, что они задержат падре Пола, – сказал Санчес. – Его не настолько хорошо знают.

В эту минуту в столовую вернулась Хулия и увидела Санчеса. Они нежно обнялись, и мне снова пришлось представлять Коннора. Пока я говорил, ученого, похоже, охватывал все больший страх, и лишь через несколько минут Санчес сказал ему, что падре Полу пора уезжать. Коннор ушел в номер за вещами и быстро вернулся. Попрощавшись с ним, я остался за столом, а Санчес с Хулией проводили профессора до машины. Мне нужно было подумать. Я понимал, что встреча с Коннором имеет какое-то значение, и то, что Санчес нашел нас именно здесь, тоже немаловажно, но мне никак было не осмыслить всего этого до конца.

Прошло немного времени, и в столовую вошла Хулия. Она села рядом.

– Я же говорила, что здесь должно произойти что-то важное, – сказала она. – Если бы мы не остановились здесь, то не встретили бы ни Санчеса, ни Коннора. Кстати, что вы узнали от него?

– Точно еще не могу сказать. А где падре Санчес?

– Он снял номер и лег отдохнуть. Он двое суток не спал.

Я отвернулся. Было понятно, что Санчес устал, но услышав, что к нему нельзя, я расстроился. Очень хотелось поговорить с ним и узнать, что произойдет с нами дальше и, особенно, что собираются делать военные. Я чувствовал себя не в своей тарелке и в глубине души хотел бежать вместе с Коннором.

Хулия почувствовала мое раздражение.

– Не надо переживать, – посоветовала она. – Успокойтесь и расскажите, что вы теперь думаете о Восьмом откровении.

Я посмотрел на нее, пытаясь сосредоточиться:

– Не знаю, с чего начать.

– О чем, по-вашему, говорится в Восьмом откровении?

Я стал вспоминать:

– О том, как относиться к другим людям – к детям и взрослым. О том, как давать определение ролевым установкам и преодолевать их, как сосредоточивать свое внимание на других таким образом, чтобы посылать им энергию.

– И?..

Я сосредоточился на ее лице и тут же понял, к чему она клонит:

– Если мы будем наблюдательны с собеседниками, то получим в результате ответы на свои самые насущные вопросы.

Хулия ослепительно улыбнулась.

– Ну как, уяснил я это откровение? – спросил я.

– Почти. – ответила она. – Но есть еще один момент. Вы узнали, как человек может поддержать другого. А теперь вам предстоит понять, что происходит с группой людей, когда все, кто в нее входит, знают, как происходит подобное общение.

Я вышел на веранду и опустил на один из стульев из гнutoго металлического прута. Через несколько минут в дверях появилась Хулия и под села ко мне. Мы неторопливо поужинали, изредка перекидываясь словами, а потом решили побыть еще немного на веранде и полюбоваться ночным небом. Прошло уже три часа с тех пор, как Санчес ушел к себе в номер, и во мне опять стало расти беспокойство. Когда священник неожиданно вышел из дома и присоединился к нам, я почувствовал облегчение.

– Вы что-нибудь слышали об Уиле? – спросил я.

Пока я задавал этот вопрос, падре подвинул стул так, чтобы сесть лицом к нам с Хулией. Я обратил внимание на то, как тщательно он установил стул на равное от каждого из нас расстояние.

– Да, – проговорил он наконец. – Слышад. Священник снова умолк и вроде бы о чем-то задумался, ПОЭТОМУ Я СПРОСИЛ:

– И что же вы слышали?

– Давайте, я расскажу все по порядку, – сказал он. – Отправляясь с падре Карлом обратно в миссию, мы думали застать там падре Себастьяна с военными. Мы ждали расследования. В миссии мы обнаружили, что Себастьян, оставив нам послание, неожиданно покинул ее вместе с военными за несколько часов до нашего прибытия.

Целый день мы провели в неведении, но вчера приехал падре Костус, с которым, как я понимаю, вы знакомы. Он сказал, что его направил ко мне Уил Джеймс. По всей видимости, Уил вспомнил название моей миссии, которое раньше называл в беседе с ним падре Карл, и интуиция подсказала ему, что нам понадобятся сведения падре Кос-туса. Падре решил примкнуть к сторонникам Манускрипта.

– А почему Себастьян так неожиданно покинул миссию? – спросил я.

– Кардинал собирается ускорить осуществление своих планов, – ответил Санчес. – Он узнал, что Костус решил раскрыть его намерение уничтожить Девятое откровение.

– Себастьян нашел последнее откровение?

– Еще нет, но кардинал на это рассчитывает. Он обнаружил еще один документ, в котором указано местонахождение Девятого откровения.

– И где предполагается его искать? – спросила Хулия.

– На Селестинских развалинах, – ответил Санчес.

– А где это? – не унимался я.

– Миль шестьдесят отсюда, – повернулась ко мне Ху-лия. – Там велись раскопки, причем этим занимались исключительно перуанские ученые, и все держалось в строжайшем секрете. При раскопках обнаружены остатки древних храмов: в нижнем слое – майя, а над ним – инков. По всей видимости, обе цивилизации считали, что этому месту присуще нечто особое.

Я вдруг понял, что Санчес сосредоточен на разговоре больше, чем обычно. Когда говорил я, он переносил на меня все свое внимание и смотрел не отрываясь. Когда в беседу вступала Хулия, падре принимал другое положение, чтобы полностью сосредоточиться на ней. Было такое впечатление, что он действует очень продуманно. «Чем он, интересно, занят?» – подумал я, и как раз в этот момент наступила тишина. И Санчес, и Хулия выжидающе смотрели на меня.

– Что такое? – в недоумении спросил я.

– Теперь ваша очередь говорить, – улыбнулся Санчес.

– Мы что, говорим по очереди? – спросил я.

– Нет, – вмешалась Хулия, – просто мы беседуем сознательно. Каждый говорит, когда к нему перемещается энергия. Сейчас мы видим, что она переместилась к вам.

Я не знал, что и сказать.

Санчес смотрел на меня с дружеским участием:

– Частью Восьмого откровения является овладение групповым сознательным воздействием друг на друга. Но не надо смущаться. Просто постарайтесь понять, как это происходит. Когда все, кто входит в эту группу, ведут беседу, в какой-то момент только одному человеку приходит в голову самая действенная мысль. Если остальные участники беседы начеку, они почувствуют, что один из них собирается заговорить, и тогда все смогут сконцентрировать энергию на этом человеке и помочь ему высказать свою мысль с предельной ясностью.

Потом в ходе беседы самая действенная мысль возникает у кого-то другого, затем еще у кого-нибудь, и так далее. Если сосредоточиться на том, о чем идет речь, то можно почувствовать, когда наступает твоя очередь. Важная мысль непременно возникнет в вашем сознании.

Санчес перевел взгляд на Хулию, и она спросила у меня:

– Что за мысль пришла вам в голову, а вы ее не высказали?

Я попытался вспомнить.

– Я думал, – проговорил я наконец, – почему падре Санчес так пристально смотрит на того, кто говорит. Наверное, мне хотелось узнать, что это значит.

– Главное в этом, – начал объяснение Санчес, – вовремя высказаться и излить энергию, когда настанет очередь говорить кому-то другому.

– В группе многое может получаться не так, – вставила Хулия. – Некоторые исполняются высокомерия. Они ощущают важность своей мысли и высказывают ее вслух, потом им становится настолько хорошо благодаря всплеску энергии, что они долго продолжают говорить тогда, когда поток энергии должен быть перемещен уже на кого-то другого. Они пытаются подчинить себе всю группу.

Другие же отступают и, даже ощущая, насколько действенна их мысль, не рискуют высказать ее. В результате группа раскалывается, и никто уже в полной мере не может воспользоваться всеми предназначенными для них вестями. Подобное происходит, когда кого-то из людей, входящих в эту группу, не принимает кто-то из остальных членов группы. Отверженным отказывают в получении энергии, и поэтому никому не удается воспользоваться их мыслями.

Хулия умолкла, и мы с ней посмотрели на Санчеса, который переводил дыхание, чтобы заговорить.

– Немаловажно и то, как мы отвергаем людей, – сказал он. – Когда мы недолго любим

какого-то человека или чувствуем исходящую от него угрозу, для нас естественно сосредоточить внимание на том, что нам в нем не нравится и что раздражает. К сожалению, при этом, вместо того чтобы разглядеть в человеке глубоко укрытую красоту и излить на него энергию, мы лишаем его энергии и, по сути дела, причиняем ему вред. Он же замечает лишь, что ни с того ни с сего почувствовал себя не столь счастливым и не таким уверенным в себе, как минуту назад. И все из-за того, что мы истощили запас его энергии.

– Вот почему, – подхватила Хулия, – этот процесс так важен. В этом яростном соревновании люди заставляют друг друга стареть с ужасающей скоростью.

– Но не нужно забывать, – добавил Санчес, – что в группе, где этим занимаются серьезно, смысл заключается в том, чтобы делать как раз обратное: увеличивать запас энергии каждого и повышать уровень его колебаний благодаря посылаемому всеми остальными потоку энергии. Когда это происходит, энергетическое поле каждой личности смешивается с полями всех остальных и образует единую совокупность энергии. Вся группа становится как бы единым телом, но телом многоголовым. Иногда за все тело вещает одна голова. Потом говорит другая. Но в группе, где все построено таким образом, каждый знает, когда ему брать слово и что говорить, так как он сейчас имеет куда более ясное представление о жизни. Такова Высшая личность, о которой упоминается в Восьмом откровении в связи с любовными отношениями между мужчиной и женщиной. Однако такая личность может быть образована и другими группами людей.

Слова падре Санчеса неожиданно заставили меня вспомнить о падре Костусе и Пабло. Неужели юному индейцу удалось в конце концов переубедить падре Костуса, и тому захотелось сохранить Манускрипт? Добился ли он этого благодаря силе Восьмого откровения?

– Где сейчас падре Костус? – спросил я. Мои собеседники, казалось, несколько удивились этому вопросу, но падре Санчес тут же ответил:

– Падре Костус вместе с падре Карлом решили отправиться в Лиму, чтобы сообщить иерархам Церкви, что, похоже, задумал кардинал Себастьян.

– Думаю, что именно поэтому падре был так тверд в своем намерении отправиться к вам в миссию. Он знает, что ему нужно сделать еще кое-что.

– Совершенно верно, – согласился Санчес.

В разговоре неожиданно возникла пауза, и мы стали внимательно всматриваться друг в друга: каждый ожидал, кого следующего посетит самая важная мысль.

– Теперь вопрос в том, – заговорил наконец падре Санчес, – что суждено сделать нам? Первой высказалась Хулия:

– Мне все время приходили в голову мысли, что я как-то связана с Девятым откровением, что оно попадет ко мне на достаточно долгое время, чтобы успеть что-то предпринять... но не совсем ясно, что именно.

Санчес и я не сводили с нее глаз.

– Это происходит в каком-то особенном месте... – продолжала она. – Погодите, ведь это же на развалинах, на Селестинских развалинах! Там есть одно особое место между двух храмов. Чуть было не запямятовала. – Она подняла на нас глаза. – Вот куда мне нужно: на Селестинские развалины!

Хулия умолкла, и оба – она и Санчес – обратили взгляды на меня.

– Не знаю, – начал я. – Мне было интересно, почему Себастьян и его люди так ополчились на Манускрипт. Я понял, что это вызвано страхом перед идеей о внутренней эволюции человека... Но теперь я просто не знаю, куда идти... Эти военные направляются сюда... Похоже, Себастьян собирается первым найти Левятое откровение... Не знаю, мне представилось, что я каким-то образом участвую в попытке убедить его не уничтожать Манускрипт.

Я замолчал и мыслями снова обратился к Лобсону, а затем вдруг к Девятому откровению. И тут я понял, что откровение прояснит, куда нас, людей, приведет эволюция. Задавшись вопросом, как будут относиться друг к другу люди под влиянием Манускрипта, я получил на него ответ в Восьмом откровении. Теперь логически возникал следующий вопрос: к чему все это приведет, какие изменения произойдут в человеческом обществе? Должно быть, об этом поведает Девятое откровение.

Почему-то казалось, что полученной сейчас вестью можно будет воспользоваться, чтобы уменьшить страх Себастьяна перед сознательной эволюцией... Если он захочет прислушаться.

– И все же я считаю, что кардинала Себастьяна можно переубедить и сделать сторонником Манускрипта! – убежденно заявил я.

– Вы видите себя переубеждающим кардинала? – спросил Санчес.

– Нет... вообще-то нет. Со мной человек, который может выйти на него, кого Себастьян знает и кто способен говорить с ним на равных.

Когда я произнес эти слова, мы с Хулией одновременно посмотрели на падре Санчеса.

Он попытался улыбнуться и заговорил со смирением:

– Мы с кардиналом Себастьяном уже долго стараемся избежать прямого столкновения из-за Манускрипта. Он всегда стоял выше меня. Он считал меня своим протеже, и, должен признаться, я смотрел на него с пиететом. Но мне кажется, я всегда знал, что до этого дойдет. Когда вы в первый раз заговорили об этом, я понял, что задача переубедить кардинала ляжет на меня. Вся моя жизнь была подготовкой к этому.

Священник пристально посмотрел на нас с Хулией, а потом продолжал:

– Моя мать выступала за реформирование христианства. Она была против того, чтобы спекулировать на чувстве вины и силой обращать людей в веру. Она считала, что к вере должны приходить из любви, а не из страха. Мой отец, с другой стороны, был сторонником строгой дисциплины. Позже он стал священником и, подобно Себастьяну, твердо верил в традиции и власть. Это породило во мне желание работать под началом Церкви, но я всегда искал, как внести в ее жизнь такие изменения, которые подчеркнули бы важность высшего религиозного опыта.

Совладать с Себастьяном – следующий шаг для меня. Мне не хотелось идти на это, но я знаю, что должен ехать в его миссию в Икитосе.

– Я поеду с вами, – заявил я.

Грядущая цивилизация

Поднявшись рано утром, мы быстро попрощались с Хулией и на машине с высокой посадкой, на сверхбаллонах и с полным приводом – ее одолжил у кого-то падре Санчес – отправились в путь. Дорога на север петляла по густым джунглям и пересекала несколько полноводных рек, как пояснил священник – притоков Амазонки. Чем дальше мы продвигались вперед, тем крупнее становились деревья. Они росли довольно далеко друг от друга. Дорога пошла в гору.

– Похоже на пейзаж в окрестностях Висьенте, – заметил я.

Санчес улыбнулся:

– Мы в полосе колоссальной энергетической заряженности. Ее длина – пятьдесят миль, ширина – двадцать, и она простирается до самых Селестинских развалин. Окружают этот район непроходимые джунгли.

Вдалеке, там, где начинались джунгли, я заметил участок расчищенной земли.

– Что это? – удивился я, указывая на него.

– Так власти представляют себе развитие сельского хозяйства.

На обширном участке вдоль дороги деревья были выкорчеваны бульдозерами и

беспорядочно свалены друг на друга. Некоторые стволы были полуобгоревшими. Верхний почвенный слой был размыт, и по оголенной земле, поросшей разнотравьем, бестолково бродило стадо коров. Когда мы проезжали мимо, несколько животных повернули головы в нашу сторону. Заметив еще один участок изрытой бульдозерами земли, я понял, что это «развитие» подбирается к гигантским деревьям, мимо которых мы проезжали.

– Жуткое зрелище, – проговорил я.

– Да уж, – отозвался Санчес. – Даже кардинал Себастьян выступает против этого.

Мне вспомнился Фил. Возможно, он пытался уберечь именно это место. Что с ним сейчас? Тут я снова подумал о Добсоне. По словам Коннора, Добсон собирался встретиться с ним в гостинице. Почему Коннор оказался там, чтобы рассказать мне об этом? Где Добсон сейчас? Его выслали из страны? Посадили в тюрьму? От моего внимания не ускользнуло и то, что образ Добсона ни с того ни с сего возник у меня в сознании в связи с Филом.

– Далеко еще до миссии Себастьяна? – спросил я.

– Около часа езды, – ответил Санчес. – Как вы себя чувствуете?

– В каком смысле?

– Я имею в виду уровень вашей энергии.

– Думаю, он высок, – предположил я. – Столько красоты вокруг.

– Как вам показался наш вчерашний разговор втроем?

– По-моему, восхитительно.

– Вам было понятно, что происходило?

– Вы имеете в виду, что в каждом из нас в определенное время начинали бить ключом идеи?

– Да, но в более широком значении.

– Тогда не знаю.

– А я вот раздумывал над этим. К подобному сознательному общению, когда каждый старается выявить в других все самое лучшее, а не стремится к власти над ними, непременно придет в конечном счете весь род человеческий. Только представьте, насколько при этом повысится энергетический уровень каждого и какими гигантскими шагами пойдет эволюция!

– Верно, – подтвердил я, – я как раз пытался представить, какие изменения претерпит человеческая цивилизация по мере всеобщего подъема энергетического уровня.

Священник посмотрел на меня так, словно был поражен точностью моих слов:

– Именно это мне тоже хотелось бы узнать.

Какое-то время мы смотрели друг на друга, и я понял: мы оба ждем, к кому придет следующая мысль. В конце концов Санчес сказал:

– Должно быть, ответ на этот вопрос содержится в Девятом откровении. В нем, по-видимому, объясняется, что произойдет по мере продвижения цивилизации вперед.

– Я тоже так считаю, – согласился я.

Санчес сбавил скорость. Мы приближались к развилке, и нам нужно было решить, по какой дороге двигаться дальше.

– Мы будем проезжать поблизости от Сан-Луиса? – спросил я.

Он взглянул мне прямо в глаза:

– Только если повернем налево на этом перекрестке. А что?

– Коннор упомянул, что Добсон поедет в гостиницу через Сан-Луис. Думаю, что это и была его весть.

Мы по-прежнему не отрываясь смотрели друг на друга.

– Вы немного притормозили на перекрестке, – заметил я. – Отчего?

Падре Санчес пожал плечами:

– Не знаю. Если ехать прямо в Икитос, то не нужно никуда сворачивать. Только я почему-то засомневался. У меня по всему телу пробежал холодок. Подняв бровь, Санчес усмехнулся:

– Мне кажется, нам лучше ехать через Сан-Луис, а?

Я кивнул и почувствовал невиданный прилив энергии. Остановка в гостинице и встреча с Коннором становились более значимыми. Когда Санчес свернул налево и мы двинулись к Сан-Луису, я принялся с надеждой вглядываться в дорогу. Прошло минут сорок, но ничего не произошло. Мы проехали через Сан-Луис, и опять ничего примечательного не случилось. Неожиданно мы услышали, что сзади кто-то • отчаянно сигналил, и, обернувшись, увидели несущийся за нами серебристый джип. Водитель из всех сил махал нам рукой. Он показался мне знакомым.

– Это Фил! – воскликнул я.

Мы остановились на обочине, Фил подбежал к нашей машине и, кивнув Санчесу, схватил меня за руку:

– Не знаю, что вы здесь делаете, – проговорил он, – но впереди полно военных. Может, лучше вернетесь и переждете вместе с нами?

– Откуда вы узнали, что мы здесь появимся? – спросил я.

– А я не знал, – сказал он. – Просто смотрю и вижу – вы едете. Мы в полумиле отсюда. – Он огляделся вокруг и добавил: – Лучше нам убраться с этой дороги!

– Мы поедem за вами, – решил падре Санчес.

Фил развернул свой джип и двинулся в обратную сторону. Мы последовали за ним. Свернув на какую-то дорогу, ведущую на восток, он почти сразу остановился. Из-за деревьев навстречу машине вышел человек. Я не поверил своим глазам. Добсон!

Выйдя из машины, я подошел к нему. Он тоже не ожидал такой встречи и тепло обнял меня.

– Вот уж не думал вас встретить! – воскликнул он.

– Я тоже, – радостно откликнулся я. – Мы считали, что вас убили!

Лобсон похлопал меня по спине:

– Как видите нет, лишь задержали, но страху я натерпелся. Потом меня отпустили благодаря некоторым чиновникам, симпатизирующим Манускрипту. С тех пор постоянно скрываюсь.

Он помолчал, с улыбкой глядя на меня.

– Рад, что у вас все в порядке. Когда Фил рассказал, что познакомился с вами в Висьенте, а потом вас вместе арестовали, я не знал, что и подумать. Однако я должен был предвидеть, что мы снова встретимся. Куда вы направляетесь?

– К кардиналу Себастьяну. Нам кажется, он собирается уничтожить последнее откровение.

Лобсон кивнул и собрался было еще что-то прибавить, но тут подошел падре Санчес.

Я представил их друг другу.

– Мне кажется, – сказал Лобсон падре Санчесу, – я слышал ваше имя в Лиме в связи с арестом двух священников.

– Падре Карла и падре Костуса? – спросил я.

– Ла, по-моему, упоминали именно этих людей.

Санчес лишь слегка покачал головой. Потом я переключился на Лобсона, и мы несколько минут рассказывали друг другу все, что с нами случилось после того, как мы расстались. Он поведал мне, что изучил все восемь откровений, и, казалось, ему не терпелось еще что-то сказать, но я стал рассказывать о встрече с Коннором и его возвращении в Лиму.

– Скорее всего его тоже арестуют, – предположил Лобсон. – Жаль, что не удалось вовремя появиться в гостинице, но мне хотелось сначала заехать в Сан-Луис, чтобы встретиться еще с одним ученым. В конце концов я не нашел его, однако встретил Фила и...

– И что? – спросил Санчес. – Может быть, нам лучше присесть где-нибудь, – предложил Лобсон. – Вы просто не поверите. Фил обнаружил неполный список Девятого откровения!

Все застыли.

– Он обнаружил список перевода? – спросил Санчес.

– Ла.

Фил копался у себя в машине и теперь направлялся к нам.

– Вы нашли часть Девятого откровения? – взволнованно обратился я к нему.

– Не то чтобы нашел, – смутился он. – Мне его передали. После того как нас задержали, меня отвезли в какой-то городишко. Где он находится, не знаю. Через некоторое время появился кардинал Себастьян. Он беспрестанно – но расспрашивал меня об исследованиях в Висьенте и о моих попытках спасти леса. Я не понимал, в чем дело, пока один из охранников не принес мне неполный список Девятого откровения. Он выкрал его у кого-то из людей Себастьяна, который, по всей видимости, только что перевел его. Там рассказывается об энергии старых лесов.

– И о чем же идет речь?

Фил замолчал, вспоминая, а Лобсон вновь пригласил нас сесть. Он повел нас в начало расчистки леса, где в центре площадки расстелили брезент. Место было красивое. Около дюжины больших деревьев образовывали круг метров в десять в поперечнике. Внутри этого круга заросли тропических растений наполняли воздух тонким ароматом, а папоротники на длинных стеблях отличались невиданно яркой зеленью. Мы расселись друг против друга.

Фил взглянул на Добсона. Добсон посмотрел сначала на Санчеса, потом на меня и заговорил:

– В Девятом откровении объясняется, какие изменения претерпит человеческая цивилизация в следующем тысячелетии в результате сознательной эволюции. В нем описывается образ жизни, который значительно отличается от нынешнего. Так, например, Манускрипт предвещает доброе сокращение нами рождаемости с тем, чтобы все люди смогли жить в энергетически мощных и красивейших местах Земли. Причем нужно отметить, что в будущем этих! мест будет значительно больше, так как мы будем сохранять леса нетронутыми, чтобы дать им возможность вырасти и накопить энергии.

– В соответствии с Девятым откровением, – продолжал рассказывать Добсон, – к середине следующего тысячелетия люди будут жить, как правило, среди пятисотлетних деревьев и заботливо ухоженных садов, расположенных сравнительно недалеко от городских районов, оснащенных такими чудесами техники, которые нам и не снились. К тому времени все, необходимое для жизни – продукты, одежда и транспорт, – будет полностью автоматизировано, и ими сможет пользоваться каждый. Нам будет предоставлено все необходимое без какого-либо денежного обмена, но и люди не будут злоупотреблять этими благами, лень будет изжита.

Прислушиваясь к своему внутреннему голосу, каждый будет точно знать, что и когда ему нужно делать, и его поступки будут находиться в полном согласии с действиями остальных. Никто не будет допускать чрезмерного потребления, потому что мы избавимся от необходимости чем-либо обладать и следить за неприкосновенностью своей! собственности. Жизнь в следующем тысячелетии будет со-1 всем иной. ""

– В Манускрипте утверждается, – рассказывал далее; Добсон, – что человек будет жить захватывающим ощущением собственной эволюции – радостью от того, что полученные тобою вести на твоих глазах свершаются то, чему суждено быть. В Девятом откровении обрисован мир людей, где каждый будет жить более размеренно и чутко, в постоянной готовности к новой, полной скрытого смысла встрече. Мы будем знать, что она может произойти где угодно – на тропинке, петляющей в лесу, или на мостике, переброшенном через каньон. Можете вообразить себе встречу подобной значимости и важности? Представьте, как будет происходить первое

знакомство. Сначала каждый внимательно рассмотрит энергетическое поле другого, чтобы убедиться в искренности нового знакомого. Когда сомнений не останется, они осознанно расскажут о себе и о своей жизни, пока с радостью не обнаружат вести, которые несут друг другу. После этого каждый отправится дальше своим путем, но оба станут уже другими людьми. Частота их колебаний станет выше, и их дальнейшие контакты будут проходить на новом уровне, который был недостижим до этой встречи.

Мы придали Добсону энергии, и он стал еще более красноречиво и вдохновенно описывать будущую цивилизацию. И то, что он говорил, казалось истиной. Я не сомневался, что он рассказывает о достижимом будущем, однако в истории было немало провидцев, которым виделся такой мир – Маркс, например, – но способа воплотить подобную утопию найдено не было. Коммунизм обернулся трагедией.

Даже обладая знанием, изложенным в первых восьми откровениях, я не мог представить, каким образом роду человеческому удастся прийти к описанной в Девятом откровении этике отношений. Когда Добсон замолчал, я высказал свои сомнения, и он пояснил.

– В Манускрипте говорится, что к этому нас приведет естественное стремление к истине. Но для того чтобы понять, как это произойдет, нужно познать следующее тысячелетие. – Добсон улыбнулся и обратился ко мне: – Помните, как вы вместе со мной в самолете познали все нынешнее тысячелетие? Словно прожили его за одну жизнь?

Добсон вкратце рассказал об этом всем присутствующим, а потом продолжал:

– Задумайтесь над тем, что уже произошло в этом тысячелетии. В средние века мы жили в примитивном мире, где добро и зло было определено церковниками. Однако в эпоху Ренессанса мы вырвались на свободу. Мы поняли: помимо того, что известно церковникам о предназначении человека в этом мире, должно быть еще что-то, и нам захотелось узнать все.

Потом мы выслали вперед науку, чтобы выяснить наше истинное предназначение, но не получили ответов на на-сушные вопросы и решили как следует обустроиться, причем трудовую мораль превратили в некую озабоченность. Действительность оказалась подчиненной мирскому, мы изжили из окружающего мира все таинственное. Но теперь нам понятно, что на деле представляет собой это подчинение материальной озабоченности. Мы понимаем: настоящей причиной того, что мы пять столетий потратили на создание экономической базы человека, была подготовка условий для чего-то другого, для такого образа жизни, при котором тайное вновь обретет право на существование.

Как раз на это указывает информация, которую мы получаем, используя научный метод: предназначение человечества на этой планете состоит в сознательной эволюции. А когда, говорится в Девятом откровении, мы научимся эволюционировать и пойдем своим собственным путем, постигая истину за истиной, наша цивилизация преобразится, причем путь изменений мы можем предсказать.

Добсон умолк, но никто не произнес ни слова. Было очевидно, что все хотят услышать что-то еще.

– Когда мы достигнем критической массы и откровения будут изучать во всем мире, первое, что предстоит роду человеческому, – это период интенсивного самоанализа. Мы поймем, какой красоты и духовности исполнен на самом деле мир природы. Реки и горы предстанут для нас храмами, заключающими в себе великую силу, относиться к которой нужно с благоговением и трепетом. Мы потребуем положить конец любой деятельности, представляющей угрозу для этого сокровища. А те, кто имеет самое непосредственное отношение к сложившейся в мире ситуации, решат проблему загрязнения окружающей среды. Кому-нибудь интуиция непременно подскажет альтернативные решения, потому что они запрашиваются сами. If и

– И это станет первой частью великой перемены, которой суждено произойти, – продолжал

он свой рассказ. – Она выразится в полном драматизма поиске людей своего места в новом мире. Дело вот в чем: когда люди интуитивно поймут, что они действительно собой представляют, осознают, что заняты не тем, чем нужно, им придется, чтобы не прерывать свой рост, резко менять род своей деятельности. В Манускрипте говорится, что в это время люди за свою жизнь будут кардинально менять профессию не один раз.

Следующей переменной в человеческой цивилизации станет автоматизированное производство потребительских товаров. Люди, которые осуществят эту автоматизацию, технари, будут стремиться сделать хозяйствование более эффективным. Становясь прозорливее, они поймут, что автоматизация приводит, по сути дела, к высвобождению времени людей, чтобы у каждого появилась возможность проявить себя в чем-то другом.

В то же время люди в своих занятиях будут стремиться иметь как можно больше свободного времени. Многие уяснят для себя, что истина, которую им нужно донести, и дела, которые им нужно совершить, слишком своеобразны для обычной рабочей обстановки. Поэтому люди будут стараться сократить свои рабочие часы, чтобы следовать собственной истине. На работе, которую раньше выполнял один человек, будут заняты трое или четверо. При этом легче будет найти работу – по крайней мере, на неполный рабочий день – для тех, кто потеряет ее в результате автоматизации производства.

– Ну а как же насчет денег? – поинтересовался я. – Трудно поверить, что кто-то добровольно пойдет на сокращение своих доходов.

– О, людям не придется делать этого. – сказал Лобсон. – В Манускрипте говорится, что наши доходы останутся стабильными благодаря тому, что мы будем получать вознаграждение за предлагаемые нами откровения.

– Что-что? – Я чуть не расхохотался.

Улыбнувшись, Лобсон посмотрел мне прямо в глаза; – В Манускрипте утверждается, что с увеличением объема знаний об энергетическом обмене во Вселенной нам откроется то, что происходит в действительности, когда мы что-то кому-то даем. Сегодня единственным духовным представлением о дарении является понятие о церковной десятине.

Он обратил взгляд на падре Санчеса: – Как вы знаете, библейское понятие о десятине чаще всего истолковывается как предписание передавать Церкви десятую часть своих доходов. Но за этим стоит мысль о том, что всякий дар будет возвращен нам сторицей. А в Левятом откровении объясняется, что на деле дарение является универсальным принципом поддержки, и это касается не только Церкви, но и каждого из нас. Когда мы даруем, нам воз-' дается в силу взаимодействия энергии во Вселенной. Не забывайте, что когда мы изливаем на кого-нибудь энергию, внутри нас образуется пустота, которая, если мы подключе-; ны к вселенскому источнику, заполняется вновь. С деньгами 1 получается точно так же. В Левятом откровении объясняет-' ся, что как только мы начнем постоянно отдавать, то как бы много мы ни отдали, нам всегда воздается больше.

А дары наши следует подносить тем, кто одарил нас духовной истиной. Мы должны одаривать деньгами людей, которые появляются у нас на жизненном пути в самый нужный момент и дают нам ответы на самые насущные вопросы. Именно таким образом мы будем пополнять свой доход, не утруждая себя занятиями, которые ограничивают наши возможности. Чем больше людей будет вовлечено в это духовное хозяйствование, тем скорее начнется действительный переход к цивилизации следующего тысячелетия. Если каждый найдет наиболее подходящее для себя занятие, мы подойдем к той стадии развития, когда начнем получать вознаграждение за свою свободную эволюцию и за передачу своей уникальной истины другим.

Я взглянул на Санчеса: он был весь внимание и, казалось, прямо таки излучал энергию. –

Ла, – произнес священник, обращаясь к Добсо-ну. – Я ясно представляю себе все это. Если бы все принимали в этом участие, тогда бы мы постоянно отдавали и получали, и это взаимодействие с другими, этот обмен информацией стал бы новым полем деятельности для каждого, нашей новой экономической ориентацией. Нам станут платить люди, с которыми мы соприкасаемся. Такое положение вещей позволит затем полностью автоматизировать материальную основу жизни, так как мы сами будем слишком заняты для того, чтобы владеть этими системами или управлять ими. Нам потребуется, чтобы материальное производство было автоматизировано и им можно было бы управлять, как каким-нибудь простым приспособлением. Возможно, у нас будут вложены средства в производство, и это развяжет нам руки, чтобы расширять границы того, что сегодня носит название «век информации».

Однако сегодня важно именно то, что теперь мы понимаем, куда идем. Прежде мы не могли ни спасти окружающую среду, ни распространить демократию по всей Земле, ни накормить бедных, поскольку все это время были не способны избавиться от страха голода и отказаться от стремления к власти, чтобы еще и давать другим. Нам это было не дано, так как у нас не было мировоззрения, которое послужило бы альтернативой нынешнему существованию. Теперь оно у нас есть!

Он посмотрел на Филадельфия:

– Но разве у нас не возникнет необходимость в дешевом источнике энергии?

– Термоядерный синтез, сверхпроводимость, искусственный разум, – отозвался Фил. – Теперь, когда мы понимаем, зачем нам все это, до технологии автоматизации не так уж далеко.

– Верно, – подтвердил Лобсон. – Самое важное для нас – понимание истинности нового образа жизни. Мы живем на планете не для того, чтобы создавать личные владения и следить за ними, а для того, чтобы эволюционировать. Преобразования начнутся с платы другим людям за их откровения, а потом, по мере того как будет автоматизировано все большее число составных частей экономики, деньги вообще исчезнут. У нас не будет необходимости в них. Если точно придерживаться того, что подсказывает интуиция, мы будем брать лишь необходимое.

– И нам станет понятно, – вмешался Фил, – что за дикой природой на Земле нужно ухаживать и оберегать ее как источник невероятной силы.

Когда Фил заговорил, все сконцентрировали внимание на нем. Он был, похоже, удивлен, ощутив вызванный этим подъем.

– Я изучил не все откровения, – сказал он, глядя на меня. – По сути дела, я, может быть, вообще не сохранил бы эту часть Девятого откровения, если бы до этого не познакомился с вами. Я вспомнил, как вы говорили о важности этого Манускрипта. Я хоть и не читал других откровений, но все же понимаю, насколько важно сохранить гармоничное сочетание автоматизации и обмена энергией на Земле.

– Меня всегда интересовали леса и их роль в биосфере, – продолжал он. – Теперь я понимаю, что это увлечение было у меня всегда, еще с детства. В Девятом откровении говорится, что, по мере духовной эволюции человечества, мы по доброй воле уменьшим население Земли до уровня, который она способна вынести. Наша жизнь будет протекать в пределах естественных энергетических систем планеты. Сельское хозяйство будет автоматизировано, и исключение будут составлять растения, которым люди – захотят сами передавать энергию, а потом питаться ими... Строек лес будут выращивать на особо выделенных для этого площадях. Остальные деревья на земле будут оставлены, чтобы спокойно расти, со временем образуя мощные леса.

Рано или поздно эти леса станут скорее правилом, чем исключением, и люди будут жить в непосредственной близости от этого вида энергии. Только представьте себе, в каком

наполненном энергией мире мы заживем. – По-видимому, это повысит уровень энергии каждого, – заметил я.

– Да, конечно, – рассеянно отозвался Санчес, словно думая наперед о том, какое значение будет иметь это увеличение запаса энергии.

Все ждали, что он скажет.

– Наша эволюция, – заговорил наконец священник, – пойдет после этого семимильными шагами. Чем доступнее будет изливающийся на нас поток энергии, тем с большей непостижимостью будет отвечать на это Вселенная. Благодаря этому в нашей жизни появятся люди, которые ответят на стоящие перед нами вопросы. – Казалось, он снова задумался. – И каждый раз, когда, повинувшись тому, что подсказывает интуиция, мы после необъяснимой встречи устремимся вперед, уровень наших собственных колебаний станет выше.

– Вперед и выше, – продолжал он, будто размышляя вслух. Если история будет продолжаться, то...

– ...то мы будем и дальше переходить на все более высокие уровни запаса энергии и колебаний, – закончил за него Добсон.

– Да, – подтвердил Санчес. – Именно так. Прошу прощения, я на минутку. – Он встал, отошел в лес и уселся там в одиночестве.

– О чем еще говорится в Девятом откровении? – обратился я к Добсону.

– Это нам неизвестно, – ответил он. – На этом имеющаяся у нас часть заканчивается. Хотите взглянуть?

Я сказал, что хочу, поэтому он отправился к своей машине и вернулся с конвертом из плотной бумаги. В конверте было двадцать листов, отпечатанных на машинке. Прочитав Манускрипт, я был поражен тем, насколько полно Добсон и Фил уяснили для себя его основные положения. Когда я дошел до последней страницы, стало понятно, почему они говорили, что это лишь часть Девятого откровения. Текст резко обрывался на середине мысли. После введения понятия о том, что преобразование планеты приведет к формированию духовной цивилизации и вознесет людей на еще более высокие уровни колебания, в тексте упоминалось, что это возвышение приведет к чему-то еще, но не говорилось, к чему именно.

Через час Санчес подошел ко мне. Я сидел, наслаждаясь невероятно большими энергетическими полями тропических растений. Добсон с Филом разговаривали возле своего джипа.

– Мне кажется, нам нужно ехать дальше в Икитос, – сказал Санчес.

– А военные? – спросил я.

– Думаю, следует рискнуть. Я ясно видел, что нам удастся прорваться, если поедем прямо сейчас.

Я согласился последовать тому, что подсказывала его интуиция, и мы, подойдя к Добсону и Филу, рассказали о наших планах.

Оба поддержали эту мысль, а Добсон добавил:

– Мы тоже обсуждали, как быть. Думаю, мы отправимся прямо к Селестинским развалинам. Может быть, удастся спасти оставшуюся часть Девятого откровения.

Мы попрощались с ними и опять покатали на север.

– О чем вы размышляете? – спросил я священника после того, как некоторое время мы ехали молча. Падре Санчес притормозил и взглянул на меня:

– Я размышляю о кардинале Себастьяне, о вашем предположении, что он перестанет бороться с Манускриптом, если только мы сможем привести его к пониманию.

Как только падре Санчес произнес это, я погрузился в свои мысли, и мне привиделось, что перед нами действительно стоит Себастьян. Мы находимся в какой-то изысканно убранной

комнате, и он смотрит на нас свысока. В эту минуту он способен уничтожить Девятое откровение, и мы изо всех сил стараемся донести до него понимание откровений.

Когда видение кончилось, я увидел, что Санчес смотрит на меня улыбаясь.: I:

– Ну и что вы видели?

– Я только что думал о Себастьяне.

– И что же там было?

– Еще более явная картина противостояния Себастьяну. Он собирался уничтожить последнее откровение. Мы старались уговорить его не делать этого.

Санчес глубоко вздохнул:

– Похоже, от нас будет зависеть, станет известной оставшаяся часть Девятого откровения или нет.

При мысли об этом внутри у меня все сжалось.

– Что же мы должны сказать ему?

– Не знаю. Но мы должны добиться, чтобы он уяснил, в чем положительное воздействие Манускрипта, понял, что Манускрипт в целом не отрицает, а проясняет истину Церкви. Я уверен, что оставшаяся часть Девятого откровения как раз об этом.

Целый час мы ехали молча. На дороге никого, кроме нас, не было. В голове вихрем проносились все события, которые произошли со времени моего прибытия в Перу. Я понял, что откровения Манускрипта слились в конце концов в моем сознании в одно понимание. Я был готов к любому загадочному повороту в своей жизни, как это было изложено в Первом откровении. Я понимал, что эта тайна волнует всех и что мы сейчас создаем новое мировоззрение, как это и отмечалось во Втором откровении. Третье и Четвертое откровения открыли мне Вселенную, представляющую, по сути дела, обширную энергетическую систему, и показали, что противостояние между людьми вызвано нехваткой этой энергии или стремлением овладеть ею.

С Пятым откровением стало ясно, что, покончив с этим противостоянием, мы сможем получать эту энергию из высшего источника. Для меня способность обретать ее стала почти привычной. Навсегда запечатлелось в сознании и Шестое откровение, гласящее, что мы в состоянии постичь свои старые ролевые установки и тем самым обрести свою истинную суть. Седьмое откровение гласит, что постановка главного жизненного вопроса, интуитивное понимание собственных действий приводит в движение эволюцию каждого. Поистине в постоянном пребывании в этом волшебном потоке и состоит секрет счастья.

Восьмое откровение объясняет, что, выделяя в людях самое лучшее, мы приводим в действие непостижимое и получаем ответы на самые сокровенные вопросы.

Все откровения слились в одно понимание, подобное сверхвосприимчивости и чувству ожидания. Я знал, что оставалось Девятое откровение, в котором говорилось о том, куда нас ведет эволюция. Часть этого откровения нами найдена. Что же остальное?

Падре Санчес остановил машину на обочине.

– Отсюда до миссии кардинала Себастьяна – четыре мили, – сказал он. – Думаю, нам нужно поговорить.

– Хорошо.

– Не знаю, что нас ждет впереди, но полагаю, нам необходимо попасть прямо в миссию – это все, что мы можем сделать.

– А какую площадь занимает миссия?

– Большую. Это плод двадцатилетних трудов кардинала. Он сам выбрал это место, чтобы здесь служить местным индейцам, которым, по его мнению, уделялось недостаточно внимания. Теперь же к нему приезжают учиться со всей страны. У него есть обязанности по делам Церкви

в Лиме, но индейцы для него – предмет особой заботы. Он отдает всего себя миссии.

Священник посмотрел мне прямо в глаза:

– Пожалуйста, будьте начеку. Может случиться, что нам будет необходимо помочь друг другу.

Сказав это, Санчес повел машину дальше. Проехав несколько миль, мы ничего не заметили, кроме двух военных джипов, стоящих на обочине дороги. Пока мы проезжали мимо них, сидевшие в машинах солдаты внимательно смотрели на нас.

– Ну вот, – проговорил падре Санчес, – Они уже знают, что мы здесь.

Проехав еще немного, мы очутились у въезда в миссию. Асфальтированную дорогу преграждали большие железные ворота. Они были открыты, но на пути у нас стоял джип, и четверо солдат сделали нам знак остановиться. Один из военных что-то говорил в раию.

Санчес встретил подошедшего солдата улыбкой:

– Я – падре Санчес, приехал для встречи с кардиналом Себастьяном.

Военный оглядел Санчеса, потом меня. Затем он повернулся и направился к солдату с рацией. Не сводя с нас глаз, они о чем-то переговаривали. Через несколько минут этот же солдат подошел и приказал следовать за ними.

Мы поехали вслед за джипом по дороге, разделенной на три полосы, и через несколько километров въехали в саму миссию. Церковь, сложенная из каменных плит, была громадной: по моим предположениям, в ней было более тысячи сидячих мест. С обеих сторон к ней примыкали еще две постройки, похожие на учебные классы. Каждая насчитывала четыре этажа.

– Впечатляющее местечко, – сказал я.

– Ла, но где же люди? – удивился Санчес. Я обратил внимание, что на дорожках и аллеях никого нет.

– У Себастьяна здесь знаменитая школа, – сказал он. – Куда же подевались все студенты?

Мы подъехали за военными ко входу в церковь, где они учтиво, но твердо предложили нам выйти из машины и проследовать за ними в здание. Пока мы поднимались по бетонным ступенькам, я успел разглядеть за одной из пристроек несколько грузовиков. Рядом стояли навьюченную человек сорок солдат. Мы вошли в церковь, нас провели через алтарь и попросили войти в какое-то небольшое помещение. Там нас обыскали с головы до ног и приказали подождать. Солдаты вышли и заперли дверь.

– Где же покои Себастьяна? – спросил я.

– Дальше к тыльной стороне церкви, – ответил Санчес.

Дверь неожиданно распахнулась. На пороге в окружении нескольких солдат стоял Себастьян. Он был высок ростом и держался очень прямо.

– Что вы здесь делаете? – обратился он к Санчесу.

– Мне нужно поговорить с вами.

– О чем'?

– О Девятом откровении Манускрипта.

– Тут обсуждать нечего. Оно не будет найдено.

– Нам известно, что вы уже нашли его. Себастьян вытаращил глаза.

– Я не допущу распространения этого откровения, – твердо произнес кардинал. – Оно не есть истина.

– Откуда вы знаете, что оно не истина? – спросил Санчес. – Вы ведь можете и ошибаться. Позвольте мне прочесть его.

Себастьян посмотрел на Санчеса, и выражение его лица смягчилось:

– Раньше вы считали, что в подобных делах я принимаю верные решения.

– Знаю, – сказал Санчес. – Вы были моим наставником. Моим вдохновителем. Я и свою

миссию создал по образцу вашей.

– Вы испытывали уважение ко мне до тех пор, пока не был найден этот Манускрипт, – проговорил Себастьян. – Разве вы не видите, какое отчуждение он сеет среди людей? Я дал вам возможность идти своим путем. Я даже оставил вас в покое, когда узнал, что вы учите этим откровениям. Однако я не позволю, чтобы этот документ разрушил все, что создано нашей Церковью.

Сзади к Себастьяну подошел военный и попросил разрешения обратиться к нему. Себастьян бросил взгляд на Санчеса и вышел в коридор. Нам было все видно, но мы не слышали, о чем идет разговор. Очевидно, военный сообщил что-то очень беспокоившее кардинала. Он дал знак военным следовать за ним, оставив только одного солдата, которому, по всей видимости, было приказано ждать с нами. Солдат вошел в комнату и прислонился к стене: на его лице было выражение тревоги. Ему было лет двадцать.

– Что случилось? – обратился к нему Санчес. Парень лишь покачал головой.

– Это связано с Манускриптом 9 С Девятым откровением?

На лице солдата выразилось удивление.

– А что вам известно о Девятом откровении? – робко спросил он.

– Мы здесь, чтобы спасти его, – ответил Санчес.

– Я тоже хочу, чтобы оно было спасено, – проговорил солдат.

– Вы читали его? – поинтересовался я.

– Нет. Но я слышал разговор о нем. Оно вдохнет жизнь в нашу веру.

Неожиданно с улицы донеслись звуки выстрелов.

– Что это? – насторожился Санчес. Солдат продолжал стоять неподвижно. Санчес тронул его за руку:

– Помогите нам.

Юноша подошел к двери, выглянул в коридор, а потом сказал:

– Кто-то проник в церковь и похитил список Девятого откровения. Должно быть, эти люди еще где-то здесь, на территории миссии.

Раздалось еще несколько выстрелов.

– Мы должны попытаться помочь им, – обратился Санчес к юноше.

Тому, казалось, было очень страшно.

– Мы обязаны совершить это правое дело, – со значением произнес Санчес. – Это нужно всем людям.

Кивнув, солдат предложил перебраться в другое место, где никого нет, и сказал, что, может быть, ему удастся помочь нам. Он повел нас по коридору, затем мы поднялись на два пролета по лестнице и очутились в широком коридоре, который тянулся на всю длину церкви.

– Покои Себастьяна прямо пол нами, двумя этажами ниже, – сказал юноша.

В эту секунду мы услышали, что по коридору в нашу сторону бегут несколько человек. Шедшие впереди Санчес с солдатом бросились в одну из комнат справа. Понимая, что мне туда не успеть, я забежал в комнату рядом и закрыл за собой дверь.

Оказалось, что это учебный класс. Столы, кафедра, стенной шкаф. Я подбежал к шкафу – он был открыт – и забился между коробками и пахнущими плесенью куртками. Я постарался спрятаться как можно лучше, но понимал, что если кто-нибудь заглянет в шкаф, то меня найдут. Я старался не двигаться, даже не дышать. Дверь в класс со скрипом отворилась, и я услышал, как вошли несколько человек и, громко говоря по-испански, заходили по комнате. Мне показалось, что кто-то подошел к стенному шкафу, молча постоял рядом и потом отошел. Наступила тишина: никого не было слышно.

Прошло десять минут, прежде чем я тихонько отворил дверцу шкафа и выглянул. В классе

было пусто. Я подошел к двери. Похоже, за ней никого. Я быстро прошел в комнату, где прятались Санчес с солдатом. К моему удивлению, оказалось, что это совсем не комната, а какой-то коридор. Я прислушался, но ничего не услышал. Прислонившись к стене, я ощутил где-то глубоко внутри себя тревогу. Я негромко позвал Санчеса. Никто не откликнулся. Я был один. От ощущения тревоги слегка закружилась голова... Я глубоко вздохнул и попытался убедить себя, что не-, обходимо сохранять хладнокровие и увеличить запас энергии. Несколько минут я старался изо всех сил, пока все в коридоре не стадо выступать более четко. Я попытался излить чувство любви. В конце концов я почувствовал себя лучше и принялся размышлять о Себастьяне. Если он у себя, то Санчес обязательно отправится туда.

В конце коридора была еще одна лестница, и я спустился по ней на первый этаж. Через окошечко лестничной двери я осмотрел коридор. Никого. Открыв дверь, я шагнул вперед, еще не зная наверняка, куда идти.

Неожиданно рядом из какого-то помещения донесся голос Санчеса. Дверь была чуть приоткрыта. В ответ на слова Санчеса рокотал голос Себастьяна. Когда я приблизился к двери, она неожиданно распахнулась, стоявший за ней охранник приставил к моей груди дуло винтовки, заставил меня войти и встать у стены. Санчес бросил взгляд в мою сторону и, увидев, что это я, положил себе ладонь на солнечное сплетение. Себастьян неодобрительно покачал головой. Молодого солдата, который помог нам, нигде не было видно.

Жест Санчеса что-то означал. В голове промелькнуло одно: ему нужна энергия. Он снова заговорил, а я сосредоточился на его лице, пытаюсь постичь его высшую суть. Его энергетическое поле стало шире.

– Вы не имеете права скрывать истину, – сказал Санчес. – Люди вправе знать ее.

Себастьян высокомерно глядел на Санчеса:

– Эти откровения попирают Писание. Они не могут быть истиной.

– Откровения не попирают Писания, а вот не открывают ли они для нас сокрытый смысл Писания?

– Мы знаем смысл Писания, – проговорил Себастьян. – И знали это веками. Разве вы забыли годы учебы и то, чему вас учили?

– Нет, не забыл, – ответил Санчес. – Но в то же время я знаю, что эти откровения расширяют границы нашего духовного мира. Они...

– Кем это сказано? – уже срывался на крик Себастьян. – Кто вообще написал этот Манускрипт? Какой-нибудь язычник майя, выучившийся где-то арамейскому языку? Что знали эти люди? Они верили, что есть чудодейственные места и таинственная энергия. Это были дикари. Развалины, где обнаружено Девятое откровение, называются Селе-стинскими храмами, Небесными храмами. Что вообще могло быть известно этим людям о небесах?

– А сама их цивилизация, разве она сохранилась? – раздраженно продолжал он. – Нет. Никто не знает, что случилось с майя. Они просто исчезли без следа. И вы хотите, чтобы мы уверовали в этот Манускрипт? Послушаешь, о чем там говорится, так можно подумать, будто мир во власти людей, будто по их воле в нем происходят перемены. Но это не в нашей воле. Это в воле Божией. Человек стоит лишь перед выбором – соглашаться с истинами Писания, чтобы обрести таким образом спасение, или нет.

– Но вы только задумайтесь, – возразил Санчес, – что на самом деле значит – принять истины Писания и обрести спасение? Как это на самом деле происходит? Разве в Манускрипте не показывается во всех подробностях, как стать более одухотворенным, приобщенным, спасенным и какими реальными ощущениями это сопровождается? И разве не открывается нам в Восьмом и Девятом откровениях, что было бы, если бы так поступал каждый?

Покачав головой, Себастьян отошел в сторону, но потом обернулся и буквально пронзил

Санчеса взглядом:

– Вы ведь даже не видели Девятого откровения.

– Нет, видел. Но не полностью.

– Каким же это образом?

– Отчасти мне рассказали о нем до того, как мы прибыли сюда. Еще одну часть я прочел несколько минут назад.

– Что?! Как?

Санчес приблизился к старшему по сану:

– Кардинал Себастьян, люди хотят знать об этом откровении. Оно проясняет все остальные откровения: в нем показывается то, что нам суждено, то, что на самом деле являет собой духовное сознание!

– Мы знаем, что такое духовность, падре Санчес.

– Знаем ли? Думаю, что нет. Мы веками говорим о духовности и считаем, что хорошо представляем себе ее, провозглашая свою веру в нее. Но мы всегда определяли Духовность как нечто абстрактное, во что мы веруем по мере разумения. И непременно преподносим ее как цель, к которой должен стремиться каждый во избежание чего-либо дурного, а не во имя обретения благословенного и восхитительного. В Манускрипте говорится о вдохновении, которое посещает нас, когда мы на деле любим ближних и придаем жизни эволюционное движение вперед.

– Эволюционное! Эволюционное! Вы только послушайте, что вы говорите, падре, вы, кто всегда последовательно выступал против теории эволюции. Что с вами произошло?

Санчес собрался с духом:

– Ла, я выступал против понимания эволюции, подменяющей Бога, против эволюции, дающей объяснение Вселенной, в котором не упоминается о Нем. Теперь же я уяснил, что истина сочетает в себе научное и религиозное мировоззрение. Истина в том, что эволюция есть то, как Господь творил и продолжает творить.

– Никакой эволюции не существует, – заявил Себастьян. – Господь сотворил мир сей, и все тут.

Санчес бросил взгляд на меня, но мне ничего не приходило в голову.

– Кардинал Себастьян, – снова обратился Санчес к своему оппоненту, – развитие следующих одно за другим поколений подается в Манускрипте как эволюция сознания, эволюция к высшему уровню духовности и колебательного движения. Каждое поколение накапливает больше энергии, открывает для себя больше истин, а затем это передается следующему поколению, что придает ему еще большее развитие.

– Это чепуха, – возразил Себастьян. – Существует единственный путь обретения большей духовности – следовать примерам, которые даны в Писании.

– Совершенно верно! – воскликнул Санчес. – Но опять же, что это за примеры? Разве в Писании повествуется не о людях, которые познают, как воспринимать энергию и волю Господа? Разве не этому учили первые пророки в Ветхом Завете? Разве не эта способность воспринимать в себя энергию Господа нашла такое высокое выражение в жизни сына одного плотника, что даже, как мы говорим, Сам Господь явился на Землю?

– Разве то, о чем говорится в Новом Завете, – вдохновенно продолжал он, – не есть рассказ о людях, исполнившихся некой энергии, которая преобразила их? Разве не сказал Сам Иисус, что дела, которые Он сотворил, мы тоже сможем сотворить, и более? Эту мысль мы никогда не воспринимали всерьез, вплоть до сегодняшних дней. Мы лишь теперь постигаем то, о чем говорил Христос, чему Он наставлял нас. В Манускрипте объясняется, что Он имел в виду! И как это сделать!

Себастьян отвернулся с багровым от гнева лицом. Наступила полная тишина, и в эту минуту в комнату вбежал офицер и доложил Себастьяну, что проникшие в миссию обнаружены.

– Глядите! – возбужденно воскликнул он, указывая в окно. – Вон они!

На расстоянии около километра были видны фигуры двух людей. Они бежали по открытому месту к лесу. На краю вырубki военные, казалось, были готовы открыть по ним огонь.

Офицер повернулся к Себастьяну и приготовил рацию:

– Если они доберутся до леса, найти их будет нелегко. Разрешите открыть огонь?

Всматриваясь в бегущих, я вдруг понял, кто это:

– Это Уил и Хулия!

Санчес подошел к Себастьяну еще ближе:

– Именем Господа, вы не пойдете из-за этого на убийство!

– Кардинал Себастьян, – настаивал офицер, – если вы хотите, чтобы Манускрипт был ликвидирован, я должен немедленно отдать приказ.

Я замер.

– Падре, поверьте мне, – услышал я голос Санчеса. – Манускрипт не подорвет того, что вы создали, того, что вы отстаивали. Вы не допустите убийства. Себастьян с сомнением покачал головой:

– Поверить вам'г1... – Он сел за стол и взглянул на офицера: – Мы никого убивать не будем. Прикажете вашим солдатам взять их живыми.

Кивнув, офицер вышел из комнаты.

– Благодарю вас. вы сделали правильный выбор, – проговорил Санчес.

– В том, что я отказался от убийства, да, – сказал Себастьян. – Но своего мнения я не переменю. Манускрипт губителен. Он может разрушить основополагающую структуру нашей духовной власти. Он может привести людей к мысли, что их духовное предназначение в их руках. Он подорвет дисциплину, необходимую для того, чтобы каждый человек на Земле пришел в Церковь, и когда настанет час Вознесения, люди будут не готовы к этому. – Он сурово взглянул на Санчеса. – Сейчас сюда направляются войска. Что предпримете вы или кто-либо еще, уже не имеет значения. Девятое откровение никогда не покинет пределов Перу. А теперь убирайтесь из моей миссии.

Мы гнали машину на полной скорости, вдалеке был слышен рев приближающихся тяжелых грузовиков.

– Почему он отпустил нас? – недоумевал я.

– Полагаю, потому, что, по его мнению, это дела не меняет, – ответил Санчес. – Мы уже ничего не сможем сделать. Не знаю даже, что и думать. – Наши взгляды встретились. – Вы же понимаете: мы не убедили его.

Я тоже был озадачен. Что же это значило? Возможно, мы были там вовсе не для того, чтобы убедить Себастьяна. Может быть, предполагалось, что мы лишь отвлечем его?

Я снова взглянул на Санчеса. Он сосредоточенно вел машину, стараясь, однако, внимательно следить за всем вокруг, чтобы не пропустить малейших признаков присутствия Уила и Хулии. Было решено, что мы поедем по той же дороге, где проезжали раньше, в ту сторону, куда направились беглецы, но пока что мы ничего не заметили. Мы ехали дальше, а я мысленно перенесся на Селестинские развалины. Я представил себе, как выглядит это место: многослойные срезы раскопок, палатки ученых и вдалеке неясные очертания похожих на пирамиды сооружений.

– Похоже, они не в лесу, – сказал Санчес. – У них должна быть машина. Нужно решить, что делать дальше.

– Думаю, нам следует попасть на развалины, – проговорил я.

Он посмотрел на меня:

– Можно и туда. Больше и ехать-то некуда. Санчес повернул машину на запад.

– Что вам известно об этих развалинах? – спросил я.

– Как уже говорила Хулия, это следы двух различных цивилизаций. Первая – майя – процветала в этих местах, хотя большинство храмов майя расположено дальше на север, на Юкатане. Около 600-го года до Рождества Христова эта цивилизация таинственным образом бесследно исчезла. Затем на том же месте основали и развили свою цивилизацию инка.

– А что, по-вашему, случилось с майя? Санчес посмотрел на меня:

– Не знаю.

Несколько минут мы ехали молча, потом я вдруг вспомнил, как падре Санчес говорил Себастьяну, что прочел еще один отрывок Левятого откровения.

– Как вам удалось ознакомиться еще с одной частью Девятого откровения? – спросил я.

– Тот юный солдат, что помог нам, знал, где было спрятано откровение. После того как мы с вами расстались, он провел меня туда, где оно хранилось, и отдал мне его. Добавилось лишь еще несколько положений к тому, о чем рассказывали Фил и Добсон, но при этом я получил некоторое преимущество и использовал его в разговоре с Себастьяном.

– И о чем же там конкретно говорилось?

– О том, что Манускрипт сделает более понятными многие верования. И поможет этим верованиям исполнить их обеты. Суть всякой религии, говорится в нем, в том, чтобы род человеческий обрел связь с высшим источником. Во всех религиях речь идет о восприятии Бога внутри себя, восприятии, которое переполняет нас и благодаря которому мы совершенствуемся. Религии умирают, когда иерархам вменяется в обязанность истолковывать людям во/по Божию вместо того, чтобы научить их, как обрести внутри самих себя путь к этому.

В Манускрипте говорится, что придет время, когда один человек уяснит для себя в точности, как приобщиться к источнику энергии, он осознает до конца наставления Господа и докажет всем, что такое приобщение возможно. – Тут Санчес взглянул на меня. – Разве не это содеял в действительности Иисус? Разве он не увеличил свою энергию и колебания до такой степени, что стал достаточно легким для... – Санчес оборвал фразу на полуслове и, похоже, погрузился в глубокое раздумье.

– О чем вы думаете? – спросил я. Казалось, он был в замешательстве:

– Не знаю. Список, показанный мне юным солдатом, заканчивался как раз на этом месте. Там было сказано, что этот человек проложит путь, которым суждено пройти всему роду человеческому. Но не говорилось, куда ведет этот путь.

Минут пятнадцать мы ехали, не говоря ни слова. Я пытался было получить какое-нибудь указание относительно того, что будет дальше, но в голову ничего не приходило. Похоже, я перестарался.

– А вот и развалины, – проговорил Санчес.

Впереди за лесом слева от дороги можно было различить три громадных строения в форме пирамид. Когда мы остановились и я подошел ближе, стало ясно, что пирамиды сложены из каменных блоков и установлены на одинаковом расстоянии, метрах в тридцати друг от друга. Плошаска между ними была выложена камнем, отесанным более гладко. В основании пирамид были видны несколько раскопов.

– Смотрите, вон там! – воскликнул Санчес, указывая в сторону наиболее удаленной от нас пирамиды.

Перед сооружением виднелась одинокая фигурка сидящего человека. Когда мы направились туда, я заметил, что уровень моей энергии повысился. Дойдя до центра вымощенной площадки, я ощутил невероятный энергетический подъем. Я посмотрел на Санчеса, он удивленно поднял

брови. Мы подошли еще ближе, и я увидел, что у пирамиды расположился не кто иной, как Хулия. Она сидела скрестив ноги, и на коленях у нее лежали какие-то бумаги.

– Хулия! – окликнул ее Санчес.

Оглянувшись, Хулия встала. Казалось, ее лицо чем-то переливается.

– Где Уил? – спросил я.

Хулия показала рукой направо. Там, метрах, может быть, в тридцати, я увидел У ила. Сумерки уже догорали, и было такое впечатление, что от него исходит мерцание.

– Чем он занят? – спросил я.

– Девятым откровением, – ответила Хулия, протягивая нам бумаги. Санчес сказал, что мы знакомы с отрывком этого откровения, в котором предсказывается, каким будет мир людей, преобразенный в ходе сознательной эволюции.

– Но куда нас приведет эта эволюция? – спросил он.

Хулия ничего не сказала в ответ. Она лишь подняла вверх зажатые в руке бумаги, словно предлагая прочесть ее мысли.

– Что? – вырвалось у меня.

Я ощутил на своем плече руку Санчеса. Его взгляд напомнил мне, что нужно оставаться наготове и ждать.

– В Девятом откровении рассказывается, к чему мы в конце концов придем, – заговорила Хулия. – В нем все становится предельно ясным. Вновь утверждается, что мы, люди, являем собой вершину всей эволюции. Говорится о том, что сначала материя появилась в простейшей форме, а затем становилась все сложнее, элемент за элементом, потом вид за видом, постепенно переходя на более высокий уровень колебаний.

– Начиная с первобытных людей мы продолжали эту эволюцию бессознательно, то подчиняя себе других, полу 3,01чая при этом энергию и чуть-чуть продвигаясь вперед, то попадая в зависимость от кого-то другого и утрачивая свою энергию. Это физическое противостояние продолжалось до тех пор, пока мы не создали демократию – систему, с которой это противостояние не закончилось, но перешло с физического уровня на умственный.

– Сегодня, – продолжала она, – мы продолжаем этот процесс уже осознанно. Мы видим, что вся история человечества подготовила нас к тому, чтобы достичь уровня сознательной эволюции. Теперь мы можем повышать свою энергию и относиться к стечениям обстоятельств сознательно. Благодаря этому эволюция двинется вперед быстрее, повышая уровень наших колебаний.

На какое-то мгновение она замолчала, многозначительно поглядела на нас, а потом повторила сказанное:

– Нам предназначено и далее повышать уровень своей энергии. А с повышением уровня нашей энергии повысится и уровень колебаний атомов, из которых состоят наши тела.

Хулия снова умолкла.

– И что же это значит? – спросил я.

– Это значит, что мы станем легче, совершеннее в своей одухотворенности.

Я взглянул на Санчеса; он сосредоточил все внимание на Хулии.

– В Левятом откровении, – продолжала рассказывать она, – говорится, что с повышением нами, людьми, уровня своих колебаний начнет происходить нечто удивительное. Люди, достигшие определенного уровня колебаний, вдруг станут невидимы для тех, кто еще остается на более низком уровне. Им покажется, что эти люди просто исчезли, но исчезнувшие будут находиться среди нас, только к ним придет ощущение необыкновенной легкости.

Пока Хулия говорила, я заметил изменения в ее лице и теле. Тело стало похожим на ее энергетическое поле. Черты лица и фигура были по-прежнему ясно и четко различимы, но то,

что я видел, уже не состояло из кожи и мышц. joi

Она выглядела так, словно состояла лишь из мерцающего изнутри света.

Я перевел взгляд на Санчеса. Оказалось, что и он выглядит так же. К моему изумлению, все вокруг выглядело подобным образом: и пирамиды, и камни под ногами, и лес вокруг, и мои собственные руки. Восприятие красоты превосходило все ощущения, которые мне довелось испытать прежде, даже то, на горной вершине.

– Когда люди начнут выходить на уровень колебаний, при котором они станут невидимы для других, – ' снова донесся до меня голос Хулии, – это будет свидетельством перехода определенной границы между этой жизнью и иным миром, откуда мы пришли и куда вернемся после смерти. Этот сознательный переход и есть путь, указанный Христом, Раскрывшись для этой энергии. Он стал настолько легок, что смог ходить по воде. Он превзошел смерть прямо здесь, на Земле, и был первым, кто осуществил этот переход, расширил границы материального мира до мира духовного. Своей жизнью Он показал, как это делается, и если мы приобщимся к тому же источнику, то, шаг за шагом, сумеем двинуться тем же путем. Придет время, и все мы достигнем такого уровня колебаний, что сможем взойти на небеса такими как есть.

Я заметил, что У ил неторопливо шагает в нашу сторону. Его движения казались необычайно грациозными, словно он не шел, а скользил.

– В откровении говорится, – продолжала Хулия, – что большая часть людей достигнет этого уровня колебаний в третьем тысячелетии, и это будут целые группы, в которых установилась сильная взаимосвязь. Однако некоторые цивилизации достигли этого уровня колебания еще раньше. В Девятом откровении утверждается, что майя осуществили этот переход все вместе.

Внезапно Хулия прервала свой рассказ. Сзади донеслись приглушенные голоса: говорили по-испански. К развалинам выходили десятки солдат; они пришли, конечно, за нами. К своему удивлению, страха я не испытывал. Солдаты продолжали двигаться в нашу сторону, но странное дело! – не прямо к нам.

– Они не видят нас! – воскликнул Санчес. – У нас слишком высокий уровень колебаний!

Я снова посмотрел на военных. Священник был прав. Они растянулись цепочкой метров на шесть-восемь левее и абсолютно не обращали на нас внимания.

Внезапно где-то у пирамиды снова послышались громкие возгласы. Солдаты остановились и ринулись на крики.

Я напряженно всматривался, желая понять, что случилось. Из леса выходила еще одна группа солдат. Они вели за руки двух человек – Добсона и Фила. Я был настолько потрясен, увидев, что они арестованы, что почувствовал, как резко упал мой энергетический уровень. Я посмотрел на Санчеса и Хулию. Они оба тоже не сводили глаз с военных и были, похоже, также встревожены.

– Пойдите! – казалось, донесся крик Уила с другой стороны. – Не теряйте энергию! – Эти слова я и услышал, и почувствовал одновременно. Они были слегка искажены.

Мы повернулись и увидели, что он быстрым шагом направляется к нам. Он вроде бы сказал что-то еще, но на этот раз слов было совсем не разобрать. Я понял, что у меня что-то со зрением. Образ Уила становился неясным, искаженным. Я смотрел и не верил своим глазам: постепенно он исчез совсем.

Хулия повернулась лицом ко мне и Санчесу. Ее энергетический уровень вроде бы понизился, но она не потеряла присутствия духа, словно происшедшее что-то прояснило для нее.

– Нам не удалось сохранить высший уровень колебаний, – проговорила она. – Страх значительно снижает его. – Она посмотрела туда, где только что исчез Уил. – В Девятом откровении говорится, что некоторые люди время от времени могут совершать этот переход, но всеобщего восхождения не случится, пока мы не избавимся от страха, пока не сумеем сохранять

достаточный уровень колебаний при любых обстоятельствах. Взволнованность Хулии росла:

– Неужели вы не понимаете? У нас это еще не получилось, однако роль Девятого откровения в том и заключается, чтобы помочь обрести уверенность. В Девятом откровении дается знание того, куда мы идем. Во всех остальных откровениях дается представление о мире, полном невероятной красоты и энергии, и о том, как нам еще больше приобщиться к красоте и благодаря этому по-настоящему познать ее.

Чем больше красоты нам удастся увидеть, тем дальше мы продвинемся по пути эволюции. Чем дальше мы продвинемся, тем выше станет уровень наших колебаний. В Девятом откровении показано, что более глубокое восприятие красоты и повышение уровня наших колебаний в конечном счете позволит нам раскрыться для Царства Небесного, которое уже перед нами. Нам пока просто не дано его увидеть.

Если мы усомнимся в нашем пути или снова сойдем с него, не следует забывать, куда устремлено наше развитие, в чем суть бытия. Обрести Царство Божие на Земле – вот зачем мы здесь. И теперь мы знаем, как к этому прийти... как мы к этому придем.

На какой-то миг она умолкла.

– В Девятом откровении есть упоминание о том, что существует Десятое откровение. Мне кажется, оно должно раскрывать...

Прежде чем она успела договорить, каменные плитки у наших ног раскрошила автоматная очередь. Подняв руки, мы легли на землю. Никто не сказал ни слева, когда подошли солдаты, отобрали у нас бумаги и увели в разные стороны.

Первые недели после ареста прошли в постоянном страхе. После того как армейские офицеры по очереди допрашивали меня о Манускрипте, энергетический уровень У меня резко упал. Я изображал недалекого туриста и говорил, что ничего не знаю. В конце концов я действительно не имел представления, у кого из других священников могли иметься списки или насколько глубоко проникли идеи Манускрипта в народ. И вот моя тактика сработала. Через некоторое время военные, похоже, устали и передали меня гражданским чиновникам, у которых подход был иной.

Эти старались убедить меня в том, что моя поездка в Перу была безумием с самого начала. Безумием потому, что, как они утверждали, Манускрипта в действительности никогда не было. Эти откровения, по сути дела, придуманы, заявляли они, небольшой группой священнослужителей с целью подготовки бунта. Меня одурачили, говорили эти чиновники, и я не возражал им.

Через некоторое время наши беседы стали чуть ли не задушевными. Все стали относиться ко мне как к невинной жертве этого заговора, как к легковверному янки, который начался приключенческих романов и потерялся в чужой стране.

Моя энергия была настолько низка, что я вполне мог поддаться этому «промыванию мозгов», если бы не случилось еще кое-что. Я был неожиданно переведен с военной базы, где меня содержали под стражей, в правительственную резиденцию недалеко от аэропорта в Лиме. Там находился тоже задержанный падре Карл. Это стечение обстоятельств в какой-то мере вернуло мне утраченную уверенность в себе.

Я прогуливался по открытому дворику, когда увидел падре Карла на скамье с книгой. Я подошел, стараясь сдерживать радость и надеясь, что мое поведение не привлечет внимания служащих внутри здания. Когда я сел, он поднял на меня глаза и расплылся в улыбке.

– А я знал, что вы придете, – сказал он.

– Вы знали?

Он закрыл книгу, и я увидел, что его глаза светятся восторгом.

– Когда мы с падре Костусом приехали в Лиму. – стал рассказывать мне священник, – нас

тут же арестовали и разлучили, и с того самого времени я нахожусь здесь. Я никак не мог понять причины ареста: вроде бы ничего такого не произошло. Потом стали все время приходить в голову мысли о вас. – Тут он многозначительно посмотрел на меня. – Я понял, что вы появитесь.

– Как замечательно, что вы здесь, – сказал я. – Вы слышали о том, что произошло на Селестинских развалинах?

– Да, – ответил падре Карл. – Я говорил немного с падре Санчесом. Его продержали здесь один день, а потом куда-то увезли.

– С ним все в порядке? Что с ним произошло? Его собираются посадить в тюрьму? Он что-нибудь знает о судьбе остальных?

– О наших знакомых никаких сведений у него не было, а что касается его самого – не знаю. Тактика властей заключается в том, чтобы разыскать и уничтожить все списки Манускрипта. А потом представить все это грандиозной мистификацией. Всех нас, насколько я понимаю, собираются полностью дискредитировать, однако кто знает, как они в конце концов поступят с нами.

– Ну а списки Лобсона? Первое и Второе откровения, которые он оставил в Штатах?

– Они уже в Перу, – ответил падре Карл. – Падре Санчес рассказал, что тайные агенты перуанского правительства разнюхали их местонахождение и выкрали их. Такое впечатление, что эти агенты повсюду. Они с самого начала знали о Лобсоне и о вашей приятельнице Чарлин.

– И вы считаете, власти стремятся к тому, чтобы не осталось ни одного списка?

– Если какой-нибудь и удастся спасти, я буду считать это чудом.

Я отвернулся, чувствуя, как снижается уровень моей заново обретенной энергии. – Вы понимаете, что это означает? – спросил падре Карл.

Я взглянул на него, но ничего не сказал.

– Это означает, – продолжал он, – что каждый из нас должен в точности запомнить, о чем говорится в Манускрипте. Вам с Санчесом не удалось убедить кардинала Себастьяна отдать вам древнюю рукопись, но вы задержали его на время, достаточное для того, чтобы Девятое откровение было понято. Теперь нужно, чтобы о нем узнали. Этим и придется заняться вам.

Выслушав слова священника, я ощутил, что он оказывает на меня давление, и во мне проснулась ролевая установка замкнутости. Я откинулся на спинку скамьи и отвернулся, отчего падре Карл рассмеялся. В это мгновение мы оба заметили, что за нами наблюдают несколько служащих резиденции.

– Послушайте, – быстро заговорил падре Карл. – С сегодняшнего дня откровения придется передавать из уст в уста. Каждый, кто выслушает эту весть и осознает, что эти откровения истинны, должен передать эту весть любому, кто готов ее принять. Приобщение к энергии – это то, к чему люди должны быть открыты, о чем нужно рассказывать, ожидать этого. Иначе все человечество может прийти к тому, что смысл жизни – в обретении власти над другими и в эксплуатации нашей планеты. Если мы опять вернемся к этому, нам не выжить. Мы должны сделать все возможное, чтобы разнести эту весть по миру.

Я заметил, что из здания вышли два чиновника и двинулись в нашу сторону.

– И вот еще что... – добавил падре Карл вполголоса.

– Что? – откликнулся я.

– Падре Санчес говорил, что Хулия упоминала о Десятом откровении. Оно еще не найдено, и никто не знает, где оно может быть.

Чиновники были уже совсем рядом.

– Мне приходили мысли о том, что они собираются отпустить вас. Может статься, что вы остаетесь единственным, кто сможет заняться его поисками.

В эту секунду наш разговор был прерван, и меня повели к зданию. Улыбающийся падре

Карл махал мне рукой и говорил что-то еще, но я уже был не в состоянии что-либо воспринимать. Как только он заговорил о Десятом откровении, я оказался поглощен мыслями о Чардин. Почему она мне вспомнилась? Какая связь между ней и Десятым откровением?

Чиновники настоятельно предложили мне собрать то небольшое, что у меня было из вещей, и следовать за ними ко входу в резиденцию, где ждала правительственная машина. Оттуда меня доставили прямо в аэропорт, где мы поднялись наверх, на посадку. Там один из чиновников, деланно улыбаясь, бросил на меня взгляд из-за толстых стекол очков.

Передавая мне паспорт и билет на самолет в Штаты, он уже не улыбался... А потом по-английски с жутким перуанским акцентом сказал, чтобы я никогда, никогда не возвращался.

Конец.